

Сергей Нестёркин

НИЖЕ ЧЕМ ДНО

Книга первая

МИЗАНТРОПЫ

МОСКВА

КНИГ ЗДАТ

2024

УДК 82-31
ББК 84(2Рос=Рус)6
Н56

Нестёркин С.

Н56 Ниже чем дно. Книга 1. Мизантропы / С. Нестёркин. — М. : КнигИздат, 2024. — 588 с.

ISBN 978-5-4492-0612-1

«Suum cuique» – мое жизненное кредо не в меньшей степени, нежели чем противников моих. Именем Российской Федерации из уст безразличных ко всему судей стелил я гонимым путь на дно, но в роковой для меня день 26 июня 2004 года на себе испытал тот же принцип и был сброшен, пошел за своими жертвами тем же путем и тем же именем. Пошел, но, в отличие от многих, не смирился, наплевал на шестую и на три последние заповеди, всю глумясь над полуголой Фемидой. И уже не именем Российской Федерации, а своим именем осудил я палачей своих, приговорил и привел приговор в исполнение, в глазах общества сам палачом став.

Палачом и убийцей...

УДК 82-31
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-4492-0611-4
ISBN 978-5-4492-0612-1 Книга 1

© С. Нестёркин, 2024
© Оформление ООО «КнигИздат», 2024

Любое сходство с реальными
событиями случайно.

ПРОЛОГ

«Не суди, да не судим будешь, ибо каким судом судишь, таким будешь судим; и какою мерою меришь, такую и тебе будут мерить!» – это меня в детстве бабушка предостерегала. А дед учил, что история человечества есть вечная конкуренция: борьба мужчин за доминирование, за жизненное пространство, за обильную пищу и за женщин. Учил, что со времен изгнания наших предков из райского сада как началась, так и не прекращалась больше ни на минуту борьба слабых против сильных, честных против лживых, порядочных против подлых, гонимых против гонителей etc.

И поверил я – началась борьба всех против всех.

Жесткие, а подчас и жестокие попытки купировать взаимную ненависть дошли до нас в виде законов, преследующих схожие цели – охрану властных вертикалей. Удивительно, но суть и давление правовых норм на простых смертных не зависели ни от разброса эпох, ни от локации территорий, ни от систем речевых знаков и способа их фиксации в кодексах. А иначе и быть не могло, ибо законодатели, сиречь политики и юристы, – люди во все времена однотипные, как черви бумажные, черствые, за буквой закона человека не видящие. Мы чтим их, изучаем и млеем над изыском письменного слога, а они лишь салютуют цитатами через века, являясь притом такими же врагами рода человеческого (*hostis generis humani*), как римский император Нерон, по утверждению Плиния Старшего со ссылкой на Агриппину Младшую.

Впрочем, слабых и гонимых юристы не забыли. Старанием подонков общества и филантропов дошла до нас применимая к людям формула утешения тягловых животных от произвола погонщиков, осмысленная философом Платоном во имя простого человека, но доработанная юристами Цицероном и Ульпианом во имя человека особого.

Suum cuique – каждому свое!

Жестоко и безапелляционно переиначили юристы, а вслед за ними ушлые политики мысль древнего грека, извращенную Европой XX века до чудовищного «Jedem das Seine» над воротами Бухенвальда. Но не учли ученые палачи, что возмездие за содеянное все равно придет за ними. Пускай с запозданием, пускай не от рук затравленных ими жертв, но придет и проставит на очередном надгробии очередную дату.

И я юрист, и я сторонник римского взгляда на мир.

«*Suum cuique*» – мое жизненное кредо не в меньшей степени, нежели чем противников моих. Именем Российской Федерации из уст безразличных ко всему судей стелил я гонимым путь на дно, но в роковой для меня день 26 июня 2004 года на себе испытал тот же принцип и был сброшен, пошел за своими жертвами тем же путем и тем же именем. Пошел, но, в отличие от многих, не смирился, наплевал на шестую и на три последние заповеди, вовсю глумясь над полуголой Фемидой. И уже не именем Российской Федерации, а своим именем осудил я палачей своих, приговорил и привел приговор в исполнение, в глазах общества сам палачом став.

Палачом и убийцей...

– Ну, Арсений, когда тебя ждать?

От неожиданности я вздрогнул, и мысли мои прервались: не ожидал услышать подобный вопрос именно сейчас, за пять дней до перехода в жизнь вечную.

Вгляделся в темноту. При жизни довольно симпатичный и улыбочивый, а теперь накрепко прикрученный к дубовому православному кресту молодой человек тридцати трех лет от роду угрюмо посмотрел на меня из душного лесного сумрака Ногинского кладбища.

– Михаил? – Я узнал его фото. – Жди!

– Чего ждать? Вставай, приехали, – заслонив собой выход, темный на темном и потому огромный силуэт Данилы Ивлева тряс меня за плечо. Не знаю, долго ли я спал, только новенький «баргузин» уже промчался по ночному шоссе от Электростали до Москвы и остановился у самого дома Ани Луновой в Мининском переулке.

Вновь на наших запястьях щелкнули стальные кольца, но я уже не сопротивлялся, как давеча в электричке. Понял, что прикованный ко мне поджарый молодой человек лишь фельдъегерь, а я лишь ценная посылка, которую надо передать получателю в целости, с сохранностью наружной оболочки. Вот потому, словно ступицу в колесе, окружили нас товарищи конвоира и вознесли на нужный этаж – так упустить боялись.

А я ничего не боялся. Чего мне бояться, если сам я себя уже приговорил, а приговорив, осознал и уверовал, что большинство из прожитых мной 12540 дней на этом свете на том в зачет не пойдут и на последний из судов предстанет из них лишь пара десятков фатальных, реально изменивших судьбу и душу мгновений, пройденных на грани закона и беззакония, на дне и ниже, – им и будет дана оценка!

Тем временем сопровождавшие разделились. Трое остались снаружи, в квартиру же вошли двое: скованный со мной Ивлев и спортивная телом, раскрепощенная манерами восточносибирская полукровка Ира Гомельская, для среднерусского взгляда очень своеобразной красоты девушка.

– Добрый вечер, Семен Михайлович.

– Лучше доброй ночи нам всем пожелать, Данил Дмитриевич, Ирочка, добро пожаловать в гости.

Тот, кого назвали Семеном Михайловичем, внешне знакомый мне мужчина неопределенного возраста, на правах хозяина вроде бы улыбнулся краем губ, даже приглашающий жест рукой сделал, но лицо его осталось непроницаемым, пугающим, а чуть навывкате глаза как нацелились по мою душу, так и застыло в них мое отображение, будто на мушку взял, прицелился и сейчас грянет выстрел.

Помимо воли заерзал я на своем месте.

Ивлев же вытянулся во фронт.

– Ирочка, отстегни их, – ласково произнес хозяин. – Отстегни и возьми из холодильника всего побольше, посытнее, все возьми, что сочтешь нужным и питательным, там много чего есть, а затем спускайтесь с Данилом Дмитриевичем в машину, подкрепитесь и подождите нашего друга.

«Друга? Это он про кого?» – удивился я.

Но ребята не удивились. Выполняя распоряжение, раскося красавица сняла с нас наручники. Ее молодой начальник не пошевелился, он выглядел напряженным, как и должен выглядеть добросовестный клерк на приеме у строгого шефа. А девушка, как я успел заметить, чувствовала себя значительно свободнее и умело пользовалась женским обаянием и врожденными чарами при общении с пожилым... впрочем, нет. Пускай уже не мальчик, а давно мужчина, но только не назвать его пожилым: здоров, энергичен, гладок и глаза молодые, умные. Вот только смотрел этот шеф на меня странно, словно мысли читал, но вскоре переключился на потертый блокнот в темной пупырчатой обложке.

А я так и застыл посреди комнаты, стараясь ни о чем не думать.

– Аронов, – представился Семен Михайлович, когда входная дверь за его ребятами захлопнулась, и ткнул пальцем в блокнот. – Арсик. Именно так тебя Анечка ласково называла, я это помню. И говорила о тебе она в светлых тонах, даже планы замечательные строила. А ты ее помнишь?

– Помню, конечно.

– Ну, тогда здравствуй еще раз. Года полтора мы за тобой гонялись, и хватит, пожалуй хватит. Нас ты не видел, а себя показал мужчиной. Выжил, не сдался и многого добился. Но только вот какой **вопрос**: и раньше твое отношение к закону мне странным казалось, а теперь и подавно. Обагрить руки кровью. На такое **не всякий** способен. Ну-ка, развея сомнения и ответь быстро, **не думая**: что есть закон?

– Видел я вас, **но пока** не понимаю, про какую кровь вы сказали. А закон – это лишь очерченное государством дно, ниже которого царят **беззаконие** и хаос, – только и нашелся я без раздумий, не теорию же мусолить про узкое и широкое толкование терминов. Не время да и не место для теорий.

– Сказано хорошо! – одобрил Семен Михайлович. – У тебя не только дела, но и мысли верные. Я тоже так считал и тоже был уверен, пока не осознал, что человек с сильной волей сам для себя определяет дно, по которому ходит или намерен ходить. Просто большинство сделать такой выбор не в состоянии и топчут дно государственное. А ты адвокат, поборник законности, но нашел в себе силу спуститься ниже, спуститься как раз туда, где, по твоей, да и по моей прошлой теории, начинается хаос и царит беззаконие. А про кровь, о которой я вспомнил, уже все забыли и ты забудь, это только к слову.

Лучше скажи, спустившись ниже, ты их здесь встретил, хаос и беззаконие?

– Нет, не встретил.

– Правильно, потому что хаоса здесь нет. Но здесь есть те, кто в какой-то мере тоже служит закону, а теперь и ты с нами, надеюсь, добровольно. Так что посиди, почитай, вспомни все, а минут через двадцать будет у меня к тебе короткий разговор, несколько вопросов и одно серьезное предложение.

– Вспомнить что?

А дальше сказать ничего не смог. Я вдруг заметил движение минутной стрелки настенных часов с застывшей на них датой «27 мая 2006 года», когда Семен Михайлович протянул мне открытый блокнот, исписанный уверенным, старательно округлым почерком покойной Анечки Луневой.

– Ab ovo. С самого детства, со становления характеров. Ты прекрасно помнишь, сколько их Теофраст насчитал, вот и подумай, какой из них свел тебя с нами, а Аню с тобой. А что не знаешь, здесь прочтешь... это все она сама писала, – и взгляд Аронова будто впился мне в лоб, пронзил мозг невидимой нитью.

Дернулся я, но освободиться не смог. Лишь далекий шелест простых и правильных слов смущал разум, подавлял волю и долбил, долбил, долбил...

И отчетливо прозвучал вопрос о дисках Авы Иверс. И вновь мелькнули черные глаза Закира Акаева, его холодный, жесткий взгляд, и тут же что-то острое врезалось мне в грудь, но больно не было, боль быстро прошла, а во рту остался лишь привкус металла, и густая жидкость начала наполнять мое горло, душисть...

Я не хотел ничего вспоминать, я хотел все забыть.

Но уже не мог.

КНИГА ПЕРВАЯ
МИЗАНТРОПЫ

ГЛАВА I.

СТАНОВЛЕНИЕ ХАРАКТЕРОВ

АНЕЧКА ТИТОВА

Недавно назначенный инструктором Бекабадского горкома КПСС в прошлом офицер, а теперь молодой пенсионер Семен Михайлович Аронов без особых церемоний выпроводил и. о. директора средней школы им. Н. К. Крупской из ее просторного кабинета и занял место за массивным деревянным столом под портретами товарищей Рашидова и Брежнева. Выгодно он смотрелся на таком фоне, а плакатно зачесанные назад густые черные волосы придавали ему известное сходство с товарищами за спиной.

Был сорокалетний Аронов высок, широк, объемен за счет мышечной массы и довольно красив, только вот на прямом лице его на фоне коричневого загара просматривались несколько грубоватых белесых шрамов, хаотично затронувших и высокий лоб, и выпуклую спинку носа, и правую щеку, и квадратный, но не тяжелый подбородок.

А еще глаза! О них отдельно: округлые, чуть навывкате глаза его не менее достойны были внимания и опасения, нежели богатырское сложение, ведь проникновенный взгляд этих темных глаз в сочетании с недюжинной силой побуждал уважать, доверять и опасаться одновременно, – инструмент, а не просто орган зрения.

С противоположной стороны стола под казенной каскадной люстрой с пожелтевшими подвесками на самом краешке стула сидела, как бы по стойке «смирно», школьница лет пятнадцати, похожая на узбечку восточная красавица с правильными, завораживающими чертами лица и такими огромными глазами, от которых любому мужчине было бы сложно отвести взгляд. Но, в отличие от коллег своих, партийным ханжой Семен Михайлович не был, исподтишка на женский пол не смотрел и глаз своих внимательных от девочки не отводил, глядел на нее открыто, по-мужски.

Смотрел, молчал и не торопился начинать разговор.

Неловкое молчание затягивалось. Но были, наверное, для того свои причины, и девочка их уже домыслила. Если верить людской молве, невесть кем распространенной, то голову от юной красавицы ответственный товарищ еще в июне потерял – вот и зашептались люди, вот и поползли слухи, надо заметить, нужные слухи, согласованные с Семеном Ароновым и оставленные без оргвыводов его формальным руководством. Так что, несмотря на странные пересуды, голова инструктора горкома все еще венчала мощное тело и потерянной отнюдь не выглядела. Просто он осознавал неоднозначность предстоящего разговора и не решался его начать.

Да и как тут начать?

Напротив сидела девочка, почти ребенок. Бедняжка не знала, что продали ее, дедушка Фариз лепту посильную внес: отвез в аппарат Эргаша Гафуровича барашка в бумажке и продал им внуку, сам за то заплатив. О карьере ее забеспокоился аксакал. Прекрасно ведь знал, через чьи руки школьницу пропустить придется. Будто забыл держатель гарема, кто отец Ани! А ведь отец – это завод, это секретные сплавы, это государственная тайна, в конце концов. Знал Семен Аронов, как

и какой ему разговор начать, какими словами цели своей добиться, но молчал.

И девочка молчала. Две прядки ее густых вьющихся волос неожиданно выбились из стянутого резинкой упругого хвостика, придав личику необычайно трогательное, нежное выражение. Она смотрела на партийного товарища да на портреты за его спиной, пытаясь прочесть в обращенном к ней взгляде свои зародившиеся еще в июне мысли...

Это отвлекло.

– Здравствуй, Анечка, – голос у прервавшего молчание Семена Михайловича оказался густым, под стать его могучему сложению, но при этом теплым, обволакивающим и проникающим в самую душу. Не слышала раньше девочка его голоса, но представляла себе именно таким.

– Здравствуйте, товарищ Аронов!

– Семен Михайлович. Пожалуйста, не по партийному, а по имени и отчеству ко мне обращайся, тем более мы уже давно знакомы, общались перед твоим отъездом в «Артек», – инструктор вновь замолчал, а школьница внимательно взглянула на него и робко кивнула, будто ответить хотела, что не общались они в начале июня, а вот так же посмотрел на нее пристально товарищ Аронов и прошел мимо. Но и тогда, и сейчас совсем не детское предчувствие заползло в юную душу из его глаз.

– Анечка, тебя на четырнадцать часов вызывают в приемную ЦК ЛКСМ, к Эргашу Гафуровичу, и мой долг – предварительно с тобой побеседовать. Для начала я хочу выразить свои поздравления: пусть и общественная работа, но это ступенька в будущее.

Семен Михайлович к чему-то прислушался.

Девочка молчала, ждала.

– Ты домой сейчас не заходи и в школе не задерживайся. Мы ребят сами организуем. Закир и Эдем помогут. А городской комитет тебе машину выделил с водителем, слышишь! Дамир сигналит.

– Слышу. Семен Михайлович, а я надолго еду? Если надолго, то мне маму надо предупредить, она волноваться будет.

– Надолго или нет? Вот считай: в Ташкент доберетесь до обеда, время пока есть, и Дамир машину гнать не будет. А там уже не от нас зависит, там сколько тебе скажут, столько и пробудешь, но уверен, что три дня – это максимум, и, конечно, маму предупредить надо. Подожди, а к вам разве Аиша Жумахоновна вчера не приходила?

– Приходила, – кивнула школьница.

– Вот видишь. Значит, она отпросила тебя у мамы на три дня, а я еще и папе твоему позвоню, не волнуйся за это. Мама согласилась и добро свое дала, тем более ты не одна, а с Дамиром едешь. Фатхулла Фаризовна его знает и доверяет, так что не торопись, погуляешь в Ташкенте, когда еще такая возможность представится? Там интересно, красиво. С людьми новыми пообщаешься, их посмотришь и себя покажешь.

– Хорошо, спасибо.

– Подожди, Анечка. Не надо меня прежде времени благодарить, разговор только начинается, – Семен Михайлович чуть помрачнел и вновь заговорил, спокойно, с какими-то даже паузами произнося слова.

– Ты точно решила идти наверх?

– Да.

– Другого ответа от тебя и не ждал. Но тогда послушай. Ты уже взрослая по местным меркам, молчаливая, очень красивая и умная. Нет, нет, не перебивай. Красивая и умная. И не узбечка. Когда тебя выдвигали, товарищи понимали, что кра-

сивых много, красивых и умных мало, а красивых, умных да молчаливых и того меньше.

И вновь нечто странное почудилось девочке в мужском взгляде, она покраснела и промолчала, а он продолжал:

– Сомнений нет, за ум тебя выдвинули и за сдержанность в словах, но красоту свою скрыть не пытайся, на нее тоже обратили внимание, и я обмолвился, кажется, что едешь ты не только их посмотреть, но и себя показать. Да?

– Да, вы сказали так, – в глазах Ани отразился испуг от неприкрытого намека, она уже знала тайный смысл этого выражения, от Эдема слышала, но мысль мелькнула, надежда, что ошиблась и речь о чем-то другом.

– У тех, к кому ты едешь, кто решения принимает, принято перед назначением приглашать кандидатов в сауну: обмыть тела и обсудить дела, как там шутят. Прости, что вот так, в лоб говорю, но не мной все это придумано и не мне это менять. Я просто хочу уберечь тебя от самого плохого. Надо будет пройти и пережить, это все их кандидаты проходят. И сейчас не красней, и там не бойся, никто тебя не обидит, – Семен Михайлович немного помолчал, глядя на слишком юную собеседницу, будто на что-то решаясь, и продолжил, совсем уж медленно.

– Не скрою, могло быть хуже, но я вмешался и хуже уже не будет; побывав там, увидав эту мерзость, ты очень правильные для себя выводы сделаешь. Кстати, а ты в сауне была?

– Нет, – от волнения чуть слышно прошептала девочка.

– Ничего особенного. Раздевалка, парилка и бассейн. В раздевалке и бассейне ты точно была, а вот парилку посмотришь, интересная вещь, необычная. Сухой пар. Но только сауна в число официальных мероприятий не входит, и потому не рассказывай никому ни о ее посещении, ни тем более о том, что там увидишь. Ни папе, ни маме – никому!

– А вам?

– А мне ты правильные выводы по секрету расскажешь, но не подробности, – улыбнулся Семен Михайлович. Он прекрасно знал: что должно произойти, все равно случилось бы, но стократ хуже, как с пока не известной ему девушкой из Нукуса. В какой-то степени Ане просто повезло, что они с Дамиром вовремя обо всем узнали.

И ей повезло, и им повезло.

– Что до подробностей, пускай это будет твой маленький секретик. У всех нас есть за душой секреты, которые мы даже партии не можем доверить, а что уж говорить про родителей, детей и жен. Точнее, доверить можем, но зачем? Партия многолика, она и так все про всех знает, а вот родители от лишней информации волнуются.

– Да, наверное.

– В жизни главное не слова. Для нас главное – верить в мощь партии и государства, служить им и оберегать. Для тебя пока главное – любить маму, уважать и беречь ее, а все наши с тобой секреты ломаного гроша не стоят. Не надо загружать ими родителей. Партия не без глаз, и мы далеко не ангелы, а всего лишь люди. Но пока мы служим, пока не утаиваем от партии свое естество, мы в безопасности. И ты, и я, и многие, многие другие. А родители... Анечка, вот ты разве все им рассказываешь про того же Закира?

– Не все, – девочка смутилась.

– Хорошо, все верно, а всего и не надо рассказывать. Конечно, не надо рассказывать, только если тебе ничто не угрожает, – как бы не заметив ее смущения, продолжил Семен Михайлович. – Но партия, которой ты начинаешь служить, и комсомол... ну, сама подумай! Разве партия и комсомол могут угрожать, даже в теории?

– Не могут! – еще больше напряглась и вытянулась девочка; какое-то время назад ее начал беспокоить один вопрос, но спросить она не решалась.

– Правильно. Сейчас именно партия в моем лице гарантирует тебе безопасность во время первой и такой важной для тебя поездки.

– Семен Михайлович, а мне там надо будет... – решилась Аня.

– Продолжай, Анечка.

– Ну, делать такое, что я не делала еще? – густо покраснела она.

– Я понял, не конкретизируй. Правильный вопрос задала и правильное сомнение высказала. Скажи, а если бы пришлось делать то, о чем подумала, это для тебя пока проблема?

– Не знаю...

– Девочка, тебе только пятнадцать! Разве я или кто другой вправе заставить тебя или даже предложить делать нечто, что тебе еще рано? Но ты едешь не ко мне и отвечаю на вопрос я не так однозначно, как хотелось бы, – школьница не шевелилась. – Говорить ответ?

Аня кивнула, но Семен Михайлович выдержал небольшую паузу; он просто залюбовался, глядя на покрасневшую школьницу.

– И да, и нет. Почему «нет», – сказал и тут же ответил он. – Потому что действий от тебя никто теперь не потребует. Все это оговорено отдельно и строго. А вот почему «да», определенно сказать не могу. Созерцать и участвовать – это разные понятия. Ты же по телевизору фильмы про войну смотришь?

– Смотрю.

– А сама при этом не воюешь. Поняла?

– Поняла. Я там только смотреть буду.

– Почему будешь? Не смотри. Посиди и отдохни, попарься, покупайся в свое удовольствие, в кафе съезди, покушай за их счет что-нибудь вкусное и дорогое; сделай вид, что ты раскрепощена. Но прошу очень, очень и очень хорошо следующий совет запомнить: молчание – золото и о нашем разговоре им не говори ради самой себя, ради своей собственной безопасности. Для них я совсем не тот человек, кем являюсь. Поняла меня, запомнила?

– Да, спасибо, я поняла и запомнила.

– Ты будешь не одна. Там кореянка по имени Наташа, она к тебе сразу же подойдет, познакомится, обнимет за плечи и объявит, что берет над тобой шефство. Все будут над ней смеяться и шутить, неизвестные тебе пошлости говорить, но ты их не слушай. Наташа – обычная женщина и даже влюблена в одного мужчину, хоть он и женат. Она сама попала в сложную, но не опасную для жизни ситуацию, от которой мы все же хотели бы уберечь тебя. Куда она пойдет, туда и ты иди, рядом держись и не бойся, при тебе она ничего делать не будет из того, что от нее ждут. Все ясно?

– Ясно.

– Хорошо. И еще одно, Анечка. Все закончится. И хорошо бы потом это забыть, но забыть не получится. Из памяти можно стереть образы, но не действия. Не надо стараться избавиться от мусора в своей голове, просто не проявляй эмоций.

Семен Михайлович огляделся по сторонам и улыбнулся.

– Вон, видишь, мокрица ползет?

– Вижу. – Девочка удивилась такой резкой смене темы.

– Я тоже вижу. У тебя сейчас нет эмоций?

– Нет.

– А брезгливость?

– Нет! Ползет и ползет, – заулыбалась вдруг Аня.

– Очень хорошо, какие тут могут быть эмоции. А давай-ка я действие совершу, скину ее со стола, – Семен Михайлович удачным щелчком смел насекомое на пол, но добивать не стал.

– А хочешь, я ее сейчас раздавлю?

– Семен Михайлович, я запомнила, но давить не надо, пожалуйста! – к удовлетворению инструктора, взмолилась Аня: ей стало жалко несчастное насекомое, и без того всеми презируемое.

– Спасибо за твою доброту. Честно говоря, я не хотел ее убивать, пускай она теперь не по столу, а по полу ползет. Но я уверен, ты и думать об этой мокрице больше не будешь, хотя запомнишь мои действия на всю жизнь, память так устроена. И потом при встрече с такими же мокрицами не надо проявлять к ним эмоций, просто помни, что их можно вот так, щелчком скинуть на пол, поняла?

– Да, поняла.

– И не только скинуть, но и раздавить по твоему желанию. И это поняла? – жестко прозвучал голос Семена Михайловича в тишине кабинета.

– Поняла, – испуганно пробормотала девочка.

– Они не просто так все это делают! Они будут ждать от тебя таких же действий. Но не надо в нашем обыденном мире даже пытаться повторить увиденное там, – пристально глядя в глаза девочки, продолжил Семен Михайлович, указав пальцем вверх.

Он выдержал небольшую паузу...

– У них есть свои правила, и небожители не такие простые, какими кажутся с трибуны. Но даже они понимают, что можно, что нельзя, а что категорически запрещено. Не волнуйся, по поводу тебя им жестко сказано, что категорически запрещено.

– Только то, что запрещено?

– И то, чего нельзя, – улыбнулся товарищ Аронов. – А тех, кто этого не понял или не поймет...

– Семен Михайлович, а у вас тоже есть свои маленькие секреты? – Аня задала вопрос, но сразу почувствовала, что снова краснеет. Еще летом этот мужчина вошел в ее мысли и потеснил даже Закира после короткой их встречи перед «Артеком», после пойманного ею взгляда. А посмотрел он тогда удивленно, будто узнал в ней знакомую свою, даже лицо его на долю секунды изменилось, как бы тень по нему пробежала. И лишь потом поняла она и тут же поверила, ведь не просто так слухи по школе поползли о чувствах его, не просто так учителя иначе на нее смотреть стали.

– Есть и у меня секреты, Анечка. Когда ты вернешься, я кое-что у тебя спрошу, потом кое-что сам расскажу и кое-какими секретами с тобой поделюсь, – ответил, и добрая улыбка осветила лицо Семена Аронова.

– А дядя Дамир? Он что будет делать?

– А вот дядя Дамир за тобой будет числиться. Он шофер и твой личный помощник в поездке. Его официальное место – в машине, а ты ему официальная, даже по документам, начальница, – Семен Михайлович уловил удовольствие на лице девочки, которое та даже не попыталась скрыть; такие эмоции – это замечательно. Значит, правильно он о ней думал, правильную тактику избрал.

И психолог прав, дозрела девочка.

– Я не шучу, именно начальница. Привыкай, придется тебе еще людьми руководить. Будь к Дамиру внимательна, говори с уважением, можешь в магазины его посылать, но не забывай волшебными словами напутствовать. Разговаривай вежливо, учись тихими словами убеждать, а не криком и не

силой. Ведь в классе ты ребят убеждаешь с помощью Закира и Эдема?

– Иногда приходится, – девочка смутилась: она всегда надеялась, что тайная помощь ребят наружу не выйдет.

– Ты не смущайся, мне положено многое знать. Для определенных моментов Закир с Эдемом правильно поступают. Так и надо. Но силой нужно и можно убеждать не всякий раз, а лишь в порядке исключения, если совсем люди не понимают и понимать отказываются. Иногда лучше избить одного, чем потом портить жизнь многим, кто за ним пошел или готов пойти. Но об этом мы с тобой позже поговорим, хорошо?

– Да, хорошо.

– Дамиру деньги выдали на поездку. Так что не стесняйся, это теперь твои деньги. Привези на обратном пути из магазина, куда вы заедете, бабушке и маме подарки. Из электроники подбери что-нибудь хорошее и современное, там японские телевизоры с магнитофонами завезли. И не скупись, поверь, что в 25 рублей в любом случае уложишься.

– А это много?

– Сама посмотришь и сравнишь, если будет с чем сравнивать. В таких магазинах ты еще не была, даже дед Фариз и папа не были. Да, что там папа и дед. Первый секретарь вашего горкома – и тот не был.

– «Вашего горкома»? – сделав ударение на первом слове, хитро прищурилась осмелевшая Аня. – Семен Михайлович, а вам что купить?

– Умная ты девочка, наблюдательная, ловко подловила меня на оговорке, но, пожалуйста, догадки свои при себе держи, – удовлетворенно улыбнулся товарищ Аронов и откинулся на спинку стула: он задумался, что-то высчитывая. – Да, ты права. Купи швейцарские часы, механику с кожаным ремешком.

ком. Но только не мне, лично мне покупать ничего не надо. Ты просто купи и привези. Выбирай сама и посмотри или спроси у продавца, чтобы на крупное мужское запястье подошли и смотрелись солидно; корпус пусть серебром отдает, а лучше натурально серебряный пусть будет корпус и ремешок черный, кожаный.

– Хорошо, а вдруг там такого нет.

– Там все есть, Анечка. Дамир ничего не сможет купить, прав у него таких нет, но ты спроси и, если что ему надо, купи и подари. Но имей в виду, деньги в том магазине еще полдела иметь, продавцу документик нужно будет предъявить на твое имя, а он у Дамира на руках, пока одноразовый.

Аня молчала. О заботах деда она не знала, и вообще девочка никогда не задавалась вопросом, почему ей разрешено больше, чем другим. Ответ был вполне очевиден: круглая отличница (своим умом и прилежанием), общественница и прекрасный организатор (тоже никто не учил), дочь одного из ведущих инженеров металлургического завода – депутата местного совета, а главное – единственная внучка самого деда Фариза!

Еще в июне по итогам положительных отзывов о работе возглавляемой ею пионерской дружины принято было решение выдвинуть кандидатуру комсомолки Титовой на должность секретаря школьного комитета комсомола со включением в резерв горкома после стажировки в ЦК ЛКСМ. По слухам, рекомендовали Аню с прицелом на дальнейшую работу в Ташкенте, и девушку такой расклад очень устроил. Она совсем не хотела связывать свою жизнь с маленьким Бекабадом, тем более ее всегда пугали молодые люди из соседней республики, с которыми часто конфликтовали местные узбеки, особенно Закир с Эдемом.

Своих соплеменников Аня понимала, с удовольствием принимала их культуру и менталитет, а вот таджиков не любила (просто боялась), особенно деревенских. Что касается узбекских товарищей, то неприятия ее русской фамилии у них никогда не возникало. Аня Титова считалась своей даже по внешности, и отношение к ней было соответствующим. Ведь она узбечка по женской линии уже во втором поколении, бабушка и мама происходили из уважаемых семей, но говорить о своей национальности девочка не любила и вопросы такие пресекала: «спортсменка, комсомолка и просто красавица» – ей всегда нравилась именно эта фраза из известного фильма, три емких понятия полностью соответствовали ее представлению о себе, настоящей советской девушке.

Деда по материнской линии, Фариза Такобаева, Аня видела редко, родители к нему не ходили, он тоже не стремился к общению, но она любила и уважала его. Сложной и путаной судьбы был человек. А вот о втором, покойном уже Иване Андреевиче Титове, пригнанном в УзССР после тяжелого ранения в 1944 году откуда-то из-под Смоленска на строительство металлургического завода, вспоминали тогда только, когда произносили отчество его старшего сына.

Когда товарищ Аронов приоткрыл ей суть предстоящей поездки, Аня испугалась несильно, а под конец разговора совсем успокоилась. Она вполне была готова ко всему если не физически, то в довольно смелых фантазиях, столь ценимых Закиром. А недосказанная опасность и гарантия безопасности ее больше манили, нежели пугали. Только вслух девочка о мыслях своих ничего не сказала, так как хорошо усвоила наставление: молчание – золото!

Очень почтительно, по-восточному изысканно и по-детски трогательно поблагодарив товарища Аронова за добрые настав-

ления, Аня с сожалением рассталась с ним и отточенной еще в «Артеке», не вульгарной, привлекающей внимание походкой, которую при желании можно было бы назвать «от бедра», нарочито неторопливо покинула кабинет, но притом успела заметить и поймать в стекле дверцы шкафа отражение блуждавшего по ее фигуре мужского взгляда и хищноватую улыбку созерцателя...

Этого она и добивалась интереса ради, а не соблазнения.

ЕДИНСТВЕННЫЕ ДРУЗЬЯ

Выйдя во двор, Аня знала, куда смотреть. К красивому зданию старой школы уже подъехала и ждала ее белая горкомовская «Волга» со знакомым всей детворе водителем, немного странным, довольно молодым и очень, очень добрым дядей Дамиром, отцом Эдема – безудержного на эмоции, пошловатого одноклассника девочки, лучшего друга ее приятеля Закира, постоянного участника, а то и заводилы всех сумасбродных начинаний. Сидя в кабинете, Аня разглядела во дворе не только «Волгу», но и фигуру школьного товарища, которого не видела почти все лето.

Закир ждал ее под старым тополем, хотя и делал вид, что играет с младшим братом в трясучку. Ага! Ну откуда у малыша Шакира деньги? Он ее ждал, и Ане было приятно. Как ни странно, но этой красавице, отличнице, общественнице, уже дважды посетившей именитый пионерлагерь «Артек» по персональным направлениям, очень нравились мальчишки, способные без лишних размышлений совершить мыслимые и немыслимые проступки, даже не задумываясь об их последствиях.

В конце первого класса тогда еще звеньевой Анечке Титовой поручили шефство над двумя такими сорванцами – За-

киром Акаевым и Эдемом Ибрагимовым. Благодаря усилиям девочки свою успеваемость ребята подтянули быстро, но какое-то время ореолом над ними довлело и шлейфом их сопровождало множество неразрешимых милицией вопросов, и, если бы не дядя Дамир, ребят давно бы поставили на учет. В те времена Аня и сама не знала, что ее приятели замышляют, что будут делать даже через минуту. Но по мере взросления свои планы мальчики научились докладывать ей и пропускать сумасбродные идеи через сито ее разумных советов. И проблем с милицией сразу стало меньше, хотя шkodить они не перестали. Однако шkodили Закир и Эдем уже не просто так, они помогали Ане организовывать ребят на разные начинания: спорить с девочкой стало опасно, бывшие общественники вроде пытались, но потом с румяными лицами, потирая и почесывая скрытые одеждой места, публично извинялись за свои сомнения в ее правоте. То же случалось и с нерадивыми исполнителями внеклассных мероприятий. Так, общими усилиями, постепенно, шаг за шагом именно Аня заняла достойное место в пионерской иерархии школы, а вместе с ней возросла роль ее приятелей.

И теперь, с помощью Закира чуточку повзрослев, слушая намеки Семена Михайловича, Аня твердо для себя решила, что выдержит любое приготовленное ей испытание и не подведет ребят, привыкших следовать в ее фарватере, ведь это были ее единственные друзья. Но случилось между ними нечто странное – драка, о причинах которой Аня напрямую не узнала, но почувствовала. Произошло это летом прошлого года, а Закир с Эдемом до сих пор ничего не объяснили, лишь отшучивались, хотя отмутузили друг друга до устрашающей врачей синевы. Впрочем, ко всеобщему удивлению, они так и остались закадычными друзьями. Ведь это была не драка!

В ходе поединка – если посмотреть на ситуацию с другой точки зрения – юноши решали между собой вопрос: кому из них Аня нравится больше, а кому меньше. Оказалось, что Закиру девочка нравится больше: пострадал он меньше.

Так Закир победил, а Эдем не обиделся. Говоря прямо, ему больше нравились местные узбеки с их многочисленными косичками, вышитыми тюбетейками и цветастыми халатиками. Тем не менее, в шутку приняв вызов, с Закиром Эдем бился всерьез, захотел силой помериться со старинным своим приятелем; и поединок состоялся на славу – оба сорванца остались довольны. Только мнение Ани они не подумали узнать. А зачем? Просто раньше у девочки было два друга, а остался только один. По внезапно изменившемуся поведению мальчиков лишь она одна и догадалась о причине той внешне бессмысленной потасовки. Догадалась сама, никто ей не подсказал, подруг-то у Ани совсем не было, она на дух (в прямом смысле) девочек рядом с собой не переносила.

Но победа Закира ее обрадовала.

– Привет, Аня!

Лицо твое – заря, а кудри – мрак ночей,
Фисташка сладких уст, миндаль живых очей.

Куда это тебя повезет сейчас дядя Дамир? – услышала она вопрос и витиеватые намеки внешне безалаберного Закира, влюбленного в нее уже давно.

Она это знала.

И не без взаимности: он это тоже давно знал.

– В Ташкент, к Эргашу Гафуровичу, – наклонив голову, девочка исподлобья следила за возможной реакцией приятеля, который возвышался перед ней почти на целую голову. Ох,

и поздоровел же Закир за лето. Аня невольно залюбовалась не по-юношески мощной фигурой мальчика, особенно поразили ее ставшие вдруг такими округлыми мышцы рук.

– О, к самому Эргашу Гафуровичу, – проследив за взглядом, Закир как бы невзначай начал поигрывать бицепсами. – Хорошо быть красивой.

Красивые лица – любимцы судьбы,
Им легче, в их жизни меньше борьбы.

Когда приедешь, к нам зайдешь?

– Если вообще приеду сегодня, – голос Ани почему-то сорвался, она закашлялась и с трудом отвела взгляд от руки Закира, который специально сжимал ворот рубахи своего младшего братишки. – Прости, но заходить буду по значимости и очередности. Сначала к товарищу Аронову. Вот только кто он и где точно работает, я не знаю, – она мельком посмотрела на окно кабинета, где только что беседовала с Семеном Михайловичем. Тот смотрел во двор, на нее...

Аня зарделась и немного отстранилась от Закира.

– Надеюсь, что не узнаешь. Ладно, зайди сначала к товарищу Аронову, разрешаю. Вон он, в окно глядит, кстати.

– А ты знаешь, кто он?

Закир не ответил и только засмеялся, дав звонкого леща семилетнему брату, круглолицему балагуру Шакиру. Жестулируя безбожно, тот непрерывно строил Ане противные рожицы, а после каждого произнесенного Закиром стиха прикладывал маленькие ладошки к груди и устремлял их затем в сторону девочки, смешно закатывая глаза и порываясь встать на колени, если бы не мускулистая рука Закира, сжимающая ворот его рубахи.

– Так знаешь? – переспросила девушка.

– Говорят, он год находился с дядей Дамиром в Афганистане, был сильно ранен, год лечился и после выздоровления его прислали к нам из самой Москвы. А место работы и должность его никто не знает, даже отец Эдема. Внештатный инструктор. И все. Кстати, завтра вечером мы в футбол играем в Ленинабаде, ты не поедешь?

– Нет, не смогу: уезжаю. Вот зачем ты мне это сказал перед дорогой? Я буду волноваться. Вспомни, как все ваши поездки заканчивались! Плохо, очень плохо! – Аня прекрасно помнила, как в конце мая Ленинабадская милиция довезла команду Закира до границы республики, выгрузила и уехала восвояси, оставив ребят пообщаться с поджидавшими их местными.

– Не волнуйся, нас и туда, и обратно на автобусе повезут.

Опасайся плениться красавицей, друг.
Красота и любовь – два источника мук,
Ибо это прекрасное царство не вечно:
Поражает сердца и уходит из рук.

– Ха! Как в прошлый раз?

В этом мире неверном не будь дураком,
Полагаться не вздумай на тех, кто кругом,
Трезвым оком взгляни на ближайшего друга –
Друг окажется злейшим врагом.

– Хорошие стихи, мудрые. Но я тебе не враг, – Закир стоял перед ней и, по своему обыкновению, беззаботно улыбался.

Расстроившись вконец, даже не прощаясь, Аня еще раз взглянула на окно, теперь уже пустое, и забралась на задний диван белой горкомовской «Волги». Подмигнув ей в зеркало, дядя Дамир красиво просигналил и нажал по газам.

С. Нестёркин.

Ниже чем дно. Книга 1. «Мизантропы»

– Поехали, юная разведчица! – только и произнес он ласково. – Скажи, если захочешь выйти, а за ребят не волнуешься: мальчиков встретят на нашем, городском автобусе и, как в прошлый раз, не получится – все будет хорошо.

Путь предстоял неблизкий, более ста километров.

ТЕОРИЯ НЕВЕРОЯТНОСТИ

Вот кто бы поверил в сентябре 1981 года, что такая девочка, как Аня Титова, смогла бы меня полюбить. Никто не поверил бы в самую возможность нашей встречи. Посмотрите на карте: где Бекабад, а где Москва? Свыше трех с половиной тысяч километров по трассе. Далековато. А сопоставив мое бледное тщедушное с чернооком, смуглым и мускулистым Закиром Акаевым, активным участником всех драк, к тому же умевшим делать «солнце» на турнике, просто рассмеялся бы мне в лицо и сказал:

– Ну-ну, мальчик...

А раз так, то придется все по порядку.

НЕ РУССКИЙ, НЕ ТАТАРИН, А КТО?

Зовут меня Арсений Воротнев, или просто Арс, – так в школе нарекли, для простоты. Родился я 26 января 1972 года в Москве, в районе Лефортово, где и проживал с тех пор на Энергетической улице. Из всей небольшой, но дружной семьи нашей к моему третьему классу в живых остались только я, бабушка и родители мои – Михаил Иванович и Динара Ряфаиловна. Можно и про национальность нашу сказать, чисто

для паспорта: понятное дело, что отец – русский, мама – татарка, и фамилия у нее в девичестве была Валеева. Она со своим братом-близняшкой Равилем с детства в Москве проживала в семье прадедушки Шамиля, а мать их, забулдыжка, так и осталась в Горьковской области, и даже, как звать ее, я не запомнил. Нет, имя простое, но в голове не отложилось за ненадобностью. Отказалась она с мамой моей общаться после ее замужества, не той национальности муж оказался!

Короче, о паспорте: кем получились родители мои, известно, а вот кем получился я, плод их любви, – этот вопрос всерьез не поднимался в нашей семье, разве только в шутку.

Не обрезанный – не мусульманин, не крещеный – не православный.

Не татарин получился я и не русский – советский человек.

– Татарин, – смеялись мама и дядя Равиль, давя отца числом и задором во время семейных посиделок. Ну, не могли друг без друга брат с сестрой, где один, там и вторая, и наоборот – родились в один день и умереть должны были вместе – так им их дед Шамиль напроорочил, а они лишь смеялись.

– Русский, – пытался переспорить отец.

– Хоть каким-то, но получился! – ворчала на этот счет бабушка.

– Лишь бы характер имел! – записал в блокноте дедушка.

Но какой там характер. В сентябре 1981 года был я еще ребенком, длинным и нескладным октябренок, даже пока не пионером, хотя и мечтал повязать красный галстук на шею и почувствовать себя взрослым. А то маленьким быть ох как тяжело. Не придавал мне весу в глазах отца кучерявый Володя Ульянов в пятиконечной звездочке на груди. Как умер дедушка года два назад, так папа и ощутил себя главой семьи – на мою беду включил свою пластинку. И да ладно бы играла она,

а то крутилась только и шипела, перепрыгивая с одного на то же, и так одно и то же, изо дня в день: про общение и дружбу, про силу и выносливость...

Эх, дедушка бы меня защитил!

Помнил я, как неподвижно он сидел (у него ноги парализованы были) и строго на меня смотрел, внимательно слушал, никогда не перебивал. Войну с июня 1941 по конец 1943 года дед прошел почти удачно, хоть и ранен был, но выжил и даже двух детей спас в самом начале – девочку десятилетнюю и новорожденного мальчика. Любил он тот день вспоминать. А в конце августа 1973 года из горящего дома вынес еще трех детей, что жили сейчас в соседнем подъезде и учились со мной в одной школе, в старших классах. Но вот спасти их престарелую тетку, виновницу пожара, не успел. Завалило их обоих балками у самого выхода. Тетке повезло, ей голову отшибло сразу, померла без мучений, а деда парализовало ниже пояса; и говорить он перестал, только свистел горлом и потому предпочитал с тех пор молчать. А ежели сказать дед хотел, то запись делал в блокноте.

И до самой своей смерти хранила бабушка те записи его, и даже целовала их, зачитывая мне цитаты по каждому случаю, и заставляла их повторять.

– Арсений, если хочешь вырасти достойным человеком, не уподобляйся окружению философа Теофраста, – писал дедушка, и читала бабушка записи его. Тяжело читала, непонятно. Скажу честно: я хоть и вызубрил мерзостные характеры Теофраста, но не уподобляться бы им не смог даже при желаниии. Падаль человеческая древнего грека по жизни окружала, раз он лишь негатив в современниках великого Платона и царя Александра выявил, но ведь падаль с характером – разве это плохо?

Были и на мне воспетые Теофрастом грехи, ибо в жизни своей дальнейшей я часто притворялся, а наглость почитал за второе счастье. С удовольствием пустословил без меры при необходимости навешать лапшу на чьи-то доверчивые уши и не видел ничего страшного в том, чтобы возвыситься над массой. Но более всего любил я выдавать сочиненную ложь за истину; что ни версия, то ложь, правдиво изложенная и неопровержимая. Не чуждо мне было и тщеславие поначалу, прихвастнуть любил, только это со временем прошло: жизнь подкорректировала. А еще я суеверным был с детства. Хоть и некрещеный, хоть и советский школьник, хоть и пионер с цветом пролитой крови на груди, но крестился. И на церкви крестился, и на мечети. Синагог не видел, а то бы и на них крест святой клал. Когда же мелочь на улице находил и подбирал, осенял себя троекратно, а при виде черных котов шел и за пуговицу держался, если пропустить кого перед собой или обойти не мог. Одним словом, недалеко ушел я от времен Теофраста, от времен становления новых независимых эллинистических государств на прежде едином постперсидском пространстве.

Цитат из блокнота на все случаи жизни не хватало, и потому у бабушки имелась еще одна цитата, ее личная, специально для меня припасенная на все случаи жизни и жуткая: «Не суди, да не судим будешь, ибо каким судом судишь, таким будешь судим; и какою мерою меришь, такою и тебе будут мерить», – даже представить сложно, как боялся я этих цитат! И дедушку при жизни его боялся. Помню, носил он седую бороду потрясающей длины с копной седых же густых волос. А глаза его – ужас! Оболочки радужные к векам верхним подтянуло когда-то, аж жуть. У меня от дедушкиных глаз сжималось все внутри, и, казалось, страшней глазищи могли

быть только у бабушки, когда та в самую душу мне глядела не мигая. Пугался я, но и гордился. Сказывала бабушка, будто на деда я становлюсь похож, и фото в молодые годы его она-де видела – один к одному.

Но дедушка умер, а отец...

ВТОРАЯ ЖИЗНЬ АНИ ТИТОВОЙ

Нет смысла описывать, где и с кем оказалась пятнадцатилетняя девочка под вечер 1 сентября 1981 года, не об этом речь. Только самым мучительным для Ани было не смотреть, а слушать и слышать все происходящее – как раз то, что товарищ Аронов своим планом не предусмотрел. Но все земное имеет свое начало и свой конец: с обещанными документами в руках, с покрасневшим от запоздалого стыда лицом утром 3 сентября Аня Титова вышла к поджидавшему ее дяде Дамиру и просто передать не могла, как обрадовалась, его увидев.

– Ну что, Анечка, тяжело было ощущать себя одной в окружении врагов? – Дамир пытливо поглядывал в зеркало на пассажирку, пытаясь определить ее душевное состояние. – Наш брат разведчик так и работает в любых условиях, оставаясь при этом человеком. Как настроение?

– Спасибо, дядя Дамир, хорошее! – девушка помахала ладошкой и улыбнулась ему в зеркало. Она вдруг поняла, что водитель тоже связан с Семеном Михайловичем и тоже ее охранял. А еще она поняла, что прав был товарищ Аронов: она запомнила лишь действия, но не лица. Только ангела своего – хранителя, Наташу Ким, в лицо запомнила.

– Дядя Дамир, а тетя Наташа с трибун выступает?

– Бог с тобой, Анечка! – улыбнулся бывший разведчик. Кому сказать, так никто не поверил бы, что женатый и в силу характера верный жене Дамир влюбился в ту самую Наталью Ким, в реальности совершенно не похожую на разбитную и порочную женщину, образ которой она приняла на себя; а любовь зла, она на должности и семейное положение не смотрит. Вот и боролся несчастный товарищ Ибрагимов со своими чувствами.

А началось все с того, что, испытывая новую технику, Дамир случайно зафиксировал красавицу кореянку в укромном для посещения месте, притом не одну. Конечно, слышал бедолага о заграничных нравах, но не знал, что такое существует и в СССР, да еще в его родном, любимом Узбекистане! В общем, если без конкретики: застукал, познакомился, но шантажировать, осуждать или перевоспитывать не стал, а для девушки это вновь оказалось, удивил он ее. И тогда, узнав бывшего капитана КГБ получше, Наталья добровольно сдала ранее ему неизвестный механизм кадровой работы своих всемогущих друзей, сдала со всеми инициаторами и вдохновителями – с потрохами сдала. Но пошла на сотрудничество при условии, что вытащат ее из того вертепа, куда ее вовлекли помимо воли, находиться в котором не желала, но и вырваться сама не могла.

Аню ждала та же участь.

Но обошлось.

Несмотря на раннее утро, Дамир завез девочку в специализированный магазин на территории не связанного с торговлей учреждения, а потом уже помчались они на новую квартиру Семена Аронова. И если в магазине Аня ошалела от многообразия и дешевизны обозначенных в каталоге товаров (и наличию их на складе), то еще больше она удивилась, что Семен

Михайлович проживал один в трехкомнатной квартире в центре Ташкента. О том, что помещения могут быть служебными и ответственные товарищи вправе ими распоряжаться, девочка не знала.

– Семен Михайлович, я привезла часы, – озираясь на голые стены, Аня достала импортную упаковку. – Я не знала, что вы в Ташкенте живете.

– Пожалуйста, Анечка, зови меня дядя Семен. Это служебная квартира, до вчерашнего дня в Бекабаде у меня была такая же, а теперь она Дамиру перешла. Видишь, я пока не обжился. Чуть позже введу тебя в курс дела, все объясню и поясню, а пока послушай, мне и так тяжело говорить.

Аня склонила голову набок, с пониманием.

– Анечка, я осуждаю тех, на кого ты смотрела и кого ты слушала все эти дни, но поверь, своим присутствием и своими страданиями там ты очень помогла нам с Дамиром здесь, мы этого не забудем и свою благодарность скоро тебе представим. А теперь пойдём, – товарищ Аронов провел девочку в комнату, усадил на диван, а сам сел поодаль, на табурет. – Слушаю.

– Дядя Семен, вы просили сделать вывод. Вот он: власть красивых женщин краткосрочна и эфемерна, мужчины просто выставляли за дверь надоевших, старых, а сами развлекались со вновь прибывшими. Но это не для меня, я не хочу таких отношений и не хочу быть такой женщиной! – пока Аня говорила, Семен Михайлович сидел с непроницаемо блаженным лицом, от девочки он ожидал всего что угодно, но только не спокойного рассуждения.

– Ты сделала правильный вывод. Между мужчиной и женщиной должна быть только любовь, а не то, с чем ты столкнулась там!

Аня кивнула, а ее старший товарищ счел возможным смелить тему и постараться как бы забыть события двух последних дней; он давно понял, что с психикой у девочки полный порядок.

– Давай оставим прошлое в прошлом и поговорим с тобой о настоящем и будущем. Маме, бабушке и Дамиру что купила?

– Маме – японский магнитофон, бабушке – японский телевизор, а дяде Дамиру я хотела купить импортную электрическую бритву, только он отказался тратить на нее деньги, хотя я просила!

– А сборник, – **немного** прищутив глаза, дядя Семен скороговоркой произнес: – Гийяс-ад-Дин Абу-ль-Фатх Омар ибн-Эбрахим Хайям Нишапури на персидском с переводом на арабский и узбекский, из-за которого Дамир отказался от бритвы? Ладно, не **отвечай**, сам понял, что Закиру. Анечка, ты молодец. А хочешь **знать** еще больше?

– Очень хочу!

Девочка взяла в руку протянутый ей лист и прочитала коротенький текст, просто текст, без указания, куда и кому он адресован.

– А в какую организацию? – недоуменно спросила она.

– Милая! – дядя Семен даже засмеялся. – Ты и так понимаешь, в какую организацию. Текст соответствует твоему возрасту как по содержанию, так и по ответственности за его нарушение.

– Да, я готова переписать его и подписать.

Аня быстро и буднично переписала от руки несколько строк, подписала и отдала.

– Да, спасибо. Вот теперь я могу и рассказать, и попросить тебя кое о чем, а если ты об этой или о других моих просьбах

кому расскажешь, то отвечать, в силу возраста своего, не будешь, отвечать придется мне, – Семен Михайлович немного помолчал, отнюдь не театрально. – Я лично поручился за тебя перед товарищами.

– Дядя Семен! – воскликнула Аня, приложив руку к сердцу. – Что бы вы ни попросили, я не подведу вас!

– Спасибо. Я верю в твою искренность и верность. А вот и моя первая просьба, задание. В понедельник после второго урока Дамир за тобой заедет и отвезет в горком. Теперь уже официально – в ваш горком. Найди там такие слова, чтобы передача дорогих часов первому секретарю была похожа на передачу простого и само собой разумеющегося подарка его старшему сыну на прошедший день рождения; сама продумай легенду, от кого подарок, а я возьму ответственность за любое твоё предложение, так что не подведи.

– Да, я найду слова и передам.

– И еще. В парной ты смотрела и видела все, что не должна была видеть, и делали они то, что не должны были делать. А теперь представь, как некто тайно снял про них фильм и пригрозил предать его огласке, если... а что их попросят сделать и кто это попросит, я не знаю. Шантажируя принимающих кадровые решения, любой сможет не только расставлять людей на местах, но и направлять работу наших учреждений, а это уже опасно.

– Тогда почему вы их в тюрьму не посадите?

– А теперь незачем. Какой смысл их сажать? Нет, сажать – это последнее дело. Люди слабы, их воспитывать надо. Угрожать им будут как раз наши таинственные противники. Мы же наоборот. Отныне только мы будем их защищать, если... только это будет уже наше «если», наши условия. Поняла?

– Поняла! Вы их на крючок, как рыбок, нацепили.

– Не совсем, Анечка. Если сравнивать с рыбалкой, то мы их как раз с чужих крючков снимать начали и в наш садок перекладывать. А внутри они смогут не просто жить долго и счастливо, но даже немного плавать и икру метать. А теперь слушай. Первый секретарь горкома не должен взять у тебя подарок. Но если он возьмет, то интересно, кто ему еще подает, кто его содержит и что требует взамен? Очень хотелось бы задать ему вопросы, а для этого и у нас с тобой должен быть свой маленький фильм.

– Да, я поняла. Его тоже в садок?

– Нет, Анечка, – засмеялся Семен Михайлович, – его в садок сажать не будем, его как блесну, как живца используем. Не столько он интересен, сколько его посетители, настоящие хозяева города. Для Дамира это важно знать. И помни, такие фильмы простым смертным не покажут. Обманывать тебя я не вправе, потому и сказал про съемку. Пройдет все гладко – у тебя будет хорошая премия к зарплате.

– К зарплате! Это как у мамы? – удивилась девочка.

– Да, я сказал «к зарплате». Теперь у тебя вполне официальная зарплата, по размеру даже больше, чем у мамы, и право на посещение того магазина, где ты уже побывала. Деньги будешь получать дважды в месяц, но только не надо об этом никому говорить.

– Да, буду молчать. Спасибо!

– Не за что меня благодарить. Ты сама знаешь и мы знаем, через что тебе пришлось переступить. А в магазине не надо хватать все подряд и помногу. Соседи, знакомые будут просить, будут деньги предлагать – не бери у них, не покупай, не спекулируй. Привыкай к новым вершинам, не надо пользоваться своим правом в интересах других.

– Да, хорошо.

– А пока тренируйся, руку набивай.

– Это как «руку набивать»?

– А так. Раз в неделю намечай себе магазин для наблюдения. Не распыляйся, одного магазина в неделю вполне достаточно. Анализируй все, что увидишь, и пытайся вычислить его настоящего хозяина. Это может быть совсем и не директор, а невзрачный человек, на которого ты в жизни бы не подумала. Наберешься опыта – перейдем к учреждениям, сначала в Бекабаде, потом в других городах республики. Ты должна понимать принципы их работы и безошибочно определять, к кому, как и через кого можно найти подход, кто и сколько берет подарков. Интересно?

– Да. Необычно.

– О результатах пока сообщай дяде Дамиру. Как видишь, я из Бекабада уже переехал и в следующем году буду назначен на первую должность, а пока на второй поработаю, а вы там остаетесь. Слепо доверяй Дамиру и знай, он не такой добродушный во второй своей жизни, каким кажется в первой. У всех нас как бы две параллели, две жизни; первая у тебя 4 апреля 1966 года началась, а вторая началась сегодня, с чем и поздравляю!

– Спасибо, – недоверчиво улыбнулась девочка.

– Не веришь? Ничего, скоро и поверишь, и даже понравится. А теперь, Анечка, пора тебе домой. Еще есть вопросы?

– Дядя Семен, а с вами я как общаться буду? – голос у Ани дрогнул, ей вдруг почудились в словах товарища Аронова казенные нотки. Неужели это все! А как же...

– Как с отцом, – Семен Михайлович внимательно посмотрел на реакцию девочки, на ее только что растерянный, а теперь недоуменный, но потеплевший вдруг взгляд. Нет, он не

лгал, не сказал то, что она хотела бы услышать. Он сказал правду, и Аня это почувствовала.

– Как с папой?

– Да, как с папой, очень любящим тебя и твою маму.

– Спасибо... – девочка не смогла даже подобрать слова вопроса, так сильно она разволновалась. – Дядя Семен, а маме что можно рассказать?

– Только правду, но не всю. Расскажи, что была в ЦК ЛКСМ, долго ждала, но документы на стажировку подписали. А пока ждала, погуляла с Дамиром по городу, в гостинице жила в отдельном номере, в специализированный магазин захала по направлению, подарки купила, всего за 25 рублей командировочных средств. **Запомни**, всегда говори только правду, но, когда правду сказать невозможно, лучше промолчать.

– Да, поняла.

– И еще скажи **Фатхулле Фаризовне**, что посещение этого магазина тебе отныне положено по должности стажера и раз в две недели ты **сможешь** совершать там покупки вместе с ней; в эти дни за **вами** будет приезжать машина и мы с тобой будем встречаться и гулять, и маму возьмем.

– Дядя Семен, а у вас есть семья? – Аню буквально распирало от любопытства, а товарищ Аронов, давно утративший возможность проявлять эмоции, втянул в легкие воздух и окаменел лицом: не ожидал он увидеть столь пристальный взгляд больших глаз пятнадцатилетней девочки. Он сам обычно смущал людей взглядом, а тут...

– Тебе обязательно надо знать? – но, видя, что Аня молча продолжает глядеть на него в ожидании, сказал единственное, что мог.

– Семья есть, но жены нет. Такой ответ понятен? – Аня молчала. – У меня нет жены, но есть сын, он старше тебя

и сейчас завершает обучение в Москве, в Суворовском военном училище, и ты с ним еще познакомишься.

– Я была бы рада. Простите, а жена, она умерла?

– Ну и настырная ты девочка, все и сразу тебе подай! – засмеялся Семен Михайлович. – Мы развелись, она уехала, а сын остался со мной. И больше тебе скажу: она недавно овдовела и готовится выйти замуж за коллегу своего покойного мужа. Все! Никаких вопросов!

– Хорошо, больше не буду, – вздохнула Аня. Она не думала уже о работе, не вспоминала о событиях последних дней и забыла о начале своей новой, какой-то параллельной жизни. Мысли девочки витали вокруг простого осознания, что нет у дяди Семена жены и дочери, а значит он и вправду сможет стать ей отцом или...

– Анечка, – перебил Семен Михайлович девичьи грезы, – раз уж у нас начался откровенный разговор, хочу сказать одну вещь, только не рассказывай об этом никому: в прошлом году я витал как бы между небом и землей и понял, что надо просто жить. И ты тоже справишься со всем, что отличает тебя от других, я это уже знаю и горжусь твоими силой, волей и терпением, и мама тобой гордится! Ты не сердись на папу...

– Он маму предал! – слишком резко вскрикнула, но осеклась Аня. – Нас с мамой он даже не замечает, его нет никогда, он маму винит во всем, что со мной происходит, а в чем наша вина? За какие грехи все это?

По поступившей из Москвы информации, Аронов уже знал, за чьи грехи расплачивается теперь девочка. Понимал он поведение Альберта Ивановича, но не сочувствовал ему: настоящий мужчина должен принимать и любить жену и ее дочь такими, какие они есть. Тем более ни капли вины Фатхуллы не было во всем, что с ней случилось в ее шестнадцать лет. Но Альберт Иванович не любил ее, он женился не заду-

мываясь, женился по расчету и не прогадал. А Семен Аронов влюбился. В мать или в дочь? Он и сам не смог бы ответить на такой вопрос, но пошлости в его чувствах не было.

– Простите, дядя Семен, – теперь уже Аня прервала его мысли. – А можно еще спросить?

– Опять последний вопрос? – улыбнулся тот.

– Да, последний. Вы же мне сказали, что помощники Эргаша Гафуровича знают вас как другого человека. А кем вы им представились?

Семен Михайлович задумался, не желая отвечать. Готовясь к операции, он целую неделю околачивался в дорогих ташкентских ресторанах с двумя вертлявыми типами из аппарата ЦК ЛКСМ и договаривался с ними о карьере перспективной комсомолки, деньги за которую уже были переданы ее дедом, но переданные деньги открыли девочке лишь путь в сауну и к дальнейшей карьере без каких-либо гарантий безопасности. Вот он и хотел обезопасить Аню от того плохого, что ее могло там ждать, а для этого нужен был имидж; и дошли тогда слухи о странных отношениях внештатного инструктора с малолетней протеже до заинтересованных ушей из уст самой Наташи Ким, дамы молодой и серьезной, с неоднозначной репутацией. Это для мужчин придумали статью УК УзССР о «бесакалбазлык», но молодая кореянка была лишь женщиной, за что и ценилась безумной сестрой одного высокопоставленного товарища. Такой уж та уродилась, и поделаться с ней никто ничего не смог.

Но ключом к переговорам выступило отнюдь не поведение просителя, а крупная партия французских чулок, прошедшая неблизкий путь из Парижа в Кабул, где перемещение затерялось в недрах военных перевозок СССР и завершилось в Бекабаде, в служебной квартире товарища Аронова. Так и получилось, что, благодаря французским чулкам и стояв-

шей перед ним девочке, зафиксированные Дамиром на видео ответственные товарищи, осознавшие вдруг свое моральное разложение в присутствии несовершеннолетней, уже начали каяться, божиться, показывать друг на друга пальцами и подписывать бумаги – товарищу Мизалевичу в Москву потекла информация о кадровых назначениях и непубличных связях в республике последних лет, – вот тогда гибель детей и провал неучтенного государством транзита через Афганистан 1978 года Аронову и Ибрагимову простили, в званиях восстановили, даже повышение по службе наметилось.

– Не скажу. Просто не скажу! – ответил он, вспомнив вопрос.

– Вы не хотите лгать? – глаза девочки округлились.

– Анечка, когда ты станешь совсем-совсем взрослой, тогда только я скажу тебе правду, а пока помолчу и от этого буду только умнее...

– Представились моим любовником? – перебила его Аня.

Товарищ Аронов густо покраснел, замаялся и совсем не к месту помянул нечистого, а глаза девочки разве что из орбит не полезли от удивления: никто не видел ее сильного, волевого и уверенного в себе собеседника таким смущенным – только Аня.

Она улыбнулась и молча вышла из квартиры, сияя от счастья, у девочки все на лице было написано.

– Вот и нашел я тебя снова! – смахивая со лба пот, прошептал Семен Михайлович, безвольно взирая на закрытую дверь, совершенно не понимая, что он шепчет и к кому обращены его потаенные мысли: к узбечке Ане или к еврейке Фане – таким разным, но так похожим друг на друга в его памяти.

И несовершеннолетняя Аня, и ее замужняя мама, за которыми восстановленный теперь на службе полковник Аронов

долго наблюдал, о которых много узнал тайного, заполнили его холостые мысли так же, как одинокая красавица Наташа Ким заполнила мысли женатого и верного жене приятеля его, капитана Ибрагимова.

Семен Михайлович не выдержал и выглянул в окно. Девочка стояла рядом с ухмылявшимся Дамиром и махала рукой на прощание. Но не прав был верный товарищ, если подумал что-то сродни ухмылке своей.

Так и началась у Ани вторая жизнь.

Уже в понедельник 7 сентября 1981 года, когда все ее одноклассники с шумом побежали в столовую, дядя Дамир встретил и отвез девочку в городской комитет партии, где все прошло гладко и сопутствующая поездке удача стала очевидна практически с порога по заблестевшим вдруг глазкам хозяина кабинета. Он узрел протянутые Аней серебряные швейцарские часы на черном кожаном ремешке и услышал теплые слова от имени комсомольской организации школы и лично от дарительницы, адресованные только ему одному, воспитавшему достойного сына!

Брошенное семя коснулось земли и дало всходы: подарок был принят, от текущих занятий в школе Аня была освобождена и остаток дня провела в Бекабадском дворце пионеров и школьников, где взамен направленного вдруг в Ташкент художественного руководителя по настоятельной просьбе первого секретаря возглавила жюри конкурса молодых исполнителей и юношеских коллективов города к предстоящему Международному дню искоренения неграмотности; – победа и право выступить в Ташкенте досталась Александру Михайлову и Эльвире Салетдиновой – скромному дуэту от средней школы им. Н. К. Крупской.

А вечером девочка получила на руки премию 75 рублей.

ЗВЕЗДА ГОРИТ, УДАЧА БУДЕТ!

– Арсений, прошу, давай мы тебя в спортивную секцию запишем, на футбол. А то все один да один. На улице почти не гуляешь, сам в гости не ходишь, к себе никого не приглашаешь. Еще одно лето прошло, а ты дома просидел, в одиночестве, – в какой уже раз твердил мне отец.

Это он меня специально донимал, точил, как вода камень точит. А все, кто меня знал, уже давно смирились с тем, что вымахал я нескладным, высоким, угловатым. Ну кто такого дистрофика в секцию возьмет? И лишь папа все твердил и твердил. Ну надоело!

В очередной раз я отрицательно тряхнул головой и отросшей моей гордостью – густыми, принципиально нечесаными патлами.

– Погоди отказываться, сынок. Тебе почти десять, пора уже и со сверстниками общаться, на них посмотреть надо, себя показать. А что ты им покажешь, если из себя ничего не представляешь, если бегать, подтягиваться и отжиматься, даже подражаться в удовольствие и то не можешь. Оценки свои школьные покажешь? Но как же сила?

– Бабушка сказала, что я и так сильный, – насупился я.

– Это ты для бабушки и для мамы сильный, на их фоне, а по физкультуре тройка. Запомни, если не сейчас, так в недалеком будущем мышцы тебе очень кстати придутся, всем мальчикам они нужны. А без этого и бить тебя будут безнаказанно, и подшучивать, кому не лень. Вот чем тогда ответишь, если ни силы, ни ловкости, ни друзей верных нет? Школьный дневник покажешь? Ну-ну, попробуй. Им же и огребешь!

– А Леша Трифонов разве не друг? – я приложил усилие, чтобы выдать из себя страдальческий вид; не нравился мне этот разговор.

Но папа был настойчив.

– Арсений, я с тобой согласен. В вашем классе не с кем дружить, кроме Леша. Такое бывает. Не повезло тебе. Но я не совсем об этом. Ты сложно с людьми сходишься, замкнут слишком.

– Не замкнут, – привычно возразил я.

– Замкнут, – так же привычно парировал отец. – И я таким был когда-то давно, и дед твой меня учил, то же самое говорил, что сейчас я тебе пытаюсь, почти слово в слово. Вопреки моей воле – а я сопротивлялся – он на хоккей меня отвел, и помогло, ей-Богу, ни минуты не пожалел.

– Чем это тебе помогло?

– Вот считай. Твой дядя Равиль – он с хоккейной секции. И с его сестренкой Динарой, мамой твоей будущей, я через него познакомился. Как сейчас помню, пописать в кустики побежал после тренировки, а там уже она сидела с голой попой, так и познакомились. А когда мы выросли и стали совсем взрослыми, то поженились, и у нас сразу же родился ты.

– Я не хочу жениться! – здесь я попытался выдать слезу, но получилось не очень правдиво – весело рассмеялся: представил, как мама с голой попой в кустиках с папой знакомилась.

– Вот, ты смеешься, а то начал слезу выдавливать. И не знакомься! Тебе секция сама по себе поможет. Горизонты расширит, коммуникабельности придаст. Футбол – это командная игра, контактная. Там мышцы иметь надо, силу, выносливость... вот сколько мне лет?

– Не знаю.

– Правильно, потому что я все еще сильный и выгляжу молодого, так как спортом занимался и штангу до сих пор поднимаю, гантели. А тебе пока надо учиться доверять, помогать и принимать помощь.

– Я лучше дома гантелями займусь! – это была последняя надежда отвергнуться, но папа понял идею по-своему.

– Можно и гантелями, одно другому не мешает. Ты и в секцию ходи, и гантели качай под моим присмотром, пока тело твое не окрепло, к нему отдельный подход нужен. А в секцию я тебя хочу отдать не для спортивных достижений, между прочим. Подумай еще разочек, хорошенько!

Вода камень точит.

– Да согласен, согласен! Пойду в твою секцию! – так и крикнул; пусть отец не говорит теперь, что я упертый. Крикнуть-то я крикнул, а сказать хотелось о любви к Жанне Белоноженко. Только папе это вряд ли интересно: его секция интересовала. И бабушке с мамой я ничего не мог рассказать о чувствах своих: им не нравилась мама Жанны. Но вот что в тете Лене могло не нравиться? Этого я не понимал.

В мае она жевательные резинки со вкладышами принесла. Прямо в класс: во время урока зашла на день рождения дочки и всем раздала. Мне досталась какая-то полицейская академия с чернявой теткой во вкладыше, а Леше – красная машинка. Разве плохой человек так поступит? Нет. А бабушка сказала, что тетя Лена поступила плохо. Она-де старого мужа бросила, когда того с должности сняли, а за молодого депутата Моссовета замуж вышла. И еще сказала, что счастья этот брак тете Лене не даст: всегда любил чужие разговоры слушать.

Но, услышав бабушкины рассуждения, все равно не понял, что плохого сделала тетя Лена, и потом у Жанны переспро-

сил. А та сама не знала, хорошо мама поступила или плохо, сказала только, что новый папа моложе, зарабатывает и любит их больше, чем старый, который только ругался; и мама веселой вдруг стала, реже теперь донимает ее своим вниманием, – что и требовалось доказать! Неправа бабушка, хоть раз в жизни, но ошиблась.

И папа насчет футбола тоже ошибался. Добившись моего согласия, 14 сентября 1981 года он все же свозил меня в футбольную секцию. Мало того, что ехать пришлось голодным сразу после школы, да еще довольно далеко, аж на «Автозаводскую», а потом пешком ковылять по прохладе. Там, на Восточной улице, находился так любимый папой стадион «Торпедо», куда он и надеялся пристроить меня к очень известному детскому тренеру. Однако удовольствие от поездки я все же получил: в те годы автоматы в метро установлены были, куда можно бросить монету в 10, 15 или 20 копеек, выудив взамен огромные пятаки. Но папа мой и тут помешал: он сильно спешил приехать к назначенному времени – мы успели.

И вот надо мной уже возвышался мощный мужик с хитрым прищуром, возрастом чуть постарше отца, с волевым лицом и очень серьезным взглядом. Мне даже показалось, что тренер много чего повидал и много чего испытал в своей жизни, а теперь смотрел на нас с высоты своего положения. Нет, иначе я себе представлял детского тренера, как нашего учителя физкультуры я его себе представлял. Но стоящий напротив меня человек никогда не был учителем физкультуры, он был атлетом и футболистом!

– Эдуард Анатольевич, – представился тренер, пожав руку отцу и протянув ее мне, тоже для рукопожатия. Он сходу пощупал мои несуществующие бицепсы, покачал головой, ос-

мотрел длинную тщедушную фигурку, снова покачал головой и, потеряв к моей персоне спортивный интерес, отправил папу в центр принятия решений: староват ваш сын для детской команды, мнение начальства необходимо.

– Малыш, а ты силовыми упражнениями займись, – сказал тренер, когда мы остались вдвоем, – мой тебе совет: мышцы качай, гантели, штанга, бег по утрам. Все это должно быть с тобой. И дерись чаще. Не ленись. Жизнь – это не только слава, деньги и успех. Жизнь – это еще и неприятности. Большие, очень большие неприятности. Надо быть готовым ко всему, а для этого даже не друзья, а сила нужна. Бывает, что ни друзья, ни родители, ни начальство – никто не поможет, только ты. И многие, многие обстоятельства против тебя; сопротивление такое: один против многих. Не обижайся, что я тебя не взял, но и не радуйся. Пускай сегодняшний день тебе уроком будет. Качайся, бегай, дерись, только не сиди в норе!

Подумал Эдуард Анатольевич о чем-то, посмотрел куда-то вдаль, через поле, на Москву, что в сизовой дымке в низине расстилалась, и добавил:

– Будь сильным, Арсений. Единственное, на что в жизни можно рассчитывать, так это на собственную силу, удачу и счастливую звезду. Звезда горит, удача будет, а сила твоя зависит от тебя самого. Придет момент, когда никого рядом не окажется, когда помощи будет неоткуда ждать и останешься ты один против всех, – так и сказал мне боготворимый папой, мамой и дядей Равилем, но незнакомый лично мне тренер, пока искал мой родитель центр принятия каких-то решений.

Вот только почудилось тогда, что центр этот как раз передо мной стоял, но папе это знать необязательно, не сказал я ему ничего – не срослось. И даже вмешательство дяди Равиля не помогло, хотя на стадионе работала его давняя знакомая,

скрываема́я от жены незамужняя татарка, не очень старая, но все еще очень красивая! Говорили об этом старшие за закрытыми дверями, но разве мог я такое пропустить мимо ушей?

Не получилось у меня с футболом, зато гантели, штанга и бег как-то незаметно, шаг за шагом вошли в мою жизнь и стали частью меня. Это сразу примирило нас с отцом и не приставал он больше ко мне со своими секциями. Но благодарен я папе за заботу его. Прав он оказался, повлияла поездка на меня, и на всю жизнь запомнил я слова совсем не детского тренера Эдуарда Анатольевича:

«Будь сильным, Арсений. Единственное, на что в жизни можно рассчитывать, так это на собственную силу, удачу и счастливую звезду. Звезда горит, удача будет, а сила твоя зависит от тебя самого. Придет момент, когда никого рядом не окажется, когда помощи будет неоткуда ждать и останешься ты один против всех», – так он сказал.

И так я запомнил.

БЫТИЕ И СОЗНАНИЕ

После получения первых в своей жизни, так странно заработанных 75 рублей финансовый вопрос для Ани отпал на многие годы вперед: дядя Семен слов на ветер не бросал, оговоренные заработную плату и премии передавал своевременно; частенько больше положенной нормы, но никогда не меньше. Вот только пользоваться деньгами открыто Аня пока не могла, но и этот вопрос был как-то разрешен. На помощь пришел дядя Дамир, который с очередным авансом привез своей бывшей однокласснице, красавице Фатхулле Фаризовне, разворот «Комсомольца Узбекистана» с передовицей ав-

торства ее дочери, вручил девочке удостоверение внештатного корреспондента и гонорар за статью, – красивая легенда получилась, и рассказал дядя Дамир все красиво, со вкусом. Но как трудно и горько Ане было смотреть на радость и гордость обманутой мамы.

А вот папы не было дома, как всегда. Он никогда не говорил, куда ушел, где находится, и когда вернется, и вернется ли вообще, а возвращаясь, почти всегда был отчужден. Девочка давно догадалась о фактическом крахе их семьи. Раньше она этого не замечала, потом боялась, а теперь только и мечтала о разводе родителей. Аня вдруг ощутила незримую заботу о себе и своей маме со стороны такого мужчины, каким всегда мечтала видеть родного отца, и с тех пор обе жизни девочки, своеобразно влияя одна на другую, как планеты, взаимно обращались вокруг общего центра – дяди Семена, полюбила его Аня... возможно, не как дочь.

А пока сотрудничество с дядей Семеном стало тем единственным ее бытием, которое определило сознание. На все заработанные советские рубли загадочные друзья дяди Дамира приобретали для нее золотые украшения с целью сохранения средств; она копила и хранила золото, но не продавала. Так и привыкла ощущать свое превосходство над людьми из первой жизни за счет заработанных денег во второй – внутренне ощущать, не внешне. Ведь кроме природной красоты своей, Аня ничем от других школьников не отличалась. Но если в обычной ее жизни менялись только цифры классов и прожитых лет, то в параллельной происходило нечто более значимое.

Аня быстро научилась вычислять истинных хозяев мира сего, какую бы должность они официально ни занимали. Как и предложил дядя Семен, начала она с магазинов, а потом

постепенно научилась ориентироваться в советских и даже в партийных учреждениях. Ей довелось посетить Гулистан, Андижан и Джизак, Карши и Навои, Наманган и Нукус, Самарканд и Термез, Бухару, Ургенч и даже маленькую Тойтепу.

Объехать пришлось почти всю республику, всех первых и прочих секретарей, но не с пустыми руками объезжала она ответственных товарищей и не простые слова им передавала, рисковала и знала это. Но везде ее принимали обходительно, и возраст школьницы точно никого не смущал, отнюдь не на возраст девичий смотрели мужчины, а лишь в глаза ее красивые заглядывали. Но только в глаза, так как знали, что можно, что нельзя, а что категорически запрещено.

Только однажды Аня всерьез испугалась. После снятия и неожиданной смерти товарища Рашидова в декабре 1983 года некий старый знакомый, новой волной брошенный с партийной проверкой в Бекабад, встретил ее в горкоме и узнал, в кабинет пригласил и руки с языком распустил; сильный оказался и не смогла Аня ничего сделать, не смогла отбиться, не смогла убежать, терпеть пришлось, пока насильник похоть свою ублажал, для девушки не совсем обычную.

Но даже не насилия она испугалась, а последствий: дядя Дамир узнал обо всем в тот же день, в Ташкент съездил по горкомовским делам и с дядей Семеном вернулся обратно в ту же ночь. А вечером следующего дня отвез Дамир Ибрагимов своего товарища обратно, воротился и при скоплении зевак в ближайшем арыке выловил тело сластолюбца: пьян оказался тот, сам в воду упал и утонул, только язык вездесущий прикусил при падении, да так прикусил, что кончик унесло поля удобрять или рыбок кормить – сом в тех местах знатный водился. Нет человека – нет проблемы. Дядя Семен не одобрял эту цитату (не во всех случаях одобрял), а вот дядя

Дамир ценил и руководствовался ею, хотя и сомневался в первоисточнике. Аня же слушала и не спорила, она даже мысленно не противилась, просто верила и готова была согласиться со всем, что делают и в будущем сделают эти двое мужчин, одного из которых девушка давно и безответно полюбила.

Однако шум в узких кругах событие наделало. Даже следователь Генеральной прокуратуры СССР приезжал, пытался из мухи слона сделать. Но как ни крутил он свидетелей, судебный эксперт отсутствие криминала подтвердил, никаких признаков насилия над личностью не обнаружил – и все стихло, подозрения в раскаленный узбекский песок ушли, будто вода.

Одна только Аня знала о причинах столь нелепой смерти. Но сама смерть человека ее не впечатлила.

ЗАКИР АКАЕВ

Так в жизни сложилось, что Аня Титова позже ровесников пошла в первый класс и совершеннолетие свое встретила еще в школе. Тогда только всем бросился в глаза ее возраст: зашептались завистливые девочки и их молоденькие пока мамы. И грустно ей стало, никого не хотелось видеть в день восемнадцатой годовщины, кроме дяди Семена конечно. А тот даже не позвонил! Но и не забыл, как оказалось. Он сюрприз приготовил: вечером приехал без звонка, без подарка и забрал Аню с Фатхуллой Фаризовной в Ташкент, в ресторан, где все оказалось готово к торжеству; стол под шатром у небольшого прохладного прудика ломился от снеди невиданной, даже в доме деда Фариза не бывшей.

Но не это стало знаковым событием вечера. И не золотое украшение с огромным прозрачным, сверкающим гранями

камнем, привлечшим внимание далеко не бедных жен и подруг именитых товарищей по соседству. Как ни странно, к еде никто из троих почти не притронулся: не до того было. Они разговаривали, но больше анекдоты дяди Семена слушали, вино пили и смеялись, смеялись...

И заметила вдруг девушка перемену в своей немного охмелевшей в тот вечер маме. Заметила и заревновала: мама оказалась лишь одинокой в замужестве молодой женщиной, красивой, слабой и влюбленной отнюдь не в мужа своего. И замелькало вдруг в непроницаемых черных глазах далеко не старого еще дяди Семена величайшее смущение. И расстроилась Аня своему открытию. Ведь каких-то других мужчин ни в первой, ни во второй жизни у нее за прошедшие годы не появилось. Закир в первой, а дядя Семен во второй как заняли, так и занимали в сердце девушки свои отдельные места, а дядя Дамир – нет, ну не могла она во всем своем естестве вернуться в теплое одеяло зимой или в легкую простынь летом и молча сидеть, прижимаясь к нему при встречах, не могла делиться с ним своим, чем-то совсем уж сокровенным. Даже с Закиром не могла: ему всегда большего надо было и она кое в чем уступала. Только с дядей Семеном Аня могла быть собой, только он в ее присутствии становился обычным человеком и снимал вечно носимую им на людях непробиваемую маску, только в его присутствии две жизни Ани сливались.

Но Закира она все же любила. Более чем фривольные, словно стихи их любимого поэта, красивые отношения между молодыми людьми от внимательных глаз старших товарищей не ускользнули – Аню не смущали догадки: пусть знают, рано или поздно подобное должно было произойти, и лучше оно произошло с Закиром, если нельзя с...

Но Семен Михайлович повода усомниться в ее выборе не давал.

Аню смущали лишь родители Закира: нравы семьи Акаевых, как черви в дождь, наружу полезли после ввода ограниченного контингента войск в соседнюю страну, заметнее стали, будто тщательно скрываемый пятьдесят лет скелет их расстрелянного за бандитизм предка из шкафа постучался. Аня хорошо знала, сколько нитей связало родителей Закира с осколком их семьи в Афганистане. Знала и о том, что Закир был в курсе своих родственных связей, что отца своего он уважал, а мать боялся и не понимал: хоть и красивая, хоть и оглядывались на нее мужчины, но странной была Эльмира Акаева, религиозная и прямая – все у нее на языке вертелось, как у пьяной.

Родители Закира в молодости бунтарями были. В апреле 1969 года, оставив маленького сына с бабушкой, приняли активное участие в русских погромах: с толпами узбеков носились по Ташкенту и ловили, избивали, раздевали догола и бросали на посрамление среди улиц беззащитных светленьких женщин и даже по-европейски одетых узбечек при попустительстве милиционеров-соплеменников, а разогнаны были лишь присланной с севера армией светловолосых молодых ребят, не отличавших бесчинствующих молодчиков от отар тупых баранов, – но пронесло, не поймали, а потом все забылось в стране победившей дружбы народов.

Знала это Аня со слов Закира. Но знала и то, что одной из жертв тех погромов оказалась и бабушка Эдема, заболевшая и не смогшая пережить свое бесчестье более, чем на три года. Знала и скрывала, догадываясь о последствиях – не забыл дядя Дамир судьбу своей матери. Да и затаились с тех пор Исмаил с Эльмирой, будто бы раскаялись. Но шила в мешке

не утаить, и нутро Акаевых само шло наружу, пробивалось новыми ростками.

А случилось все буднично.

3 июня 1984 года Исмаил, как и жена его, молодежь и на людях жизнерадостный, словно доброго знакомого, встретил для здешних мест непривычно бледного, высокого и тощего Игоря Титова, которого Аня вместо почтальона прислала к Закиру с интимным посланием; сам же юноша в Бекабад на каникулы из Ташкента приехал.

– Игорек! – ласково окликнул его Исмаил, когда тот только вошел. – У нас голубь почтовый захворал, а Шакир плачет. Пройди во двор, посмотри. Только потом не торопись, про папу и маму расскажи, про дядю Альберта и дядю Иосифа, про сестренку. Как здоровье, как работа? Ну, а пока беги, беги во двор быстрее.

Когда молчаливый подросток передал Закиру записку сестры и убежал во внутренний двор, лишь для посторонних нарисованная улыбка некоторое время играла на лице Исмаила, красиво осеняя его, пока совсем не исчезла, пока губы не приняли своего домашнего, угрюмого выражения. Закир знал причину недовольства отца: после ввода войск в Афганистан и до того хаотичные мысли его стали какими-то однотипными:

– Закир, нам теперь опять на русском говорить надо?

– Почему? – удивился тот.

– Игорь пришел, он же не говорит на тили!

Закир улыбнулся. Нет, не был отец махровым националистом, просто невыдержанным был, не нравилось ему все вокруг, не терпел понаехавших с привнесенными порядками; из всех русских достойной казалась ему лишь та ветвь Титовых, что состояла в непосредственном родстве со старым Фари-

зом, а ветерана войны, орденоносца и инвалида, покойного уже Ивана Андреевича Титова не знал, знать не желал и говорил:

– Пришлый он человек, пустой, без рода без племени. Голодранцем сюда прислали, словно скотину в вагоне привезли – этих русских всегда как скотов возили. Заселили, понастроили заводы и магазины, пятиэтажки и колхозы с совхозами, затолкали туда местных, торговлю и рынки прикрыли, молиться запретили, трудолюбивых и зажиточных разогнали или разорили, одну голь после себя оставили; хоть в дома сейчас не суются, помолиться можно, душой отдохнуть! – с детства слышал Закир своего отца, не спорил, но и не соглашался: русские-то здесь при чем?

Лично ему русская культура и девушки нравились, хоть и любил он внешне похожую на узбечку Аню. Закир мечтал переехать в РСФСР. Отец знал об этом и тоже не спорил, понимал: взрослого сына дома не удержать. А дом у Акаевых был типичным узбекским. Альберт Иванович и брат его Рушан помогли справиться в середине 60-х еще. Не приветствовались в доме «новые штучки», не было ни радио, ни телевизора; и не пустила бы Эльмира детей своих в школу, но куда деваться, как можно детей в школу не пустить?

Вслед за Игорем прошли Исмаил с Закиром во внутренний дворик, готовить тандыр к работе, ждали только Эльмиру. Да и спешить некуда. Закир школу окончил, а для Шакира и Исмаила – три месяца каникул, три месяца в году собой побыть можно!

– А тут русский дух сам в дом валит, как в их сказках, – ворчал Исмаил, поглядывая на Игоря. Он вспомнил вдруг, что работает учителем труда в школе, где учится Шакир и которую только что окончил Закир. – В школах дети от рук отбива-

ются, многие учителя собственных не родили, а все туда же, чужих учить норовят.

– Нет, папа. Ты ошибаешься, – засмеялся Закир ошибке отца. – Есть у них дети, и не по одному.

– Вот заставь дурачка понять величие Всевышнего и воздать Ему достойную хвалу! – парировал реплику сына Исмаил. – Ты раньше слов таких слышать не желал, а как армией запахло, тогда только начал учиться. Не по зову сердца, не с благолепием в душе, а по корысти своей на случай плена. Спасибо матери хоть на этом скажи, надоумила!

Прав был Исмаил Шавкатович, только для этого и посещал Закир уроки странного типа – боготворимого мамой Эшкула Муаллима.

Но об Ане Титовой отец хорошо отозвался:

– Давно надо было поговорить с ней по-мужски, зачем сопли жевать в таком деле? А то мышцы накачал, словно лев, а ведешь себя как овца, точнее баран. Омара Хайяма своего читаешь, наизусть учишь. А зачем? Девушке стихами понравиться хочешь?

Закир кивнул.

– Другому тебе начинать уже учиться надо, – благожелательно изрек отец. – Соединяйте браком неженатых мужчин и незамужних женщин и праведных из ваших рабов и рабынь. Пусть недостаток не будет причиной, препятствующей браку!

– Коран?

– Да. Коран учи, а не стихи Хайяма. И денег вам будет дано вдоволь, и дом справим, и с армией утрясем. Это все русским нейдется, все им мало, мало, мало! Ну ничего, пусть только призовут тебя, пусть осмелятся. Перстень фамильный возьми, найдешь куда спрятать, по перстню и узнают тебя и род твой те, кому надо будет, а я подскажу на проводах, к кому

там обратиться. – Исмаил задумался: пятьдесят лет прошло, как семейство прадеда границу пересекло, но мир слухами полнился, и воюют родичи его теперь за всех расстрелянных большевиками.

Знал об этом Закир. И желания матери он знал: давно подбивала мужа пару жен из одиноких и незамужних подруг ее сделать; сама смогла лишь двух мальчиков родить, но хотела больше. Исмаил мысленно подшучивал над супругой, но искренне ее любил и других жен брать не желал, даже неофициально, даже красавиц-подруг ее, даже если бы сама Эльмира их ему привела.

Так и скакал отец Закира мыслями с одного на другое целыми днями, домашние его слушали и соглашались во многом.

День был жарким.

Шакир сидел в одних шортиках на достархане возле маленького сделанного им самим арыка, текущего по желобку в небольшой бассейн. Вода подавалась прямоком из водопроводного крана и приятно журчала, переливаясь солнечными бликами, весело перебегающими с водной поверхности на ствол и ветви старого карагача, затенившего добрую половину двора. При появлении Игоря мальчик лишь грустно посмотрел в его сторону; рядом лежал голубь, судя по оперению и размеру самец, он почти умер, но еще был жив – вопрос в минутах.

– Не расстраивайся, Шака, как и все на Земле, голуби тоже умирают от старости. Вот видишь, какая у него окраска лапок?

Игорь Титов мечтал стать врачом, и все об этом знали. Пару лет назад он лечил бездомного щеночка, которому кто-то отрубил лапку: юный доктор промыл грязную рану холод-

ной водой и забинтовал. Щенок не умер и через неделю уже пошел на поправку. Тогда Игорю было тринадцать лет, а сейчас пятнадцать, щенок вырос и с ним в Ташкенте жил, на трех лапках скакал.

– Вижу, – послушно кивнул Шакир.

– Вам обоим по десять лет. Только голубь уже глубокий старик, а ты – маленький мальчик. Пока он жив, ты перышко на память вырви у него и по ветру пусти, он не обидится, ему не больно. А умрет – схорони птичку в ямке. Не похорони, а просто закопай.

Последние слова услышала Эльмира, оставила морс перед мальчиками и поспешила к тандыру, где ее ждал муж. Женщине хотелось поскорее рассказать мужу и старшему сыну о предложении неверного похоронить птицу в могиле, как обычного человека, а вырванному перу поклоняться, – так переврала она слова подростка.

– Это притянет к нам несчастье! – закончила Эльмира свою речь.

– Не волнуйся, жена. Предавать земле павших животных желательно, чтобы они не причиняли беспокойства своим запахом и болезнями, а вот верить, что захоронение притянет несчастья, запрещено, как запрещено нам само суеверие. По-моему, долг правоверных устранять с пути все, что причиняет вред людям. Этот русский мальчик прав. Пускай схоронят голубя. Не похоронят в могиле, а схоронят в ямке. Просто закопают. Разница есть. И перья нельзя хранить для поклонения, это поклонение идолу. Запрещено! Мы в детстве, помню, просто по ветру перья пускали, у кого дальше пролетит.

Эльмиру не устроили слова мужа, и она снова прошла к детям. Шакир уже встал, чтобы нести умершую птицу на улицу, но женщина вырвала мертвого голубя из руки мальчика и что-

то со злобой в голосе сказала по-узбекски, вытащив из кармашка его шорт небольшое перышко. Потом зло посмотрела на Игоря, подошла к ограде, ловким движением выдрала еще с десяток перьев и выкинула тело птицы за ограду, а перья бросила в тандыр, в горящие угли, – Шакир так растерялся, что не мог даже двинуться с места, а потом сел и тихо заплакал.

Не обращая внимания на ребят, помрачневший от такой сцены Исмаил сосредоточился на тандыре, Закир стоял и смотрел на все совершенно опустошенно: он в такой обстановке с детства воспитывался, только не прилипало к нему плохое; а Игорь поспешил уйти из этого странного дома.

Таким же свой дом считал и Закир.

– Ты что расстроился? – Эльмира весело посмотрела на маленького Шакира, когда Игорь ушел. – Ты знаешь, что он лягушек надувает через трубочку? И лапу собаке сам отрубил. Какой он совет даст? Ты сам думай, с кем можно водиться, с кем нельзя. Тебе уже десять лет. Аня – это одно, а Игорь – другое. Ты на их лица погляди. Она узбечка, а он кто? Вот то-то и оно.

– Как это лягушек надувает?

– Так. В зад им соломинку пустотелую вставляет и надувает, а потом к ниточкам лягушат привязывает и носит, как шарики. Ты видел, чтобы узбеки так делали?

– Нет, не видел. А Игорь так делал?

– Делал! Я лично видела!

– Послушай, любимая, оставь Игорька в покое. Я вот решил с дедом Фаризом о Закире и Ане поговорить, что ты об этом думаешь?

Впрочем, мысли жены своей он знал и иных слов не ожидал...

- Не примет она веру, и падут на нее болезни!
– А если примет? – все-таки спросил Исмаил безответно.
Эльмира не сочла нужным ответить, а Закир промолчал, так как знал, что Аня никогда не примет веру его матери.
Но сам он к вере предков начал нехотя приобщаться.

ТАЙНЫЙ НЕДУГ

Лишь в середине августа 1984 года об июньском конфликте Эльмиры и Игоря Титова Закир поведал Ане, с которой уединился в укромном месте на берегу широкой, полноводной и неспешной в своем течении реки. Молодые люди сидели обнявшись среди прибрежных тополей, наблюдали за текущей мутной водой и молчали. Они умели вот так, сидя, обнявшись, молчать и не считать это чем-то неловким, – впереди их ждало первое расставание.

В какой-то момент своего рассказа Закир внимательно посмотрел на Аню. Ее поведение неожиданно изменилось: девушка вдруг странно, движением большого и всех остальных пальцев левой руки начала массировать щеки от скул к кончикам губ и обратно, повторяя многократно; и это при том, что она всегда трепетно относилась к цвету своего лица.

– Значит, уезжаешь? – приглядываясь к Ане, спросил Закир.

– Да, уезжаю, – голос ее сделался сонным, скрипящим и немного капризным; Закиру даже почудилось, что его подруга с чем-то борется внутри себя. – А у меня есть выбор? Есть куда деваться? Ты мужчина, сильный и красивый, а я кто? Возраст съест мою красоту, и что останется? Думаешь, я ничего не понимаю? Думаешь, я дура? Экзамены сданы, я за-

числена на первый курс; только ехать и остается. Дядя Семен договорился там со всеми. Все! Кончен этот разговор. А ты как? Куда планируешь?

– Правильно ты сказала, я мужчина. Насчет красоты поспорю, а насчет силы соглашусь, есть сила. В армию призовут скоро. Тем более выбора у меня тоже нет, как и у тебя. Шайтан с ним, с Афганистаном, я его опасуюсь, но не боюсь.

– Ты ошибаешься, у тебя есть выбор. Я могу поговорить с Ароновым, ведь дядя Дамир своего Эдема отмазал с его помощью. Я не хочу, чтобы тебя в Афганистан забрали, делать тебе там нечего, узбеку! Сашу Михайлова привезли – видел, в каком состоянии? А ведь он всего на класс старше! Вот что дальше его мама с ним делать будет?

– Не надо обо мне говорить, Анечка! Ты со своим товарищем о Михайловых поговори: власти послали – власти пусть и заботятся. Ты права, в Афганистане узбеки живут, как и мы тут, один к одному, говорят на том же самом тили. Просто граница между нами так прошла. Вот и пусть попробуют меня туда послать. Прав отец: они русских посылают, им так надежнее, а потом бросают безногих одиноким матерям. Сволочи! – Закир уже не мог сдержать эмоций и потряс кулаком. – Доложи Семену Аронову обо мне, сдай, я правду говорю!

Аня порозовела.

– Нет. О тебе я ничего ему не доложу, – тихо проговорила она, – и никогда о тебе и твоём отце не докладывала. Странно даже, я – русская, а тебя и отца твоего почему-то это не смущает, Исмаил Шавкатович поженить нас хочет, к дедушке Фаризу обратился, и тот с моим отцом переговорил, откуда и узнала.

– Я не против женитьбы, Анечка. Но предложение тебе сам делать не буду, знаю тебя. Захочешь – сама предложишь, ни-

какой дедушка Фариз не заставит замуж пойти, а я подожду. Ты не думай об отце плохо, это моя мама такая, она и его учит, настраивает, пилит каждый день. Знаешь, мама была бы не против еще парочки жен, так и сказала! И меня направила молитвы учить к Эшкулу. Но кто знает, что еще мне пригодится в армии, хотя из меня мусульманин такой же, как из тебя православная. И согласия на свадьбу нашу мама не даст, если ты в ее веру не переметнешься; а уверуешь – вот тогда она и тебя молиться по-своему заставит. Кстати, имя тебе мамой уже выбрано: Анора Акаева. Вот так!

– Ага! Если имена перевести, то «поминающий», «благодарящий», «блестящая», «принцесса» и отца твоего да «услышит Бог», – Аня хотела улыбнуться, но чуть заметная судорога ей помешала, переведя дыхание, она продолжила: – Вот семейка подберется. Между прочим, мое имя в переводе означает «милость», а значит на тили это Инаят, а не Анора. Не хочу блестящей быть. Так что Инаят Акаева – к услугам твоей мамы.

Закир снова почувствовал приближение не осознанной еще беды.

– Саша Михайлов, – продолжил он, – с матерью на пятом этаже в доме без лифта живут, ему даже на улицу без ног не выползти. Ты уедешь в Ташкент, а я не смогу, родни там нет, прописки нет, жилья нет, а твой Аронов...

– Что Аронов?

– Вот увидишь, он тебе на грош поможет, а потом смоемся куда-нибудь в РСФСР или в Израиль, а тебе и ехать некуда. Все здесь. Что он дал тебе? Импортные шмотки, подработку в издательстве и в институт пристроил. А ты что для него делала? Стучала только. Он уедет и оставит тебя с теми, на кого стучала! – Закир даже испугался от высказанного предположения.

– Ты не прав! Ты его не знаешь, а говоришь. Запомни, я ни на кого не стучала, из-за меня никого не посадили, я только информацию и вещи возила и людям передавала! – Аня встала, изъявив желание приблизиться к кромке воды, и протянула руку Закиру; это предшествовало многообещающему поцелую... – Кстати, в Ташкенте мне квартиру уже выделили, однокомнатную, отдельную от твоей мамы. Не пойдешь в армию – приезжай и живи со мной.

– Ага, а товарищ Аронов что скажет? – вставая, засмеялся молодой человек, прижимая руку подруги к груди. – А Шакира ты разрешишь взять?

– Шакира бери, конечно. Семен Михайлович не обидится. Он виды на меня не строил и не строит, ему моя мама нравится, хоть они и молчат, но дядя Дамир подшучивает, я слышала. А на меня он как на дочь глядит, не волнуйся и не оговаривай, – Аня остановилась и выпустила руку Закира. Ему вновь почудилось неясное в ее глазах, но девушка продолжила говорить, только голос стал вдруг совсем тихим. – Это же твои стихи, в смысле Хайяма, но ты мне читал:

Как часто, в жизни ошибаясь,
Теряем тех, кем дорожим.
Чужим понравиться стараясь,
Порой от ближнего бежим.
Возносим тех, кто нас не стоит,
А самых верных предаем.
Кто нас так любит, обижаем
И сами извинений ждем...

Аня вдруг умолкла и с силой вдавила пальцами щеки, лицо страшно перекосилось, глаза остекленели и усталились на молодого человека.

– Аня! Что с тобой! – побледнев от испуга, Закир успел буквально на лету подхватить ее падающее на твердую землю тело.

Он не понял даже, что случилось. Аня беспричинно вскрикнула, будто сраженная ударом невиданной и невидимой простому смертному силы. Закир держал ее на руках над землей, а она, бесчувственная, билась в неподдающихся контролю и предвидению судорогах. Голова тряслась так, что Закир опустил тело Ани на землю, навалился и с силой зафиксировал ее, спасая от неминуемых повреждений шейных позвонков. Он не знал, откуда исходила опасность и что явилось ее причиной, но делал все так, как подсказывал полученный в вытрезвителе опыт усмирения буйных пациентов, а правильно ли он это делал или нет, то Бог весть. Лицо Ани странно подергивалось, будто тени по нему пробежали, голова сама собой резко опрокинулась назад и с тупым стуком ударилась о землю.

Как ни старался Закир смягчить удар, он просто не успел – изо рта девушки потекла струйка густой крови и обильной пеной пошла красноватая слюна, сильно напугавшая молодого человека. Он понял, что жизнь его подруги в огромной опасности, но как надо поступить, не знал. Вокруг людей и быть не могло, они же сами так долго искали укромное и уединенное от людской суеты место, строили на это место общие планы.

Закир дико заорал, призывая на помощь, а тело Ани вдруг напряглось и окаменело, юноше даже показалось, что ее дыхание прекратилось, замерло, и только рокот, откуда-то из груди, напоминал об угасании внутренней борьбы. Но когда юноше начало казаться самое страшное, вибрация возобновилась, а тело попеременно принимало то одну, то другую позу брошенной на берег, живой еще рыбы.

Закир не мог даже силой удержать Аню в одном положении, как ни старался, как ни напрягал свои железные мускулы. Аня щекой царапала о землю, грязные ссадины кровоточили, но боли она, судя по всему, не ощущала. Кровь совершенно отхлынула от потного ее лица, девушка увлажнилась и постепенно затихла: судороги прекратились, дыхание стало ровным, тело ее смягчилось – Аня просто уснула.

И какой же она казалась нежной во сне!

А сам Закир очень сильно устал. Он положил голову подруги себе на колени и легкими движениями рукавом белой рубашки протер ее поврежденную щеку. В этот же момент девушка пришла в себя и, с трудом поворачивая голову, озиралась вокруг. Закиру показалось в ее взгляде изумление. Будто очнулась и сейчас спросит, как они тут вдвоем оказались и почему лежит она на земле исцарапанная, в растрепанном платье и в плачевном ниже пояса состоянии, – но Аня не спросила, она все поняла.

– Я давно ждала, что ты все равно узнаешь, только не рассказывай никому. Ладно? Родители знают, дядя Семен и дядя Дамир тоже. А больше никто. Сегодня и в ближайшие дни это точно не повторится, через час я буду совсем в норме. Только не уходи, если не сильно испугался, зря, что ли, мы с тобой место искали? Ты прости, – кивком она указала на свою влажную юбку...

Голос девушки был еще слаб, но она знала, что ее друг не уйдет от нее, и сам Закир не собирался уходить: молодой человек принял все как данность, которая совсем не изменила его отношения к девушке.

Просто к любви добавилась еще и жалость.

ЭШКУЛ МУАЛЛИМ

В начале октября 1984 года Аня окончательно переехала в Ташкент, где стараниями дяди Семена ей были предоставлены ордер и ключи на однокомнатную квартиру в небольшом доме на улице Леонида Соловьева, совсем маленькую, но отдельную. По поводу Александра Михайлова и его мамы Аня поговорила с Семеном Михайловичем сразу после последней встречи с Закиром, и товарищ Аронов помог. Точнее, помогла беседа Дамира с Первым секретарем городского комитета партии. Город быстро, как то и требовалось по закону, выделил военному инвалиду Михайлову коттедж с отдельным входом в поселке **Металлург**, ЗАЗ-968 с ручным управлением и посильное рабочее место на заводе. А старая их с мамой квартира на пятом **этаже** панельного дома осталась за мамой, что стало отдельной темой для зависти и пересудов словоохотливых и не слишком умных женщин.

Обо всем **первым из** посторонних узнал Закир Акаев, который получил доказательства возможностей товарища Аронова. А ведь то не было его просьбой, то был крик души, так неосторожно сорвавшийся с языка и больше похожий на вызов в адрес власти, чем на слова разумного человека. Аня могла на него донести, его могли наказать за несдержанность, но предпочли устранить выявленную несправедливость! – Может, это и есть государство, жесткое, но справедливое?

Закир сделал правильные выводы. Он впервые послушался мать и перестал посещать лекции приезжего из Самарканда молодого человека по имени Эшкул Муаллим, втайне от всех организовавшего мактаб, где он преподавал нескольким местным и ленинабадским ребятам арабский и персидский

языки. Учил интересно, доходчиво, взяв за основу арабский и персидский текст Корана, поясняя различия между ветвями религии и давая по ним свои комментарии. Закиру занятия всегда нравились, все об этом знали, и никто не понял причин внезапного охлаждения его к учебе. Но когда талабалар Эшкула попытались поговорить с неблагодарным танланган на эту тему, тот по-своему воспринял их претензии, что плохо отразилось на ребятах: Закир и Эдем довольно жестко избили каждого из них по отдельности, а потом, когда те собрались отомстить, то и всех скопом избили так, что пославший их учитель пришел к Эльмире, долго с ней беседовал.

В милицию обращаться не стали. По настоятельной просьбе матери, Закир **лишь** по пятницам должен был присутствовать на общих **молитвах**. А Эшкул продолжил спокойно преподавать, но **уже в доме** Акаевых, собирая ребят во внутреннем дворике. **Наверное**, Исмаил и Эльмира достигли того умиротворения, о **котором** так долго мечтали. А самого Закира вскоре проводили в армию. Но не в Афганистан. Так что фамильный перстень, который ему хотел дать отец, не потребовался. На войну призывника Акаева не послали: гость из Самарканда, хоть и выразил огорчение по поводу нежелания молодого человека постигать азы ислама и его несдержанности на применение силы к братьям своим, не смог отказать его матери в таком важном для нее вопросе. Но других ребят продолжал готовить к службе самым тщательным образом, учил определять, кто друг, а кто враг...

Закира направили на службу в далекий подмосковный городок со странным названием Электросталь, где он навсегда влюбился в РСФСР, зимнюю стужу и снег. А Эшкул перебрался в дом Эльмиры и Исмаила со всем своим хозяйством, занял там несколько комнат и полностью подчинил своему влиянию

жизнь маленького Шакира, которого в отсутствие старшего брата некому было защитить.

Вместе с Эшкулом в дом вселились и две его жены.

УРОК АДВОКАТА БРОНШТЕЙНА

Есть же судьбоносные дни, которые вроде бы случайно меняют саму нашу жизнь. Нет, моя жизнь не поменялась в такой день – как шла она, так и продолжила свой прямой ход. Но именно тогда, 12 июня 1986 года, у меня появилась цель: я твердо решил стать адвокатом! Вот только долго потом не мог забыть противный скрип тормозов, глухой удар и истошный крик, что услышал на улице Ухтомской вечером первого понедельника июня. Успел я лишь на излете событий заметить, как загруженный овощами ЗИЛ-130 на большой скорости въехал в передок припаркованного у обочины ВАЗ-2101; легковушку отбросило назад, а из открытой двери ее чуть ли не под колеса грузовика вылетело нечто бесформенное – крик, а потом тишина.

Я бросился посмотреть, но меня обогнали курсанты МВД, случайно проходившие мимо. Все обогнали, а последний из них остановился и остановил меня.

– Стой, ты же видел, как все произошло?

– Да, видел. ЗИЛ ударил припаркованную у обочины легковушку на большой скорости. Водитель грузовика пытался затормозить, но не успел, и что-то вылетело на асфальт.

– Хорошо, молодец. Ты какого года?

– Январь семьдесят второго.

– Четырнадцать полных лет. Хорошо, я тебя задержу немного, сейчас приедет инспектор – дашь ему официальные

пояснения, надо помочь следствию. Не возражаешь, надеюсь? Ты где живешь, как зовут?

– Арсений Воротнев, Энергетическая, 22. Я не возражаю, только спешу на «Семеновскую», за пряжей бабушке и маме. Говорят, бобины завезли и сейчас распродают. Если не успею, тогда мне конец!

– Ну, это вряд ли, – весело рассмеялся курсант. – Бабушки и мамы добрые. А зачем крюк такой пешком делал, на трамвае не быстрее?

– Гуляю.

– А! Тогда ты вдвойне молодец, нагулял на свидетеля. Так что мама с пряжей подождет. Вон, видишь? Девушку покалечило, выживет или нет, неизвестно, вот виновных определяют – и дуй тогда за пряжей. Не сбежишь?

– Не сбегу, не волнуйтесь!

И я не сбежал. Дождался приезда «скорой помощи», дождался приезда инспектора ГАИ, дождался приезда следователя, дал объяснение инспектору. Выяснив, что я несовершеннолетний, следователь вызвал моих родителей. Приехала мама, без паспорта. Ее послали за паспортом, за свидетельством о моем рождении. Потом давал показания следователю и еще раз дал показания, но уже другому следователю – ночью только домой вернулись. Но я не пожалел: в следственном отделе я увидел того, кого все с придыханием называли загадочным словом «адвокат».

Адвокатом оказался седой уже мужчина с острой бородой, и выглядел он типа Троцкого Льва Давидовича в период его мексиканского сидения. Собственно, фамилия адвоката была такой же революционной – Бронштейн. Его так и называли в милиции: товарищ Троцкий. Я думал, что в дежурной части шутят, но улыбок не увидел. Наоборот, все

было более чем серьезно и к старичку уважение проявили безусловное.

Адвокат Бронштейн защищал водителя грузовика, но я не понимал, как можно защитить виновного, если все так однозначно: ЗИЛ-130 двигался с запредельной скоростью и выехал на встречную полосу, где врезался в припаркованный у обочины ВАЗ-2101. Легковушку резко отбросило назад, и готовая к выходу, не пристегнутая уже девушка почему-то отлетела в направлении автомобиля виновного или же грузовик сам наехал на нее.

Я видел, что она лежала на асфальте вся в крови, с окровавленным лицом, – именно такие показания дал следователю, именно так он записал в протокол. Пострадавший водитель «жигулей», отец или отчим девушки, дал такие же точно показания; что тут еще доказывать?

Но, несмотря на это, все оказалось не так однозначно. Грузовик, товар и сам водитель принадлежали колхозу из Азербайджана и везли тамошние фрукты на местный рынок. Наверное, это решило дело и буквально на лету переориентировало работу следователя с виновного на невиновного. Неожиданно пострадавший отец или отчим покалеченной девушки оказался пьян, что для закона нехорошо. Я бы не поверил, но лично увидел и убедился в том, что водитель легковушки, предав свою собственную дочку или падчерицу, в сопровождении адвоката Бронштейна принес справку о нахождении самого себя в тот злополучный день в состоянии тяжелого опьянения. Но я же знал, что он был трезв!

Удовлетворенно посмеиваясь, всезнающий дядя Равиль рассказал, что адвокат заплатил потерпевшему пять тысяч рублей колхозных денег за признание вины. А потом все начали гадать, сколько заплатили самому адвокату, следователю

и прокурору. В любом случае осуждения факта передачи взятки и подкупа участника процесса мои родители не допустили, а отец похлопал меня по спине и сказал:

– Такова жизнь, сынок! – и больше ничего не сказал.

А у меня в сознании рухнули какие-то незыблемые ранее ориентиры. Получается, мои свидетельские показания, которые я считал железными, пошли коту под хвост и сам потерпевший водитель легковушки продал за пять тысяч рублей и свою дочь (даже если это всего лишь падчерица), и меня. Я выгораживал его, а он просто взял вину на себя!

– Интересно, я тоже мог получить с адвоката деньги и дать показания в пользу колхозника? – спросил я у Леши.

– Мог бы, но кто бы тебе деньги дал! – так сказал разумный приятель, когда я слишком уж эмоционально пересказал им с Жанной всю эту историю.

– Видала я вашего адвоката! – добавила Жанна тоном, будто сказать хотела: «В гробу видала я вашего адвоката!» – Одет словно нищий, в пиджачок с заплатками на локтях и мятые брюки. Все серое, пыльное, и сам какой-то потасканный.

– Нищий адвокат Бронштейн! – заразительно засмеялся отец, делая акцент на фамилии, когда я передал ему сомнения Жанны.

– Нет, сынок, нищих адвокатов не бывает, – сказала мама, вдоволь насмеявшись вместе с отцом над сомнениями наблюдательной девочки.

Короче, я совсем запутался и решил понаблюдать за Бронштейном и выяснить, кто прав на его счет. И случая долго ждать не пришлось. Уголовное дело в отношении пьяного водителя направили в суд, а нам с мамой сообщили, что с меня показания брать не будут, так как виновный полностью признал вину, – в этот самый день я вновь уви-

дел потертого адвоката Льва Бронштейна в суде и убедился в правоте Жанны, только понять не мог: а она-то где могла его видеть?

Выйдя на улицу, я отпросился у мамы и решил подождать. Адвокат покинул здание минут через тридцать и пешочком, семенящими шажками, опираясь на палочку и туберкулезно покашливая, направился к трамвайной остановке. Но, не дойдя до путей, он свернул во дворы, резво пересек их и, словно молодой ковбой на коня, вскочил в припаркованный Mercedes-Benz, а аж рот раскрыл от удивления, а адвокат газанул, и... автомобиль буквально засиял в движении!

Все это я рассказал Жанне и Леше.

– Кстати, а где ты встретила нищего адвоката Льва Бронштейна с потертыми рукавами? – спросил я девочку.

– Он в столовой Моссовета сосиски ел, а что?

Занавес, товарищи! Именно после последних слов стройной, упругой, на лицо красивой, но не очень сообразительной одноклассницы мне вдруг тоже захотелось стать адвокатом! – для всех нищим, но для себя богатым; я тоже захотел быть подобным двуликому Янусу и среди серой московской толпы рассекать патриархальную советскую столицу на серебристой иномарке, а потом, проголодавшись, в потертом костюмчике жевать сосиски в столовой...

В столовой Моссовета, конечно!

СУТЬ ПРАВОСУДИЯ

Жизнь моя шла ни шатко ни валко. Дружил из ребят я только с Лешей Трифоновым и только в школе. По улицам не шатался, все больше дома сидел, штангу поднимал, гантели

и уроки делал, в школу ходил и на стадион, турники осваивал и бегал: учился, качался, бегал; бегал, качался, учился. Силовыми упражнениями занимался с полной серьезностью, усердием и максимальной отдачей. Не спонтанно занимался, а по системе Тэнно и Сорокина, специально разработанной и в подаренной мне папой книжке про атлетизм прописанной. Много чего в книжке той интересного, но запомнилась мне картинка одна: тщедушный ботаник букетик протягивает обворожительно эффектной даме с широкими бедрами, осиной талией, выдающейся грудью и надутыми губками. А та, зажав под мышкой кота, задрав носик и не обращая внимания на огромное, но разбитое сердце тощего воздыхателя, уходит от него к покрытому броней мышц дискоболу. Жизненная ситуация! Силуэт с картинки мне тетю Лену напоминал (формы схожи), только вместо кота она Жанну с собой увела к молодому депутату от старого пузатого мужа-неудачника, – и чего во всем этом бабушке моей не понравилось?

Давно уже родители перестали называть меня нескладным и угловатым, давно начали сторониться меня в школьных коридорах, уступая дорогу, несмотря на равное ко всем благодушие. Но главным бонусом во всех тех метаморфозах, что привнес атлетизм в мою жизнь, явилось внимание Жанны Белоноженко, которое она начала проявлять ко мне к седьмому классу. Леша Трифонов это заметил первым и мне рассказал. А я, как узнал, так и пытался с тех пор подловить ее взгляды, подстроить случайные ко мне прикосания, но вот как этим всем воспользоваться, не знал, опыта не имел, хотя смутно о чем-то догадывался. Поговорить бы на эту тему с какой-нибудь женщиной, зрелой, понятливой, но не с кем было.

А жизнь моя тогда крутилась не только вокруг красавицы Жанны. Почувяв в себе силу и уверенность, а скорее всего по-

просту наглость, я не мог пропустить такое знаковое событие, как открытие в субботу 12 июля 1986 года нового качклуба в подмосковном городе Электросталь – об этом не писали в газетах, не сообщили по телевидению, об этом Земля наполнилась слухом, который дошел и до моих ушей из пухлых (как и тети Лены) губ взволнованной красавицы Жанны.

Не сказав ничего о своих планах родителям, я решил съездить в незнакомый город и лично посмотреть на первое соревнование, а то и принять в нем участие. Электросталь – это, конечно, не Люберцы, но гиревая школа в городе металла (так я его представлял, исходя из названия) должна была быть развита не хуже. Собрался быстро, но при выходе из квартиры нос к носу столкнулся с бабушкой, которая протягивала в мою сторону смятую в трубочку пятирублевку.

Ну и с места в карьер, скороговоркой...

– Арсений, ты на «Курском» посмотри Захаровскую или Ногинскую электричку до Машиностроителя. Доедешь до станции и там сходи. По ходу движения направо, иди перпендикулярно путям до улицы Карла Маркса, снова направо, до первого перекрестка у школы номер три, потом налево через дорогу и по дороге прямо и прямо по всем ее изгибам, до бассейна. В общем, если я и ошиблась, то совсем немного. В подвале твои соревнования будут проходить сегодня, – только и сказала бабушка, глядя при этом на меня своим змеиным, немигающим взглядом, останавливающим поток мыслей и подавляющим волю к сопротивлению.

Я промолчал: откуда она узнала? Но долгие рассуждения не были моим коньком, встал и побежал – этот принцип мне больше импонировал.

Оказалось, что не все электрички с Курского вокзала доходили до Машиностроителя. И хорошо, что вышел я с боль-

шим запасом времени. Лишь через сорок минут покатился к цели на жесткой скамье вагона. Вот тогда и смог пофантазировать, откуда бабушка все обо мне знала, а что не знала, о том догадывалась. Подслушивает, как и я их? Но я же не говорил никому! Нет, с Жанной говорил, от нее узнал про Электросталь и предлагал со мной поехать, только она отказалась из-за каких-то месячных, – вот и утечка! А ну ее, хитрую, красивую, богатую и вредную. Подумаешь, отец ее в Моссовете! Подумаешь, в Канаду ездил! Подумаешь, в Турции на симпозиуме отдыхает! Тоже мне, достижения – жара там и бардак! Зазналась, недотрога, месячные придумала какие-то. Маму надо было ее приглашать. У мамы точно никаких отговорок быть не могло, пока муж отдыхал, она бы и рассказала все за милую душу.

Только вот странно: никак бабушка мнение свое не меняла, не возлюбила она тетю Лёну, не возлюбила и все тут. Наверное, знала о ней что-то такое... я даже хрюкнул от посетивших меня влажных мыслей, а электричка все шла и шла вперед. Но все же не отказался бы я и с Жанкой проехаться. В метро бы с ней потолкались немного, в электричке бы попржимались коленками, а там, глядишь...

В мыслях возник огромный золотой кубок и пьедестал!

Электричка несла меня к цели.

Новый качклуб нашелся быстро и без особых проблем по той простой бабушкиной схеме. Даже спрашивать ни у кого не пришлось. Тут я и вспомнил, что во время войны бабушка работала в Электростали на химическом заводе, оттого и смогла направить меня по нужному адресу, который я узнал по небольшой толпе оживленных ребят и их молодых подружек. Некоторые пришли с детьми. Все собравшиеся и старше меня, и физически крепче были – рано я сунул-

ся на такое мероприятие, хорошо, что Жанну не притащил с собой!

Бросился еще мне в глаза солдат срочной службы, который стоял в стороне с некой симпатичной женщиной и весело поглядывал на остальных. Это был азиат чуть выше меня, но явно сильнее и красивее (насчет внешности не мне судить). Чистый лось: мощный, только без рогов и копыт. Снаряжен он был по уставу, но почему-то в кедах и пуговичка верхняя расстегнута, – на бесстрашного дембеля похож.

– Акаев, кто тут Акаев? Заходи! – азиат пришел в движение. Быстро, расталкивая всех и таща за руку свою взрослую и податливую его **нажиму** женщину, он проследовал в двери полуподвального **помещения**. Разрезанная атлетом толпа ребят вдруг **заволновалась** и, заполняя образовавшуюся за ним и его подругой **пустоту**, устремилась следом, желая прорваться вовнутрь в его **фарватере**. Но не тут-то было. Внутри теснота не приветствовалась.

Я в зал не попал, а остался снаружи и топтался вместе со всеми. Тут по кругу **пошли** бутылки с водкой и трехлитровые стеклянные банки с пивом, появились стаканчики, соленые огурчики и сухари – праздник начался. Эх, Лешу надо было взять! Если бы он в деревню не укатил, то поехал и познакомился бы уже с кем-то и меня познакомил бы. Вон сколько их вокруг. Правильно отец говорит, с Леши пример надо брать! Вот и показал бы он здесь свой огромный (с его слов) пример.

По шумным выкрикам стало понятно, что солдат Акаев взял первый приз. Но внимание уже отвлекла миловидная брюнетка в подпитии, которая неожиданно согласилась на мою не совсем трезвую просьбу: что-то рассказать, показать и дать потрогать. И правда, по пути в ближайший подъезд девушка успела рассказать мне про месячные. Смутно, но понял

я, почему не поехала со мной Жанна. А в подъезде мы еще выпили и...

– Вот оно как! Специально брешь? – вроде это я спросил.

– Да. Правда, красиво? – вроде это она ответила и свой вопрос задала.

Снова выпили. Потом еще немного...

Ничего у нас не получилось, но, повизгивая от новых ощущений, поехал я домой. Девушка тоже не расстроилась, тоже пьяна была. А вот на Лешу даже икота нашла, когда я ему рассказывал о поездке. Но я ни о чем не пожалел, лишь о том, что путь победителя соревнований Акаева не отследил, за кадром остался его путь.

А потом был суд. Водителя, взявшего чужую вину на себя, посадили на три года, его взяли под стражу в зале суда и отправили по этапу. Об этом я узнал лично в конце июля, сам видел, специально в суд пришел посмотреть, чем дело закончится. И что меня впечатлило – так это бесстрастное лицо адвоката Бронштейна при оглашении приговора.

– Он же знал о невинности осужденного! – недоумевал я.

– Ты ошибаешься! Он с пятью тысячами невинному водителю и вину своего подзащитного передал. Невинный рубль взял и вину признал. Виновный и невинный местами поменялись. Виновного посадили, а невинного оправдали. Правосудие свершилось. И совесть адвоката чистой осталась: он же невинного спас! – так, со смехом, хором, объяснили мне Леша Трифонов и Жанна Белоноженко.

– Из трех лет, – так объяснили мне мама с папой, – водитель легковушки отсидит от силы два года и выйдет условно-досрочно. Вот и дели пять тысяч на два, а потом еще на двенадцать. Получишь сколько? Двести восемь рублей в месяц. А на свободе его зарплата только девяносто, ты же в деле

сам справку о зарплате его видел. Вот и подумай: где ему выгодней находиться?

– Плюс калорийное питание! Это как первородство за чечевичную похлебку продать, – с улыбкой сказала бабушка и добавила очень тихо, так тихо, что я едва расслышал ее слова. – Суд, Арсений, – это обычный базар, там свой купец и твой товар.

И тогда я понял все!

ИНАЯТ АКАЕВА

Аня и жила, и училась, и работала в Ташкенте. Впрочем, училась – это с натягом сказано: на лекциях она не появлялась, однако зачеты сдавать приезжала и готовилась к ним со всей тщательностью, на «отлично» готовилась. Шептались между собой преподаватели, и без того готовые зачесть девушке все предметы, удивлялись: не привыкли они к усердию сильных мира сего, к желанию их учиться лично. Но Аня действительно училась. Больше того: избрана она была комсоргом института. И новый документ подписала она с дядей Семеном. И новый ордер был ей выдан на новую квартиру. И вроде бы дела у девушки двигались отлично, обстановка складывалась спокойная, беды не предвещавшая.

Но одно волновало маму ее, Фатхуллу Фаризовну. Время шло, годы проходили, лучшие девичьи годы проносились. Все одноклассницы Ани замуж повыходили, многие уже первенцев родили. Даже казанская татарка Эльвира, всегда слывшая скромницей, умницей и тихоней, и та вышла замуж за безногого Сашу Михайлова и уже мальчика ему родила, – так мама напоминала при каждой их встрече, как соль на раны сыпала.

Понимала Аня правоту мамы своей и не обижалась на нее, в шестнадцать лет замуж выданную дедом Фаризом, а в семнадцать уже родившую, но сделать не могла ничего. Не нашла никого, кто хоть издали сравним был с дядей Семеном. Любила она его и от чувства этого избавиться никак не могла, да и не желала.

В общем, Закира ли ждала или еще кого – Аня сама не знала, чего хотела, вот только замуж не хотела. Но на словах – друга из армии ждала, тем и успокаивала каждый раз маму. В конце концов, и Закир ей нравился, и его она любила, даже письма писала и ответов ждала, но не дождалась. Так и не написал Закир ей за два года ни строки.

А тут вдруг звонок от Эдема Ибрагимова из Нукуса долгожданый и неизбежный: 15 сентября 1986 года приехать должен был отслуживший срочную службу сержант Акаев.

И Закир уже подъезжал. А до того ждал и боялся увольнения в запас. Но приблизилось время оное и настигло его, как снежный ком, выдернуло из полюбившегося Подмосковья обратно, на забытую уже им родину. За два с лишним года так и не съездил он домой ни разу, близ места службы отпуска свои проводил с подружкой милой, не хотелось ему уезжать. Но заканчивался долгий путь из Москвы в Ташкент, с щемящей сердце тоской вспоминались оставшиеся позади леса, такие густые и темные, ставшие для него родными; и лыжные пробежки по белым полям, и снежные шапочки на еловых и сосновых лапках, и иней на ветвях и окнах, и сугробы, в которые так приятно было с головой зарываться под вой очередного озабоченного дисциплиной лейтенанта...

Нет, не хотелось ему возвращаться. И если бы не Аня, остался бы он в РСФСР, воспользовался бы своим мужским достоинством и зацепился им в Электростали, куда часто хо-

дил в увольнение на встречу только с одной-единственной и достойной девушкой, а не со многими и разными, как это делали его сослуживцы. Но не воспользовался, и потому одноцветные унылые пространства Казахской ССР за окном напоминали о скором прибытии в Ташкент.

Хорошо, что Аня письма ему писала, уберегли ее письма от греха: и девушку местную не обманул, и сам не обманулся. И он писал Ане. Только не отправлял, стеснялся. Любил он все-таки ее, как и прежде. И Аня замуж не вышла до сих пор. Вился вокруг нее этот странный тип, товарищ Аронов. И сам не взял, и других отвалил. Как отец – ни себе, ни людям! И куда сейчас ехать? – Закир не мог решить. Шакир молился непрерывно, об этом Аня сообщала почти в каждом письме. И еще писала, что Эшкул жизнь в их доме с ног на голову перевернул, жилище в мечеть превратил. И у самой Ани проблемы: совсем Альберт Иванович их забросил. В общем, все плохо!

Нет, не хотел Закир возвращаться в Узбекистан. Хоть сам он и узбек, но что-то воротить его начало от соплеменников. И по-узбекски говорить не хотел, и к родителям не хотел ехать, только брата у них забрал бы потом, а пока у Сашки Михайлова, или у мамы его комнату снял и пожил бы, или у Ани в Ташкенте...

Путались у Закира мысли, как у отца его, скакали с одного на другое, а потом опять вернулись к Эшкулу Муаллиму: твердый человек, не смог товарищ Аронов с ним справиться, слабоват, не по зубам ему богослов оказался. Или смог? Подцепил на ниточку и дергал, по своему обыкновению. Не пройдешь этого красавца: что есть закон в стране, что нет закона. Как хотел товарищ Аронов, так и вертел всеми.

И творимое в Москве непонятно. В прошлом году закричали на все лады: перестройка, перестройка! Как пить дать,

опять начнутся в Ташкенте буйства, о которых родители рассказывали, начнут русских резать, – так Закир и рассуждал; спал в пути и рассуждал, рассуждал и гадал, встретит или нет его Аня, позвонил ли ей Эдем или не позвонил?

И вот он уже на перроне.

А в двадцати метрах от него Аня Титова. Девушка даже не изменилась за эти два года, все такая же красивая, вообще-то высокая, только в сравнении с ним маленькая и тонкая в талии. Но грудь и бедра заметно округлились, особенно грудь – это Закиру всегда в женщинах нравилось. Лишь черные волосы тронулись сединой. Даже не сединой, а только несколько серебристых волосков – не отпускала, изводила ее болезнь. Закир остановился, как вкопанный посреди платформы столб, любуясь подругой, и даже ноздри у него зашевелились от предвкушения. Серебряные прядки совсем не портили девушку – наоборот!

Родители и Шакир не приехали. Он их даже не предупредил. Эдем после школы в юридический институт поступил, учился и работал уже старшим следователем прокуратуры Каракалпакской АССР – звонил, поздравлял, извинялся, не смог приехать – врал, конечно. Просто не хотел старый и верный приятель его встрече с Аней мешать. Давно, еще в детстве, они выяснили, кто третий лишний из них.

– Привет. А я, между прочим, тебе писала! – все тот же нежный голос, воркующий и вкрадчивый. – Я писала тебе, а ты мне не отвечал. И как это понимать – писать разучился или что-то другое? Ну?

– И порознь быть – не значит не любить, – только и выдавил Закир из себя одну из строк любимого их поэта. Он не знал, что ответить, все стихи как ветром сдуло из памяти,

а простых слов не находил. Ему хотелось просто прижать девушку к себе и молчать.

Рассеяно глядя на Аню, рылся Закир рукой в вещевом мешке, откуда достал штук сорок запечатанных конвертов и протянул их.

– Отправить не мог, прости!

В этот момент откуда-то с улицы раздались звуки автомобильного гудка, три коротких и один длинный. Потом снова и снова: кто-то привлекал чье-то внимание.

– И отпустить – не значит упустить! Пойдем, Закир, сейчас поедем ко мне, слышишь, это нас торопят, машина институтская, – Аня взяла протянутые ей письма и продолжила скороговоркой, не давая Закиру и слово вставить. – Это все или еще есть? Дай мне, я возьму, почитаю сегодня. А мои письма у тебя? По датам посмотреть хочу, что ты отвечал; предвкушаю целый роман в стихах! Побежали, хотя нет, подожди...

После долгого, очень долгого поцелуя возбужденный Закир безмолвно последовал за Аней на улицу, с удивлением озираясь вокруг. Наверное, было интересно смотреть со стороны, как маленькая упругая овечка тянет за собой огромного сильного льва.

А в столице республики произошли какие-то видимые уже изменения: взгляд привлекали лотки, точками разбросанные по прилегающим улочкам.

– Это что такое? – изумился Закир.

– Частники торгуют всякой всячиной и трeбухой. Сейчас мимо них пройдем – сам посмотришь. Разрешили индивидуальную деятельность, торговать разрешили, как в старые времена, ну и выползли. Милиция их не гоняет – они и торгуют. Знаешь, потом поговорим, но сейчас скажу одно. По-моему,

ничего хорошего нам Москва не несет. Как Рашидова устранили, так все хуже и хуже. Прислушайся!

– Что, к чему прислушаться? – не понял Закир, наострив уши. Что-то необычное действительно в воздухе витало, но что, он не понимал.

– Ты уезжал – разве столько узбекской речи в Ташкенте было? Слушай и не радуйся, хоть ты и узбек. Это не рост самосознания, это из кишлаков понаехали, из Казахской и Киргизской ССР, – обернись, посмотри. И торговцы маленькие, черненькие, на наших узбеков совсем не похожи. Я опять бояться начала. Иногда ловлю себя на мысли и радуюсь, что на тили говорю, что кожа смуглая, что нос приплюснут, а глаза и волосы темные. Идешь и думаешь только, чтобы не тронул никто. Страшно. Лично мне страшно. Как в Бекабаде я таджиков деревенских боялась, так теперь пришлых от соседей узбеков боюсь. Еще год назад все иначе было, а дальше только хуже станет.

– А в Подмосковьё все не так, Анечка.

– Расскажешь мне, как там живут? Наверное, это другой мир! А сегодня оставайся у меня на ночь. Или домой сразу поедешь, родителей повидать и брата хочешь? Если поедешь, приезжай завтра. Со мной поживи, если я тебе не очень противна. Только письма я не верну, я их сегодня читаю.

– Нет, не поеду я к родителям. На кого мне там смотреть? На Эшкула с его женами? Пусть на него мать с отцом смотрят. Хочу брата как-то вызволить. Я не планировал даже в доме оставаться, хотел у Михайлова комнату снять или у мамы его. Молодцы вы с товарищем Ароновым, что помогли тогда. Но раз пригласила, у тебя останусь, если не прогонишь, как прочтешь. Там несколько писем хочу забрать, не надо их читать!

– Не отдам, все прочту. И не надейся!

– Ладно, просто фантазии своей волю дал. В армии бывает. Только вот денег у меня рублей двадцать осталось. В этом сложность. Работу надо искать, а без прописки кто мне ее даст?

– Твои фантазии вместе вечером читаем. А насчет прописки вопрос решаемый. Кстати, Саша Михайлов женился на Эльвире Салетдиновой, если помнишь такую девушку. У них и сынок родился, Тимурчик.

– Это из параллельного класса, тихоня задумчивая? Они еще дуэтом пели. Помню немного. Не так давно школу окончили, как тут забудешь. Он русский, она крымская татарка...

– Татарка казанская, не крымская.

– Какая разница? Мусульманка.

– Да, мусульманка. А сынок православный. Это тебе нет разницы, мне нет разницы, им нет разницы, а вокруг все чаще эту разницу видеть начинают. Особенно приезжие от соседей. Русских пока не трогают, а про татар говорят, про корейцев. Татар вообще не различают. Казанские, крымские, грузинские. А грузинские – так они совсем не татары, а турки. Я не знаю, запуталась. Понятия не имею, кто есть кто. Тише, в машине молчи!

Пожилой водитель-узбек с улыбкой посмотрел на Закира, с трудом разместившего мощное тело на заднем сиденье нового ВАЗ-2103. Ехали быстро, молча, а если и перебросился Закир с Аней несколькими словами, так по-узбекски. В конце концов они приехали, но куда-то не туда, не в тот район, где жила Аня два года назад. Автомобиль остановился возле четырехэтажного дома на улице Муниса, напротив симпатичного особняка. Аня вышла, а вслед за ней выполз и Закир. Не вышел, а именно выполз, так тесно был зажат. Конечно, он протянул рубль шоферу «на бензин», но тот только весело

попрощался, витиевато и со вкусом поздравил солдата и дождавшуюся его невесту, помахал Ане рукой, взял у нее червонец и быстро уехал.

– Закир, за два года рубль советский другим стал, – Аня раскрыла свой кошелек, в котором немного отставший от жизни дембель смог разглядеть несколько фиолетовых четвертей, изумрудных половин, оранжевых полных сотен и небольшую пачку купюр достоинством поменьше: десятки, пятерки.

Такие суммы Закир никогда в кошельках не видел.

– Ты не стесняйся, – продолжила Аня. – Я учусь и работаю, а ты служил, ты долг Родине отдавал. Спокойно отнесись к тому, что я временно, запомни мои слова, временно зарабатываю больше тебя. Кстати, ты же изменил свое отношение к Семену Михайловичу?

– Да, изменил. А куда мы приехали?

– Я теперь в этом доме живу. Двушку недавно дали, а раньше была однокомнатная. Нет, я не просила. Просто вызвали и дали ордер на новую квартиру, тоже не понимаю, откуда у меня все берется, – Аня весело засмеялась. – Пойдем, наконец! Вон, посмотри за ветками. На третьем этаже уже мое, уже наше с тобой окно!

У Закира рябило в глазах. Все вокруг светлое, яркое. Много солнца, много пыли, тепло, простор, тишина. Да, что ни говори, в Ташкенте тоже неплохо, но на севере лучше, как-то стабильнее, солиднее, что ли. Все это Закир рассказал Ане, а потом они забрались в кровать и читали его письма, адресованные, но не отправленные ей. А потом...

А потом и брак официально зарегистрировали, и фамилию девушка поменяла, Акаевой стала. Быстро все произошло, без традиционных церемоний, без совета со старшими – Аня боялась доложить. Но доложила, а противодействия не случи-

лось. Тут же, в Ташкенте, кто-то помог Закиру прописаться в фабричном общежитии, даже товарищ Аронов поздравил молодых, и дядя Дамир с Эдемом приезжали. И безмерно счастливая Фатхулла Фаризовна; ценный подарок дед Фариз преподнес. А Закир обратил внимание, как Аня смотрела на Аронова, но не заметил, как посмотрел тот на самого Закира. Только Аня заметила мрачный взгляд.

Но дядя Семен всегда был реалистом. Несмотря на все более ощутимые перемены в стране, он оставался на плаву. Чем занимался, откуда у него с Дамиром деньги брались, да еще в таком количестве, только Богу известно было. Но, по всем неуловимым для посторонних признакам, товарищ Аронов явно готовился к чему-то новому. Он стал похож на ягуара перед броском, будто и не чувствовал тех сорока пяти лет, что прожил на этом свете. Был таким же бодрым, целеустремленным и любознательным, как в дни своей первой молодости, о которой никто не знал.

А Закира преследовали странности.

– Закир Акаев? – вроде бы совершенно случайный шедший навстречу молодой человек вдруг остановился, преградив тротуар. – Привет, я часто встречаюсь с твоей женой, но контакты только рабочие. Рад знакомству!

Сказал внятно, доходчиво и пошел дальше, свернул за угол и скрылся с глаз, будто не было его. Закир успел разглядеть лишь светлый ежик волос, широкий открытый взгляд огромных глаз и поймать себя на мысли о бесспорной физической силе и уверенности молодого человека, – он уже перестал удивляться выбору Аней своих знакомых.

– Кто это такой? – спросил Закир вечером, описав внешность молодого человека с огромными глазами.

Ответ был сух и предельно краток:

– Влад Иванов.

Должно что-то случиться, раз Влад проявился! И Аня не ошиблась. На следующий день к ним с Закиром в гости зашел Семен Михайлович. Внешне был он строг, немногословен, сосредоточен, и очень он Ане напомнил того товарища Аронова, кто пять лет назад в кабинете и. о. директора школы им. Н. К. Крупской никак не мог решиться начать беседу. Значит, и сейчас разговор представлялся ему не совсем простым, но влекущим поворот в жизни и дальнейшей судьбе не только Ани.

– Закир, до меня дошли слухи, что ты хочешь брату помочь? – обозначил тему товарищ Аронов. – Сомнений в правдивости слухов нет, но как ты планируешь это делать?

– Просто приеду и заберу, тут будет жить, с нами.

– И все?

– Да.

– Закир, опека не одобрит твои действия. И сам Шакир не одобрит. Ему скоро двенадцать лет, а с десяти он живет под воздействием Эшкула и матери, постигает азы традиционной для узбеков религии. В этом что-то плохое есть? Ты только демобилизовался, дома еще не был, о женитьбе родителям не сообщил и даже на свадьбу их не пригласил. И что, вот так приедешь, схватишь в охапку Шакира и притащишь его в Ташкент? Подставишь и себя, и Аню? Да и брат сопротивляться будет, это уж как пить дать, он тоже сильным растет.

– Как подставлю? Это же мой брат.

– И брата можно похитить. Эшкул добьется уголовной статьи для тебя, будь уверен. Не он ли тебя от Афганистана уберег, не мать ли твоя его просила об этом в обмен на перстень фамильный? – задал вопрос Семен Михайлович и сам же на

него ответил: – Он. А остальных талабалар от армии отмазал, знаешь как?

– Как?

– Смешно, но это факт. Он вместо своих учеников под их данными отправил других ребят служить. Так что дезертиры теперь у него все под колпаком, сам понимаешь, чем пахнут такие шутки с армейской службой. И еще, каждый из талабалар уже как минимум на одном убийстве засветился, кровью он их повязал, каждый нож воткнул в одно тело под видеозапись. Имей и такое в виду. Давно прошли времена, когда вы с Эдемом дрались с ними на кулаках, теперь это уже другие люди, и кулаками махать они не будут. Ты понял?

– Значит, и Шакир таким же станет через шесть лет?

– А может, и раньше. Да, поэтому брату грамотно надо помогать, а не нахрапом, – Семен Михайлович посмотрел на Закира, на Аню и на ней остановился, будто ожидая чего-то.

– Дядя Семен, а вы можете помочь? – спросила она, предугадывая, что именно такой вопрос ждет ее старший товарищ.

– Я могу, а ты, Анечка, ты готова помочь спасти Шакира?

Аня покраснела. Не упомянут был Закир в вопросе. И вспомнила она тот мрачный взгляд, что метнул дядя Семен на мужа ее при объявлении постфактум о состоявшемся бракосочетании. И разглядела теперь некий рубеж между ее и Закира интересом в деле вызволения Шакира. Впрочем, Аня и сама уже почувствовала тот незримый рубеж, что пролег между ней и мужем. Она любила Закира. Как мужчина он ее полностью удовлетворял, с ее согласия и постоянного желания. Но проблема заключалась в том, что представляла она при этом совершенно другого. И сейчас, оказавшись между ними, Аня ощущала себя

ужасно. Будто на лбу у нее проступили мысли ее еженощные, когда боялась она мужа именем другим назвать.

Закир не понял игры слов, а Аня приняла игру.

– Да, конечно, только я не понимаю, как помочь? – ответила она.

– Закир, а ты готов? – спросил Семен Михайлович.

– Готов.

– Тогда доверяйте мне слепо и делайте без вопросов то, что я вам буду диктовать в Ташкенте, а дядя Дамир – в Бекабаде. – Семен Михайлович немного отстранился и с улыбкой оглядел молодую супружескую пару. – Как вам такие условия, друзья мои?

Условия всех устроили.

– Тогда первое. Анечка, ты поменяла фамилию – теперь поменяй имя. Инаят Акаева. Тебя устроит звучание?

– Прямо как мама Закира, она тоже хотела мне имя менять на Анору, – засмеялась Аня. – Устроит, конечно, если вы этого хотите.

Закир тоже усмехнулся. Несмотря на приторможенную реакцию, он на лету схватил план товарища Аронова.

– Семен Михайлович, вы...

– Зови меня дядя Семен.

– Дядя Семен, вы хотите нас родителям представить?

– Да, именно так. Вы с Аней... прости, с Инаят приедете к родителям, и ты снова станешь тем же, кем и был до драки с талабалар. Будешь молиться, будешь общаться. И в Бекабаде, и в Ташкенте, и в других городах, куда Эшкул тебя направит. Но вначале, ради твоей безопасности и безопасности Ани, придется тебе подписать одну бумагу...

Товарищ Аронов достал из папки лист и протянул его Закиру. Текст был уже напечатан, его требовалось просто пере-

писать на чистый лист от руки, что Закир без лишних слов и сделал. Улыбнувшись, Семен Михайлович убрал лист в папку и посерьезнел.

– Освободить твоего брата можно, найдя слабые места богослова. Но для этого о нем надо знать все. Вот, Закир, ты и займешься этим. А начнешь с того, что введешь жену в свой дом. Дамир передаст тебе деньги, и пусть Эшкул исполнит все обряды согласно требованиям вашей религии.

– Но ведь мы уже все оформили в ЗАГС, уже брак состоялся по закону, и я не мусульманка к тому же, – испугалась Аня.

– Кесарю кесарево, а Божие Богу, – процитировал дядя Семен. – Вот послушайте. Закир не нашел отца Ани и посватал ее у Фатхуллы Фаризовны и Дамира, который взял на себя обязанности опекуна. А те согласие свое дали и подтвердят это. Запрета на брак с христианкой у узбеков нет, но все равно с религией не шутите. Инаят поменяла имя, но не приняла пока веру своего мужа, относясь к ней с почтением.

– Мать вынудит принять, – прошептал Закир.

– Не вынудит. Вы с Инаят, – Семен Михайлович улыбался, произнося новое имя Ани, – в своем доме жить будете, где ты глава, а не мать твоя и даже не твой отец. Не волнуйся, но сам чаще приезжай в отчий дом. И не только в пятницу на молитву. Цель ваша – дружить домами и слушать, что там они между собой говорят, втереться в доверие, подружиться. Интересный человек этот богослов, а мама твоя разговорчива. Но что за тип Эшкул, надо еще нам узнать, а проболтаетесь – смерть вам обоим, и боюсь, что от руки Шакира, заставят его сделать это. Надеюсь, не надо отдельно пояснять, чтобы языки не распускали?

– Нет, все понятно! – твердо ответил Закир.

– И с Шакиром чаще общайся. Вдвоем с Инаят гуляйте с ним, рыбу ловите, в Ташкент привозите чаще, на несколько

дней старайтесь привозить. Про религию не говори и от веры не отговаривай, отвлекай ребенка простыми заботами, понял?

А через неделю, после исправления имени Ани в паспорте, Закир представил Инаят Акаеву своим родителям, Исмаилу и Эльмире, а также Шакиру, Эшкулу и двум его женам. И встречали те Закира в отчем доме с искренней радостью.

Как блудного сына когда-то.

НАЧАЛО КОНЦА

В январе 1987 года Закир по протекции поверившего ему Эшкула начал посещать некие курсы ДОСААФ в Ташкенте, где сразу же обнаружил довольно многочисленных крепких молодых ребят, мировоззрением подобных ученикам Муаллима. Не знал никто об этой уже сформированной и готовой действовать группе. Аронов и Ибрагимов узнали первыми – доложили незамедлительно! И были посланы под зад коленом, хорошо хоть вновь со службы не полетели. Руки у них оказались коротки, не по зубам богословы им пришлись. И дан был отбой Закиру и Ане-Инаят, но сохранили молодые супруги доверительные отношения с Исмаилом и Эльмирой, с Эшкулом и его талабалар, отвлекали потихоньку Шакира от тлетворного их влияния, более ни во что не вмешиваясь.

А к 1988 году ситуация в Узбекской ССР совсем ухудшилась. Налаженная за несколько лет товарищем Ароновым работа под откос пошла. Много новых людей в республике появляться начало. На семерых работающих (тех, кто с сошкой) приходился уже один чиновник (тот, кто с ложкой), московская же креатура, Рафик Нишанович, бывший дипломат, с ситуацией явно не справлялся, а может даже вредил.

Потому злой ходил товарищ Аронов. И дядя Дамир, обычно спокойный, словно удав, тоже казался мрачнее грозовой тучи. А еще Эшкул Муаллим на нервы им действовал под самым их носом. Тронуть его не дали, но информация скупая о богослове поступала постоянно. Не встречались они с подобными типами на территории СССР ранее, а тут встретились на свои головы. Врагом он оказался! И не классическим взяточником или сластолюбцем, а самым настоящим врагом, сосущим деньги из-за границы.

В Ташкенте буквально в воздухе витало напряжение. Все грозило повториться как в 1969 году. И разрядка не могла не наступить: снимать **решили** Нишанова с должности через национализм оголтелый и контролируемый кем-то заинтересованным. Другое время **пришло**, другие люди в Москве сидели, слабые люди.

Сейчас **получилось бы!**

ПОСЛЕДНЕЕ НАСТАВЛЕНИЕ

– Внук, адвокат – это не профессия!

– Ой-ё! – екнуло мое сердце, и рванул я от окна, рванул всем телом, неуклюже путаясь в занавесках, но решительный жест руки остановил меня и заставил замереть. И я замер. Позабыл за каникулы, что значит быть внуком не по годам активной бабушки, всегда осведомленной о текущих и будущих моих планах значительно лучше меня самого. Вот и сейчас. Стоило принять вымученное чуть ли не за все лето решение выйти на прогулку и провести этот прохладный, неуютный, последний вечер лета 1988 года в кругу новых подруг Леша Трифонова, как в комнату вошла она – моложавая, невысокая, подвижная,

с белесыми волосами, лишь частично скрытыми под серой косынкой. И смотрела она выразительными живыми глазами с присущим только ей одной, особенным пристальным взглядом, который необъяснимо наводил на меня страх, не поддающийся здравому осмыслению.

В комнату зашла с детства любимая бабушка. И пока я гадал о причине ее неожиданного появления, она удобно пристроилась в кресле и хитро на меня посмотрела.

– Ты не дергайся, я только историю тебе одну расскажу, краткий курс о предках твоих, и беги потом куда хочешь.

– И о прадеде расскажешь? А при чем тут адвокат?

– Да, но в основном о деде твоём. А при чем тут адвокат, ты сам понять должен. Что касается прадеда, то Лука Иванович – он из крестьян, но миллионщиком стал, богатым то есть, тремя магазинами в Москве владел и фабрикой в Богородске, сам всего добился, ты об этом слышал?

– Слышал, отец рассказал недавно.

– То-то, что недавно. Это сейчас модно богатых предков вспоминать и род свой от Рюрика вести. Не надейся на Рюрика: из крестьян мы, из самых что ни на есть крепостных крестьян. Фабрика в Захарово, это в Ногинске сейчас, и магазины между «Семеновской» и «Преображенской» до сих пор сохранились, не снесли их. А вот дед твой, муж мой покойный, законный сын и наследник всего богатства, простым слесарем работал, как и твой отец. Об этом ты знал?

– Да, конечно.

– Ну а каким образом золотой наследник завода и магазинов слесарем стал, рассказал тебе отец?

– Наверное, революция деньги отобрала?

– Правильно, этого тебе никто не рассказал и не расскажет, кроме меня. Папка точно не расскажет, он и сам не знает. Слу-

шай теперь, а потом беги к своему Трифонову и его новым потаскушкам...

– Откуда ты всегда мои планы узнаешь?

– Оттуда! – бабушка протянула худенький указательный палец к потолку. – Я все о тебе знаю. Что было, что есть и что с тобой будет, потому и пришла, а то какая же я бабушка? Других у тебя не будет: татарка померла – я последняя, время мое к концу подошло, и скоро мы с Иваном Лукичом встретимся, скучаю я без него, звал на днях к себе. Тоже скучает без меня, говорил.

– Не наговаривай!

– Ладно, не я первая, не я последняя. Просто время подошло. А ты слушай внимательно, повторить не успею. Прадед на Арбате жил и мог обеспечить деда твоего так, что ни работать, ни учиться тому не надо, живи за границей и наслаждайся жизнью. Соблазнов тогда греховных больше было, нежели теперь, и таких сынков много было, что поддавались тем греховным соблазнам. Баловни судьбы. Как горкомовская дочка у вас в классе, ну эта, Белоноженко Жанна. Кстати, ты подальше от нее держись, совратит она тебя и приятеля твоего Трифонова вскоре, как пить дать совратит. Как и мать ее, блудливой девка растет, взгляд хищный и алчный, вижу насквозь, берегись ее!

– Да мы с ней почти не разговариваем...

– Вот вспомнишь меня. Устоять не сможешь, но предохраняйся только или мимо все делай, ребенок ни ей, ни тебе сейчас не нужен, у тебя другая женщина будет, постарше и не сейчас.

– Какая?!

– Ладно, потом узнаешь, слушай дальше. Я твоего прадеда не знала, но с решением его согласна. И у нас в деревне

бездельников много водилось, а в городе тем паче. Не стал прадед сына своего роскошью баловать, он его не только в простую гимназию определил в Кудрино, но и заставил поступить в подмастерья к своему приятелю, скобяных дел мастеру, к татарину или к башкиру, дед говорил, но не помню точно. Долг у того был – так выкупил прадед тот долг и еще деньжат подкинул. Может, скобяные навыки Ивану Лукичу никогда и не пригодились бы, но переворот в октябре семнадцатого все поставил на свои места. Хорошо, старик не дожил, помер за пять дней наперед. Похоронить его по-человечески дед успел, а вот наследство не оформил.

– Эх, жаль!

– Жаль? Нет, не жаль. Не отбирались советами у него ни магазины, ни завод. Потому для новой власти дед твой только сыном купеческим значился, делить с которым ничего не пришлось. Тогда это спасло от быстрой смерти, а от медленной, в голодные-то времена, спасло твоего деда умение работать своими руками. Спасло его то, чему научил скобяных дел мастер. Не нужны стали выпускники гимназий, а рабочие руки нужны. Не престижная слесарная работа, но денежная.

– А образование разве не требовалось?

– Тогда нет. Сколько бывших гимназистов, сынков богатеньких сгинуло, а дед твой выжил. Потом он стал управляющим у какого-то нэпмана, но в конце двадцатых их разогнали. Нэпману дали трешку, а деда только выслали. И опять руки его спасали на высылках. В тридцать шестом мы поженились и в тридцать седьмом переехали в Москву.

– Так тогда репрессии были, – вспомнил я диспуты.

– Не знаю, это сейчас говорят, а тогда внимания не обратила. Порядка больше стало, а насчет репрессий нет, не заметила. Заметила, что до войны жизнь с каждым годом лучше

становилась, легче. Мне в тот год двадцать шесть исполнилось, овдовела я в тридцать втором, и дети умерли, всех четверых Бог забрал в голодное время. Да и дед твой не мальчиком в жены меня брал: он с нулевого года рождения, овдовел к середине двадцатых, и детей в том браке им не было дано. До самой войны слесарил Иван в артели и вел бухгалтерию. Потом воевал до ранения, а после возглавил ту же артель. Вот тогда мы зажили хорошо, после войны. И тогда же ребенка нам Господь подарил, папку твоего. А больше я не смогла родить. Никогда так не жили! А года через три после смерти вождя их артель разогнали.

– Кто разогнал?

– Кукурузник лысый разогнал, кто же еще! И опять дед своими руками трудиться начал. Тем и спаслись. Зачем я тебе это говорю, знаешь?

– Нет. Про деда рассказываешь?

– Не только. Сейчас снова болтовня началась, как в тридцатых. Газеты я тогда читала и понимала, кто им жизнь мешал налаживать. А сейчас читаю, но не понимаю. Только если все повторится и болтунов прикроют, куда ты на выселках со своим словоблудием денешься? Сгинешь. Понял, что я сказать хочу на примере деда?

– Нет, не понял.

– Становись словоблудом...

– Адвокатом.

– Ну хорошо, становись адвокатом. Но последний школьный год с пользой проведи! Получи рабочую специальность, пока время есть. Работать уметь надо, чтобы выжить. Работать руками. Понял?

– Теперь понял.

– Обещай мне клятвенно.

– Клянусь!

Бабушка замолчала. Она посмотрела на меня, но это был уже другой, не обычный ее взгляд. Никогда досель я взгляда такого не встречал. Вроде на меня бабушка посмотрела, а вроде и сквозь меня, вроде смотрит, но другое видит, – испугал меня взгляд ее пуще прежнего.

– Темненькая она будет, с серебряными вкраплениями в волосах, очень красивая и очень несчастная, с Туркестана, но русская, – тихо, но твердо сказала вдруг бабушка.

– Кто, кто же это?

Только не ответила она. Погрустнела. Встала, ссутулилась и ушла молча. Я же гулять побежал на улицу, и заполнили мои мысли бестолковые подружки Леши Трифонова, красивые, задорные, веселые, только начинающие пробовать на вкус свою и чужую жизнь девушки. А в ночь на 1 сентября 1988 года, когда я наслаждался здоровым, полным приятных грез, крепким сном, пришла за бабушкой вездесущая нежить, тихая, спокойная и безжалостная. И кто бы мог подумать, что горе случится так скоро.

Умерла бабушка.

И ничего теперь не осталось у меня от нее. Ничего, кроме одной фотографии и памяти о словах ее последних, мне адресованных. Но не осознал я сразу значение этих слов в судьбе моей.

ПРЕДПОСЫЛКИ БОЛЬШОЙ РЕЗНИ

18 декабря 1988 года Аня-Инаят сидела у окна в своей квартире на улице Муниса, смотрела и с ужасом различала в некоторых молодых людях, сейчас с пеной у рта требующих

душить русских и турок, своих добрых соседей по дому или их детей. Собрав человеческую дань с близлежащих домов и выпитав свежую кровь, толпа двинулась дальше, уже увеличенная. Небольшие, прекрасно организованные группки молодых узбеков, по слухам сторонников недавно созданной организации «Бирлик», нападали на всех, кто не с ними. Местная милиция бездействовала, и никто из жителей не понимал, что и почему опять происходит. А женщины боялись выходить. Аня-Инаят не выпустила мужа из квартиры и сама никуда не пошла. Ее тошнило так, что Закиру почудилось приближение очередного криза, но девушка справилась; это была всего лишь беременность, токсикоз – сбылась мечта, но как-то буднично **сбылась**, другие мысли отвлекали внимание.

А в три часа **пополудни** приехал к ним сам дядя Семен. Как ни странно, но **был он в** хорошем настроении. Обычно такой сдержанный на эмоции, товарищ Аронов буквально сиял непонятной радостью, **причина** которой была не совсем ясна, особенно в свете **сложившейся** в Ташкенте обстановки.

– Ну, что? Инаят, **напугалась?** Не бойся, все это ерунда, цветочки. Вот тебе медицинский документ, а в январе досрочно диплом вручат, так что вы вдвоем езжайте сейчас в Бекабад, там тихо, и рожай спокойно. А ты, Закир, не оставляй жену одну. И по поводу Эшкула напомню: не лезьте на рожон, я уверен, что они что-то задумали, а что – пока не знаю.

Аня-Инаят чувствовала глубокое презрение Семена Михайловича к тем, кто возглавлял сейчас страну и республику. И название самого Союза ССР все реже проскальзывало в его словах, все чаще поминал он в речах загадочное слово «Россия».

И совсем уже перед уходом:

– Анечка, а ты Закира любишь? – вдруг спросил дядя Семен, когда Закир побежал в аптеку; спросил и остановился

в дверях в ожидании. Нет, не был этот вопрос неожиданным – ждала девушка. Никто другой так прямо не спросил бы, не смог бы подгадать вопрос к ее мыслям.

Ответить она не смогла... и покраснела. Только сейчас, проживая в фактическом браке с Закиром, вынашивая под сердцем его ребенка, выстрадала она ответ на этот вопрос, но произнести вслух не было сил. Знала, что и сам Закир при ней тяготился, отчуждался, слишком много их разделяло, другая ему жена нужна была. Дядя Семен это понимал.

Но совет никакой не дал.

Текущие события отвлекли внимание.

С января 1989 года жуткие события волнами покатались по пока еще общей для всех стране, будто скрытые силы начали двигаться к власти, кем-то ведомые и кого-то ведущие – в каждой республике своя сила, но по одной схеме, через национализм титульных наций. В Узбекской ССР национализм был узбекский. Люди не понимали, почему и зачем бездействует руководство в Москве. Но дядя Семен уверял своих друзей, что к власти на перифериях скоро придут те, под кого и был организован этот бардак; в Узбекистане к власти рвался Первый секретарь Кашкадарьинской области, самаркандский таджик и земляк дяди Дамира, лично ему знакомый и зуб на националистов имевший очень большой.

– Короче, ни против ветра из Кашкадарьинской области, ни против ветра из Москвы струйки пускать не будем. По понятным причинам, мальчиков это касается больше, но и для некоторых девочек актуально, – так, смеясь, ставил задачу товарищ Аронов.

Это было руководство к действию. Пользуясь окончанием института и беременностью, рассталась Аня-Инаят с комсомольской организацией в Ташкенте, а на учет в Бекабаде не

встала. Обрубилась связь с ЦК ЛКСМ УзССР и тихонечко сидела взаперти в своем родном городе, в служебной квартире дяди Дамира перебирала изъятый дядей Семеном пухлый архив собственных донесений, печатала на машинке нужную информацию, оригиналы самих донесений уничтожала, а что происходило с упомянутыми там людьми дальше, лишь догадывалась.

Наступали новые времена.

СЛЕСАРНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ

Отцу лишь сорок три исполнилось. Как и многие, высшее образование он не получил: нужды не было, но в ПТУ и в армии усовершенствовал вложенные ему дедом навыки. Два года службы провел он в ремонтной мастерской своей части и на квартирах с дачами местных начальников, а после демобилизации стал признанным мастером по ремонту квартир и сантехнической периферии. Только принят был в марте закон о кооперации, отец объединился с двумя товарищами и подмял их под себя для совместной деятельности. Мало тогда подвижников таких случалось: все торговать норовили, и лишь они трое со слесарным делом пролезли, местным забулдыгам дорогу перешли, – и не поняли их люди. Кто-то тихо завидовал, а кто-то поживиться на отце захотел. Только он ко всему готов оказался, жилка предпринимательская нашлась, как у деда с прадедом, и настрой соответствующий – с алчными и сильными договорился.

Но сначала папа избит был крепко. Только он не обиделся, а изменил что-то в работе кооператива, вывел из тени часть доходов и начал кому-то отдавать, а остальное в семью понес; и не стало больше проблем.

– Меньше знают – крепче спят! – так и сказал о милиции.

Процветал кооператив. Раньше я не интересовался его работой, но после данных мне бабушкой наставлений попросил отца о трудоустройстве, в силу возраста своего школьного – отказ получил, но зато принес папа с работы две потрепанные брошюры и странной формы инструменты: загнутую на самом кончике шпильку и узкую, короткую, согнутую с одного края, прочную на изгиб пластинку.

С этого и началась моя история.

– Что рот раскрыл? – спросил отец. – Почитай книжки – узнаешь; но помни, это не воровские инструменты, а слесарные, у нас в кооперативе нет специалиста – ты и попробуй.

– А зачем?

– Вот смотри. Если человек захлопнул дверь, а ключа нет, он звонит нам. А мы что делаем? Мы сносим дверь, а потом восстанавливаем. Масса времени и сил. Но ведь можно просто открыть замок. И деньги те же. Думаю, даже больше брать можно, труд ведь интеллектуальный, без повреждения имущества. Только ты изучи сначала – об остальном потом поговорим. Лично я пытался когда-то, но пальцы в армии огрубели, ловкости не было, а ты молодой, у тебя получится.

Вот даже как. Много я слышал о подобном, но никогда не видел и в руках не держал. Отмычка и рычаг! О том, что это слесарные инструменты, я не знал, всегда думал, что имеют они криминальный, воровской подтекст. Но сам метод взлома замков показался мне заманчивым: результат зависел не от физической силы, а лишь от ловкости рук и умения. Тем более ничего криминального здесь не оказалось. Да и детективный романтизм! Какой сюжет обходится без опытного сыщика, отмыкающего замки и проникающего в скрытые от него тайны? А сыщик – это не вор. Он чужих вещей не похи-

щает, он за чужими тайнами и секретами охотится. Сыщик – положительный герой, вор – отрицательный. Но что-то общее в них есть, из книг следует именно так. А если вместо сыщика представить адвоката? Тот же Шерлок Холмс ведь не каждого преступника правосудию отдавал.

Ну, тут воображение у меня разыгралось не на шутку...

Жили мы в причудливо расположенном на Энергетической улице угловом доме 22, рядом с метро. Квартира была просторной, с добротным коридором, который я намерен был превратить в главное помещение для предстоящего обучения. Половицы одно время начали скрипеть, но отец в нескольких местах вкрутил огромные шурупы и скрип прекратился. На входе пара дверей: внутренняя деревянная и наружная металлическая. Для практического обучения я выбрал врезной замок деревянной двери, а от любопытных глаз соседей был скрыт металлической – в такой обстановке можно было спокойно упражняться, часами и сутками ерзая на табуретке перед замком. Ввинченные отцом шурупы спасли бы нервы соседей снизу, а раскинутый на полу серый ковер еще больше заглушил топтания.

Конструкция замка была стандартной. Если в теории, то неподвижная часть называется корпусом, подвижная – цилиндром. Ключ вставляется в паз цилиндра. Сквозь корпус и цилиндр проточен ряд из пяти или шести отверстий. В нашем замке таких отверстий шесть. В отверстия вставлены штифты, то есть металлические цилиндрики с такими же круглыми сечениями. Штифты неподвижного корпуса называют направляющими, а штифты в цилиндре – ключевыми. Два штифта в одном отверстии – штифтовая пара. Иногда между ними вставляют по одному дополнительному штифту, но в нашем замке такого точно не было. Правильный ключ всегда спокой-

но входит в паз по самый заплечник, своими вырезами поднимает штифтовые пары до такого уровня, пока зазор между штифтами в каждой паре не совпадет с линией вращения цилиндра в корпусе. И когда все штифты находятся в верном положении, цилиндр может вращаться и замок открывается. Если в паз вставлен неправильный ключ, тела некоторых штифтов остаются между корпусом и цилиндром, препятствуя вращению последнего. А если ключа нет, то нужное положение штифтов достигается отмычкой, а удерживается рычагом.

Это все я узнал из старых книжек для служебного пользования.

– Ты представь, Арсений. Рычаг и отмычка вместе заменяют ключ. Рычаг – это хоть и короткое, но тело ключа, стержень ключа, усеченная немного болванка без пазов, выступов и вырезов. Рычаг создает крутящий момент и вместе с ним дополнительную силу трения. А отмычка – это как бы один из выступов на ключе. Если в замке пять штифтовых пар, то надо пять выступов, если шесть, то шесть.

– Это по ключу можно определить?

– Да, по ключу, если он есть. А если нет, то отмычкой наощупь. Только она одна и ее надо перемещать от одной пары к другой, скользя над верхней или под нижней кромкой рычага. Отмычка и рычаг – это типа болванки ключа с одним перемещающимся выступом. Если ты пропихнул один штифт, то цилиндр можно чуть-чуть повернуть рычагом, создав крутящий момент, и с помощью трения зафиксировать направляющий штифт в корпусе, не дать ему упасть в отверстие цилиндра.

– Я понял!

– Оба отверстия благодаря вращению рычага смещаются относительно друг друга, и диаметр отверстия на линии вра-

щения цилиндра становится меньше диаметра штифта. А потом можно переходить уже к следующему штифту и так далее, и так далее, никакой науки, только практика, – так, простыми словами отец пояснил мне суть новой для меня профессии.

И я начал упражняться. Вся сложность стала понятна сразу же. Очень трудно было держать инструменты в руках, а еще труднее – подобрать нужное давление на рычаг при его вращении и одновременно работать отмычкой. Ведь штифты приходят в движение и удерживаются в нужном положении только при минимальной, но достаточной силе трения. И чем большее вращение будет передано цилиндру через рычаг, тем труднее привести остальные штифты в движение отмычкой по причине увеличения силы трения между цилиндром и корпусом.

А если вращательный момент мал, то штифты просто падают...

ПРИЯТНОЕ ТАРАХТЕНИЕ

И потекли часы, дни и даже месяцы: я часами просиживал и привыкал к инструментам, их надо было еще научиться держать в руках, действовать двумя руками одновременно и при этом понимать, что делает каждая рука и что происходит внутри замка. Вот отмычка давит на ключевой штифт. Ключевой штифт, в свою очередь, давит на направляющий штифт и углубляет его в корпус. Фиксирующая направляющий штифт пружина в корпусе сжимается – это одна рука. Вот рычагу передается нужное давление. Цилиндр вращается и слегка смещается относительно своего первоначального положения – это вторая рука. Начинаешь думать об отмычке –

забываешь про рычаг. Начинаешь думать о рычаге – забываешь про отмычку...

Штифты падали и падали. А если и получалось хотя бы одну штифтовую пару зафиксировать правильно, то, когда отмычка переставала давить на ключевой штифт, ничем не сдерживаемый, он просто возвращался на свою позицию под действием силы тяжести и в то же время направляющий штифт удерживался в отверстии корпуса над кромкой отверстия цилиндра. Давление на рычаг – и маленький поворот слегка смещал отверстие цилиндра относительно отверстия корпуса и не давал направляющему штифту войти в него, – так освобождалась линия вращения. Подобная операция должна быть повторена поочередно для всех пар.

Но стоило мне только забыть о рычаге, как все рушилось и надо было начинать сначала. Вот я и забывал. Работая правой, постоянно забывал, что делает левая рука, и наоборот. Сами штифты проталкивались не последовательно от первого к последнему, а в индивидуальном порядке. Присущий конкретному замку порядок пришлось бы еще определять для каждого конкретного замка, так как он почти никогда не повторялся, – определять отмычкой, не забывая при этом про рычаг.

Сколько же дней я только учился владеть руками – правой и левой, держащими инструменты! Я долго тренировался, я был упорен в своем стремлении: и утром перед школой, и днем после школы до прихода родителей, и вечером перед сном, пока не засыпал, сидя перед дверью. Учиться, бегать и качаться тоже успевал, а вот гулять по улицам и общаться с товарищами перестал, отдалился я от малочисленных своих знакомых.

И не с кем мне стало отвлечься от мыслей печальных, от сообщений в газетах. Вся эта гласность и перестройка на-

доели. Не мог я к гласности привыкнуть, не мог и не хотел привыкать. Из морга информация краше, чем они с регионов давали: смерти и жертвы.

Не очень мне понравилось начало 1989 года.

Никогда не интересовался политикой, а тут пара балтийских нахлебниц ввела государственные языки, начали ограничивать перемещение продуктов за свои пределы. А журналисты смаковали! И летели их паскудные голоса из всех щелей. Но в Москве за окном все тихо было, как и всегда. Какие-то клоуны митинговали, но мирно. А далекие события, в том же Ташкенте, принимал я за чьи-то фантазии, не верил, что такое возможно в нашей стране с победившим социализмом и дружбой народов. Но словоблуд у власти не понимал, что творилось внизу, как тут люди жили.

Мама ругалась по-татарски, приходя домой из магазинов, где после работы в очередях оставляла все свое душевное равновесие. Она думала, что я не пойму. А сколько сил трагил отец с товарищами на вытачивание нужных гаечек, шайб, болтиков, зажимов и прочего, что ни за какие деньги они не смогли бы приобрести. И тоже ругались, но по-русски.

Я понимал и мать, и отца, понимал, что скоро произойдет нечто ужасное, не могло не произойти, ведь уже начался фактический распад государства. И стоило ли мне тогда поступать в юридический? Стоило ли стремиться быть адвокатом при таком раскладе? Но если не поступать в институт, то придется начинать работать, – как же права была бабушка!

А пока постепенно научился я мысленно представлять, что происходит внутри замка; научился через корпус видеть, как отмычка давит на штифты, как изменение давления на рычаг может помочь или испортить дело; научился концентрировать свои чувства, чтобы понять, как замок реагирует на каждое из

моих действий. И выработал у себя привычку правильно держать отмычку.

Приятное тарыхтение не скованных пружиной ключевых штифтов мне начало даже сниться, и постепенно, шаг за шагом я добился автоматизма.

26 января 1989 года, в семнадцатый день моего рождения, отец с гордостью показал нам с мамой номер «Известий» с опубликованной рекламой его кооператива – необычно, как в Америке! Но подарок я сделал себе сам под занавес дня. В тысячный или более того раз вставил я инструменты в паз. Как всегда, не вращая цилиндр, вынул отмычку, прочувствовал давно знакомую жесткость пружин через штифты. Чуть провернул цилиндр рычагом и вновь вставил отмычку в паз. Выдвигая ее на себя, надавливал на штифты чуть сильнее, пока отмычка не вышла из паза – и так несколько раз, увеличивая силу давления рычага.

Какие-то штифты протолкнулись и остались за линией вращения цилиндра. Но так было и раньше. Мне подобная ситуация напоминала изобретение господином Рубиком своего кубика: верхний и средний ряд собираешь – вроде получилось, но, когда начинаешь собирать нижний ряд, обязательно разрушишь средний или верхний. Начнешь сначала – результат такой же. И так до бесконечности: никогда не мог собрать эту головоломку.

Я вновь и вновь прочесывал штифты, которые еще не протолкнулись: работал рычагом, изменял давление на рычаг. Ну, зафиксировал в очередной раз три штифта, а дальше – никак, дальше ходу нет, все начнет сыпаться. Я был уверен, что ничего не получится и сейчас, но судьба распорядилась иначе – предоставила мне подарок на семнадцатилетие!

Неожиданно я добился проталкивания оставшихся штифтов и не потерял уже зафиксированных. Цилиндр буднично провернулся, таща за собой язычок, а я даже эмоций не проявил, так устал уже от многомесячных упражнений. Посмотрел зачем-то в потолок, возблагодарил бабушку...

Пришлось будить родителей – хвастаться.

– Ну, молодец, что я могу тебе еще сказать. Молодец! Ты почти приобрел редкую и нужную специальность. Однако помни, такие навыки можно применять только на работе, только по договору с клиентом. Письменному договору, подписанная клиентом копия которого у тебя на руках! А если до своего совершеннолетия ты попадешься за незаконным взломом чужих замков, то меня посадят. Особенно если узнают мою роль в твоём обучении, – так сказал разбуженный отец, позевывая и засыпая, а утром унес служебные книжки на работу.

Они мне были уже давно не нужны.

ИГОРЬ ТИТОВ

23 февраля 1989 года, когда в закостеневших со времен товарища Брежнева телевизорах звучали бравурные речи, вручались награды и прочее, в самом центре Ташкента собралась огромная толпа. Узбекская молодежь, будто по инструкции, кричала привычные с прошлого года лозунги об изгнании русских и турок, об узбекском языке и время от времени бросалась на людей, не одобрявших избранные методы борьбы их движения. В отличие от большинства своих сокурсников, Игорь Титов слышал об основателях этого движения – мест-

ных интеллигентах, которых сам глубоко презирал. Но даже его родители сочувствовали демократическим силам (так они их называли), хотя Игорь уже в январе слышал в транспорте истошные вопли титульных недоносков о постановке русских «оккупантов» на ножи.

Но отец с мамой призвали сына не судить обо всех узбеках по действиям отдельных лиц; на том разговоры о политике в их семье завершились – каждый остался при своем мнении.

И вот сейчас, спеша в институт на собрание, услышал студент-медик животный вой на тили и теми же голосами матерную ругань на русском, придыхания, звуки ударов чего-то тупого обо что-то хрупкое или твердое и жалобный визг. Если верить отцу с матерью, это отдельные представители титульной нации (дети) совершали плохие поступки. Что там они кричали, Игорь не понимал, но буквально перед ним несколько черноволосых половозрелых молодцев навалились на черноволосую же девушку, по всем признакам узбечку. Держа ее за растрепанные волосы, они принялись избивать и рвать на ней одежду, стараясь оголеть грудь и бедра. Били ногами в живот, а девушка отбивалась и визжала что-то не по-русски. Игорь не понимал, он просто не мог не вмешаться...

– Чўчка! Рус чўчкаси! – это последнее, что он услышал или ему послышалось перед резким ударом по голове сзади.

А очнулся он уже в отделении милиции, в кабинете.

– Проснулся? Так что случилось? – этот и другие вопросы с упорством бульдозера задавал ему даже не узбек, а невесть какой национальности старший лейтенант, не торопясь записывать ответы юноши в протокол. – Ты избил девушку. Почему? Потому, что она «черная» и ты хотел сорвать с нее одежду и прилюдно изнасиловать?

Игорь понял, что находится он в местном отделении милиции, и просто попытался объяснить, что не избил, а спас от избиения и бесчестья избиваемую узбеками девушку, но старший лейтенант не отступал:

– Ты кайся, щенок, пока добром прошу!

Но Игорь твердил свое.

– «Ленин, Владимир Ильич», – по требованию зашедшего в кабинет капитана вслух прочел Игорь цитату с зачем-то вывешенной в кабинете агитационной растяжки красного оттенка. – «Одним из величайших завоеваний нашей Родины является дружба народов!»

– Ну. Ты с этим согласен?

– Конечно, согласен! – но через открытую дверь за спиной вошедшего капитана Игорь разглядел в обшарпанном коридоре еще нескольких ожидавших допроса светловолосых ребят, судя по всему крепко избитых; стулья достались узбекам, а эти ребята сидели на полу.

– Так что произошло? Сам упал? – наконец подсказал старший лейтенант растерявшемуся Игорю, заручившись кивком капитана.

– Да, сам упал.

– Претензии есть? – оживился старший лейтенант.

– Нет у меня претензий, я сам упал, и не надо проводить проверок, для проверок не вижу оснований, – именно эти слова Игоря и были тщательно записаны в протокол, который молодой человек подписал. Но на выходе из дежурной части он почувствовал мощный удар по ягодицам, буквально отбросивший его к дверям. Капитан с сарказмом улыбался, пока один из доставленных в отделение титульных свидетелей потирал ушибленную ногу.

Спорить, доказывать в такой ситуации было бесполезно.

– погоди, не уходи, – незнакомый чернявый паренек остановил Игоря на улице перед отделением милиции. – Сейчас девушка выйдет, вместе пойдем.

– Ты кто?

– Ты меня не знаешь, и я тебя не знаю. Я знаю, что нас привезли сюда в автозаке, тебя без сознания, а меня в наручниках. Мое имя – Костя Балицкий.

– А что за девушка?

– Ну, она не совсем девушка, лет двадцать семь с небольшим. Взрослая уже, по нашим меркам. И ты ее знаешь, ты же ее защищал сегодня, Геля зовут. Ее раздеть хотели и голой по улице протащить, а меня скрутили и держали милиционеры, я не мог к ней пробиться и защитить, хорошо, ты вступился. Спасибо тебе!

– Да, что-то было. Помню, они кричали еще: «Чукча, рус чукча». Это они меня русским чукчей называли? Придурки!

– Каким чукчей? Не чукчей, а чўчкой, свиньей то есть русской, они тебя назвали. Ты совсем на тили не говоришь?

– На чем? – сразу не сообразил Игорь.

– Ну, на узбекском языке, на тили? Ты приезжий?

– Нет, местный, просто не учил никогда. А надо было учить?

– Думаю, теперь не надо, раз Бирлик за него. Типа диссиденты за единство, интеллигенты против коммунистов, а в реальности моральные уроды и нацисты. Придет время, их первых сомнут те, кого они к власти ведут, вот попомни мое слово. А я учил узбекский почти добросовестно, но что толку? Мы для них свиньями и будем теперь по жизни. Они хозяева, а мы рабы. Так и кричат! Если бы в Москве нормальные мужики сидели, как в том же шестьдесят девятом, они мозги бы тут прочистили...

Костя поперхнулся, перевел дыхание и сплюнул кровавый сгусток.

– Но нам еще повезло, – засмеялся вдруг он.

– А есть те, кому не повезло? – удивился такому повороту Игорь.

– Да, крымским татарам и туркам здесь хуже будет, но потому и защищать их надо именно сейчас. Сначала узбеки их на ножи поставят, а потом все равно за нас примутся. А тебя цитату Вовы Ульянова капитан читать заставлял?

– Да, про дружбу народов.

– Самое смешное, что он не узбек вовсе, а грузин-мусульманин. Дурак и дальше своего носа не видит. Впрочем, белые в отделении тоже были, но молчали. Когда на Гелю и на тебя напали, меня за руки узбеки держали, а русские к вам бросились, все скопом, все, кто был. Начальник отделения здесь тоже белый, русским его язык не поворачивается назвать, на партийное собрание уехал, будто Пилат, руки умыл. А Геля, которую ты спас, она как раз татарка крымская, – Костя весело рассмеялся, обнажив щербину в нижних резцах, до сих пор кровоточащую.

Это был белорус, ученик последнего класса соседней с местом событий школы у вокзала, высокий, физически развитый, как спортсмен. То есть внешне примечательный, смугловатый только, как и все метисы, черноволосый, на лицо скорее красивый, чем просто симпатичный, и большой знаток национального вопроса.

– Не верю! – обязательно воскликнул бы его тезка Станиславский, когда бы юный Костя осмелился пробиться на роль белоруса. А вот на роль узбека, пожалуй, даже Константин Сергеевич утвердил бы...

В тот момент, когда Игорь закончил свои умозаключения, несколько приторможенные сильной болью в голове, из две-

рей отделения показалась молодая женщина, красивая, но заметно старше ожидавших ее ребят.

– Привет, Костя! – сказала она, с интересом посмотрев на Игоря. – А, вот и мой спаситель, ну надо же, какой молодой. Геля Ислямова. А тебя как зовут, где учишься?

– Игорь Титов. Медицинская академия.

– Ташмед? Это в Вузгородке, что ли? Очень интересно. И на каком курсе? Ты в общежитии там не живешь, случайно?

– Нет, я с рождения с родителями живу здесь, в Ташкенте. На втором курсе учусь, в позапрошлом году поступил. В школу просто раньше пошел, раньше закончил и вот, поступил тоже раньше.

– Очень приятно. Я сейчас убегу, но мы с тобой еще обязательно встретимся. Мне дочку забирать из садика надо. Костя, – глядя на юношу снизу вверх, Геля легкими движениями пригладила его растрепанные вихры и продолжила, переведя взгляд на Игоря. – Костя, ты с Игорем наладь отношения, введи его в курс дела и на Влада выведи, я с ним завтра встречаюсь, тоже все расскажу. Игорь наш человек, отсиживаться не хочет или не может. Влад завтра уезжает, и я с дочкой тоже, но ко дню рождения Ильича он обязательно вернется, тогда и встретимся все вместе.

– Что будет в апреле? Что-то опять? – Костя слегка толкнул Игоря и поднял указательный палец вверх.

А Геля глядела, смущая взглядом ранее не известного ей рыжеватого, высокого и довольно худого молодого человека, явно не боксера и не борца, но своей безрассудной отвагой спасшего ее от позора. Такого же позора, какой в полной мере выпал на долю ее мамы, когда та со своей фабричной начальницей Айслу Ибрагимовой возвращалась со стадиона «Пахтакор» после матча, где они дружно «болели» за узбекскую

команду, созвучную с названием стадиона. Но только им это не помогло. И рядом с ними не оказалось тогда в Ташкенте никого, кто отважился бы за них заступиться. Несчастливая Айслу так и не оправилась, умерла в 1971 году. Искал сын ее потом преступников, но так и не нашел.

Угловатый Игорь напомнил ей мужа в момент их первой встречи в олимпийском году, когда щупленький белобрысый парнишка с непонятной для такой внешности фамилией Исламов отважился вступить в драку с двумя пьяными узбеками, с какой-то стати приставшими к ней. И она влюбилась. А потом вместе с мужем проходила службу в Афганистане. Если бы он просто погиб, может и жизнь ее сложилась иначе. Но девушка помнила тех, кто продал его душманам. Впрочем, бывшие с ее мужем и возвращенные из плена в полном здравии рядовые узбеки уже наказаны. А пережить тот случай Геле удалось благодаря помощи и поддержке Дамира, сына той самой Айслу Ибрагимовой, и его товарища Семена Аронова.

Но обстоятельства той помощи она вспоминать не любила.

– Да, Костик, следующий после 23 февраля советский праздник не что иное, как 22 апреля, день рождения бабушки Ленина. Международный женский день не в счет, но ты девочек своих поздравь и будь готов!

– Всегда готов! – весело отозвался юный Константин, вскидывая правую руку в пионерском салюте. А Игорь с удивлением смотрел на двух совсем не похожих друг на друга, но близких ему по духу людей. Людей, не только не растерявшихся в такой странной обстановке, но, наоборот, желавших еще большего ее обострения и не намеренных тихо отсиживаться по домам, как его родители. Нет, новые знакомые явно желали вступить в самый настоящий бой, заранее осознавая свое меньшинство.

– Бей не числом, а умением! – сказал Костя, как будто поняв мысли Игоря. – И запомни, главное в этой фразе слово «бей». Пойдем, я тебя до дома все-таки провожу, а то ты еще пошатываешься. Заодно дом и школу свою покажу, если что, там меня найдешь. А с Владом тебя познакомим!

– Кто же такой этот Влад?

– Кто такой Влад? Он истину тебе расскажет, по полочкам разложит, чтобы ясность в текущей обстановке сложилась полная. Политинформацию прочтет. А пока я тебе скажу. Телевизор не слушай, там врут. И на каждого узбека не кидайся, они тоже все разные, как и русские. Перед каждым русским не откровенничай. Видел в милиции сегодня. В момент опасности бросились в толпу и спасли, а в отделении заступиться побоялись. И узбеки такие же. Большинство узбеков вполне нормальные люди, даже деревенские. Особенно по отдельности, а не в толпе. Если на каждого бросаться, можно только делу навредить. Выборочно надо. А вот кого из них выбрать, это Влад тебе и расскажет, кого бить, подскажет! Понял?

Игорь Титов понял.

ПЕРВЫЕ ШАЛОСТИ С ЗАКОНОМ

Глядел я на тех, кто в Москве махал красными флагами, и жалко мне их становилось. Бедные, вымрут скоро, как мамонты, от изменения климата и направления ветров. Но и тех, кто триколоры крутил, я тоже презирал, терпеть их блаженных морд не мог, особенно от их ораторов с блестящими глазками и сладкими лицами меня тошнило. Психи! Не понимал я их речей и до сих пор не понял: от кого Россия должна была стать независимой? Короче, решил я тогда плюнуть на

политику. Решил, плюнул и полностью ушел в свое странное хобби.

Еще в марте 1989 года, когда родители ходили голосовать за Бориса Николаевича с Сахаровым, я впервые закрыл глаза при работе с замком, получая информацию от пальцев и слуха, избавился от ошибки, которая преследовала меня с последнего дня моего рождения: перестал придавать излишнее давление рычагу, начал чувствовать нужный натяг и уже не ошибался. Раз за разом, отмыкая замок в квартире, я совсем забыл предостережение отца и решил проверить свои навыки на практике, закрепить их на другом объекте.

На вопрос «Где?» ответ пришел сам собой.

– Арс, пока ты спал, в мире микротелефон изобрели! – шаги и знакомый голос догоняли и догнали меня, я даже обернуться не успел. Это был голос Леша Трифонова. Уже и голоса приятелей, и имя мое, сокращенное до трех букв, позабылись, ведь давно ко мне никто так не обращался с тех пор, как я засел за свой замок.

А Леша не унимался.

– Представь, скоро будем ходить по улицам и звонить, куда хотим, хоть в саму Америку. Да! Еще кучу народа из политбюро разогнали. Ты шутку про личный рафик Горбачева слышал?

– У Горбачева RAF? Не верю. RAF – это «скорая помощь», а твой Горбачев на «Чайке». И про телефон не слышал. Телевизор уже надоед, а ты про телефон какой-то. Не хочу о политике, что со страной делается, не видишь, что ли? Пошли они все... – меня аж перекосило в душе, но сдержался, не договорил. – Я слесарному делу учился, вот и пропадад, дома сидел и только бегал на турники по вечерам.

– Слесарному? Ты же в юридический собирался! – Леша действительно не понял меня и даже притормозил шаг.

– Отмычкой замки открываю теперь, этому и учился.
– Как вор, что ли?
– Нет. Это слесарное дело, а не воровское!
– Да иди ты. Врешь!
– Не вру.
– Доказать сможешь?
– Легко.
– Прямо сейчас, как в школу придем?
– Нет, лучше у меня дома. Так что там про RAF Горбачева?
– Какой RAF? – не понял Леша. – А, вспомнил. Нет, это не машина, это игра слов: Рафик Нишанов, первый секретарь Узбекской ССР, и личный «рафик» Горбачева. Да ну их, забудь! После школы сразу к тебе, посмотрим, что ты за мастер такой...

Скудословием Алексей не отличался. Говорил много и охотно. Следуя последним трендам, он окрасил свои густые и легкие на укладку черные волосы в рыжеватый цвет и овладел такой сложной дисциплиной, как скейтборд. Нет, нельзя сказать, что все девочки класса стали «его», но все шло к тому. И чем больше блестели его черные глаза, тем больше девочек на них слеталось, это было заметно. Впрочем, со слов Леша, в классе оставались еще четыре недотроги. Врал, конечно, больше недотрог оставалось, та же Жанна Белоноженко например.

Тогда только и вспомнил я про предостережение отца, когда после уроков меня окружила толпа одноклассников и сопровождала до самого дома, до самой квартиры, где, провозившись с замком минуты две, я его вскрыл ко всеобщему удивлению. Жанны Белоноженко среди ребят в тот день не было, но слухи о моих способностях распространились быстро и произошло то, что должно было произойти: на спор я взялся открыть

дверь учительской. Понятно, что спорил я с самой вредной девочкой из нашего класса – моей платонической любовью. Ее отчим в Моссовете не последним человеком стал, перейдя с партийной работы на сугубо хозяйственную (вовремя переметнулся, со слов папы). И разбогатевшая вдруг Жанна как-то привыкла к персональному к себе вниманию со стороны учителей, потому казалась высокомерной, не всем учителям это нравилось.

А внешность девочки менялась в лучшую сторону. За пределами школы носила она без меры обтягивающее, нарочито импортное. Вздернутый слегка носик, большие серые глазки, очень пухлые, почему-то всегда влажные губы и светлые, волнистые от природы волосы, завитые в мелкую кудряшку модным химическим способом. Вот только с грудью был у нашей Жанны явный пробел. В отличие от пышного бюста тети Лены, реальный размер и местоположение груди ее дочки оставались для всех неразрешимой загадкой. Злые языки поговаривали, что подкладывала она туда нечто привезенное отчимом из-за границы, для объема и отвода глаз. Однако главным достоинством девочки в глазах ребят (но не в моих) являлась ее реальная способность доставать и продавать импортные вещи. Не кооперативные варенки «а-ля фирма», а самые настоящие бренды.

Тут мы с Жанкой и поспорили. Я вызвался открыть учительскую комнату в обмен на джинсы, настоящие, американские. В противном случае должен был прийти к ней в гости на день рождения Ильича и стать примерной «золотой рыбкой» – так у нас называлась игра в три желания. Хотя и не прельщали меня подобные игры (типа, с лоджии помочиться на головы прохожим или аккуратно закупоренную бутылку с непотребной жидкостью на стеллаж в магазине поставить),

но под смешки и хихиканье осведомленных одноклассников я согласился, и вот, перед самым днем рождения дедушки Лешина наступил момент моего испытания.

Мы задержались после уроков, но пришлось еще с часик подождать, пока из учительской не выйдут последние учителя. Не могу сказать, что я волновался. Углубленный в стену проем позволял встать у двери так, чтобы со стороны меня не было видно совсем. Я не думал, что произойдет дальше, не думал, что мои действия могут попасть под статью УК РСФСР. Леша и другие контролировали движение в коридорах, то есть стояли на стреме.

Прижавшись ко мне бедром, Жанна терлась за спиной и следила за моими действиями. Ее присутствие успокаивало, хотя я сильно волновался из-за непривычной обстановки: концентрировал внимание на движении в коридорах, прислушивался к каждому звуку со стороны, и сердце слишком сильно стучало, но руки не тряслись. Минут пять провозился я с замком, дважды начиная все заново. Но справился! И вот, мы стояли всем скопом на пороге открытой учительской комнаты, этого таинственного для многих небольшого уютного помещения с тремя добротными столами. Я раньше не был здесь, а Жанна Белоноженко была неоднократно.

– Там учительский туалет, – она зачем-то показала рукой в сторону. Я хотел было захлопнуть дверь, спор же выигран, но девочка неожиданно прошла вовнутрь, выдвинула верхний ящик ближайшего из письменных столов, и в ее руке появился классный журнал, который она сунула в свою сумку и быстро направилась в нашу сторону.

– Ты куда! – я схватил Жанну за талию, а она завизжала, совершенно не подумав, что в нашем положении лучше не визжать. Я вцепился в сумку, которую девушка крепко при-

жимала к своей груди, и с силой дернул ее, в смысле сумку дернул, но и грудь оказалась на месте – настоящая, налитая и упругая, я это прочувствовал. Ситуация вызвала замешательство у покрасневшей вдруг девочки, я быстро извлек из сумочки журнал, сунул его в тот же ящик стола и волоком вытащил Жанну в коридор.

Остальные маленькой толпой так и стояли у порога. Леша Трифонов только и успел захлопнуть дверь, увидав приближение учеников младшего класса с учителем.

Мы с удивлением посмотрели на взбудораженную, взмокшую Жанну, которая, ничего не пояснив, просто оправила на себе школьный костюм и комсомольский значок, повернулась и ушла. А вечером зашла ко мне и передала подходящего размера джинсы фирмы Levi's. Но что-то уж сильно она покраснела при встрече. Это новое, раньше она просто смотрела, а теперь краснеть начала. Я всегда был не очень решительным в этом плане, но даже до меня дошла суть ее поведения: пора!

После школьной линейки, когда родители девушки ушли в горьком справлять очередной юбилей «вечно живого», я сам пришел к Жанне в гости и добровольно попросил ее сделать меня своей «золотой рыбкой», слабо представляя, чем все это может закончиться. Но ни на лоджию, ни в магазин идти мне не пришлось. Для начала мы выпили по стакану вина (но лучше бы я с балкона пописал, ей-богу). Первая ее просьба заключалась всего лишь в просмотре принесенного отчимом фильма про француженку Эммануэль. И смотрели мы его на жутко дорогом видеомagnитофоне – таком точно, на каких в платных видеосалонах всю крутили в те времена боевики, ужасы и порнушку, по рублю с человека (за девочек платили мальчики). А тут он дома стоял! Две оставшиеся просьбы сами собой оказались привязаны к сюжету фильма, некото-

рые моменты которого для пользы дела сильно порозовевшая Жанна прокручивала повторно...

Когда я шел домой, все содеянное 22 апреля 1989 года по образу и подобию просмотренных сюжетов представилось мне таким потрясением, что никому в классе я ничего не рассказал, считая свои действия не совсем приличным для мужчины, а может быть даже унижительным. Жанна тоже помалкивала, но проходу мне уже не давала до окончания школы; пришлось повторять, повторять и повторять... после занятий в подъезде ее дома.

А вот зачем ей так понадобился журнал класса, я понял сам, когда в конце мая намеренно отвлекал горячим спором в защиту КПСС нашу демократку – учительницу физики. Я отвлекал, а Трифонов в тот же момент подсовывал журнал для проставления своей пятерки. Но пятерка эта озабоченной спором учительницей была поставлена в зачет Жанне Белоноженко, в том самом месте, куда и тыкал пальцем угодливый Леша, хлопая честными круглыми глазами. И за это благодарная девочка сыграла с нами (с каждым в отдельной комнате) в пресловутую «золотую рыбку», только желания уже загадывали мы.

И тут права оказалась бабушка!

ДВЕ МОКРИЦЫ

Встретиться с легендарным Владом и снова увидеть завадевшую его мыслями Гелю Ислямову у Игоря получилось только в рождество Ильича. Он готовился к встрече и для этого, по примеру Кости и вместе с ним, всерьез занялся рукопашным боем и атлетической гимнастикой, подспудно оттачивая

навыки на желавших мордобоя узбеках. Но для того, чтобы 22 апреля 1989 года уйти утром из дома, Игорю пришлось терпеливо пробиваться через выстроенные родителями препоны: не хотела мама отпускать его на улицу, хотя обязательные для посещения официальные мероприятия в институте никто не отменял и контроль посещаемости среди студентов велся все еще строго, для отчетности.

– Игорь, не ходи, я прошу тебя, не ходи, останься дома! Нет, посмотрите на него. Кому я говорю! Вспомни, в феврале буянили, домой чуть живого привели, а сегодня годовщина, опять же начнется!

– Да что там такое может начаться? – Игорь прислушался к уличному шуму, вспоминая стычки, в которых они с Костей последние месяца полтора руки набивали, и завершил, разве что не с издевкой. – Вы же за Берлик, за их узбекское Единство, за их лучезарные лица и за все хорошее! Разве не так? Прислушайся: вроде все тихо, они же демократы, диссиденты, борцы с советской клоакой! И не волнуйся, я на телеграф зайду по пути, надо Ане позвонить, встречу потом кое с кем в студгородке и домой побегу сразу, не буду задерживаться на их митингах, не переживай!

Игорь прекрасно знал, что и где может произойти, – туда и спешил. Не могли его родители больше удержать. Но, выйдя из дома, он действительно направился на телеграф, ведь обещал позвонить в Бекабад тете Фате, узнать про беременность Ани.

После февральских митингов националистов и неожиданной для него беспомощности власти Игорь люто возненавидел «нехристей», так он отныне мысленно именовал титульную нацию, совершенно не тая своих эмоций, при малейшей к тому возможности задирая и оскорбляя темноволо-

рых и черноглазых юношей, зачастую совершенно напрасно. Он знал, что в любом случае всеми правдами и неправдами надо уезжать в РСФСР. Двоюродным его сестрам легче: у них и матери, и сами они почти узбечки, смуглые, черноволосые, с красивыми черными глазами. Их даже можно принять за местных, особенно Анечку.

О самом же Игоре так сказать было нельзя: светлокожий, голубоглазый, с рыжеватыми кучерявыми волосами и говорил исключительно на великом и могучем, если не считать медицинской латыни и английского языка, который учил еще в школе. Конечно, в Игоре тоже была четвертинка нерусской крови, но у кого в СССР не было этой четвертинки? Не нужен был ему в Ташкенте их дурацкий тили, а теперь хотя бы заставить учить, а потом и образование на узбекский перевести намерены. О том, что бабушка – чистокровная узбечка, а папа – русско-узбекский полукровка, молодой человек не любил вспоминать, хотя очень тепло относился ко всем своим родственникам, не разделяя их по национальности. Но только на внешности самого Игоря родство с узбеками не отразилось: славянский типаж, весь в рыжеватую маму.

Игорь шел, хотя и погруженный в свои мысли, он давно заметил почти открытую ненависть, с которой на него вдруг начали смотреть некоторые встречные аборигены, спешащие в сторону студенческого городка. Еще прошлым летом неприятное удивление вызвала мода, непонятно кем введенная и очень быстро распространившаяся среди титульного молодого населения города: белые рубахи и черные штаны. Все чистое, опрятное, ну прямо студенты, если бы не наглые, вызывающие на конфликт глаза, – вот и сейчас было почти так же.

Игорь искренне не считал себя чужаком. Он был уверен, что Ташкент – такой же русский город, сравнительно недавно

восстановленный из руин силами общей страны, их родными, приехавшими отовсюду. А кто строил, того и город. Дед Игоря тоже восстанавливал Ташкент, а до того строил металлургический завод в Бекабаде, вместо того чтобы делать такой же завод на Урале. Только дедушка тут при чем? Куда пригнали, там и строил без всякого на то личного выбора.

В отличие от деда, Игорь свой выбор сделал: если надо бить, и бить крепко, бить насмерть, он готов! Только с чего и как начать, пока не знал, и сегодня в студенческом городке ему была назначена первая, очень важная для него, встреча с лидером активной части русской молодежи, молодежи нетерпимой и равнодушной к тем оскорблениям, что безнаказанно орали под режиссуру титульных интеллигентов местные недоучки.

Игорь шел молча, поминутно толкаясь плечом с теми встречными, кто сам того добивался, но дорогу никому не уступал и в драки не вступал; добрался до телеграфа, свернул в старую обитую металлом дверь, заказал разговор, поговорил. Отвечая на вопросы, скупно рассказал о полном спокойствии в городе и повесил трубку: не хотел волновать беременную сестру. Но когда дошел до студенческого городка, там уже разворачивалось нечто страшное: пространство между корпусами быстро наполнялось толпами чернявой молодежи, со стороны общежитий слышались громкие хлопки, асфальт усеян был битым стеклом и обломками кирпича, а от здания общежития послышались истошные крики, и многие признаки указывали, что все только начинается.

Сопrotивление жертв не было организовано, а кое-где уже рассеяно. Не все светловолосые ребята успели спрятаться от неожиданного нападения, да и в толпе нападавших не все были готовы к такому повороту. Некоторые просто стояли

и толкались на одном месте, будто сбившись в отары, недоуменно крутя головами и не понимая, что от них тут понадобилось. Они-то думали, их на митинг привезли, а тут война начинается!

Игорь моментально выцедил взглядом группку русских ребят, которую уже начали окружать. С чувством глубокого удовлетворения он ощутил, как что-то приятное заполнило его тело, затуманило мозг, придало легкость, быстро перевело сознание в блаженное измерение – катехоламины! Медлить нельзя, а Игорь и не хотел медлить, ноги сами тянули его вперед. Был еще небольшой шанс пробиться на помощь к окруженному островку, и кто знает, может именно сейчас ему удастся всерьез **вырубить** одного из нападавших под видом той самой **необходимой** обороны, на которую всегда уповал русский националист Костя Балицкий – похожий на узбека белорус.

Центр **сопротивления** занимал незнакомый парень, высокий, чересчур **крепкий**, безостановочно работавший кулаками и совершенно **не реагирующий** на встречные удары по туловищу и лицу. Отступить ему было некуда, позади стена, словно Москва в 1941 году. Он уже прижат был к фасаду, а за его спиной дико визжали две припертые к стене девчухи, одна со светлыми, вторая с темными волосами. Игорь осознал, что силы молодого человека уже на исходе, что стоит только ему оступиться или пасть под натиском толпы, девушек будет ждать незавидная участь. Такая же участь ждала бы любого одиночку, кто попытается им помочь.

Игорь все понимал, но его это не остановило, вот только добежать до цели он не успел. Мощный проникший со спины укол повалил его на землю, а последовавшие затем удары в голову отключили сознание. Последнее, что он запомнил, –

небольшую, но жутко орущую агрессивную толпу молодых людей, явно настроенных против титульной нации. Сверкнули бешенством нечеловеческие глаза юного Кости во главе отряда. Лицо школьника было туго перемотано шарфом, голову облегал глубоко насаженная спортивная шапка, в руке он держал бутылку с горящим уже фитилем и размахивал ею. Остальные его товарищи безостановочно, с видимой силой и прицелом кидали в узбеков самые настоящие кирпичи и булыжники, отгоняя нападавших от зажатой у стены троицы.

И тогда Игорь отключился – опять не смог!

А очнулся уже в госпитале. Проникающее ранение оказалась не очень серьезным: заражения или воспаления не произошло. Серьезными могли стать только последствия ударов по голове, но угрозы жизни эти травмы вроде бы не представляли, оставалась надежда на выздоровление. Но вечером, видя перед собой плачущую мать и угрюмого отца, Игорь мысленно поклялся отомстить за себя и совершить задуманное: убить минимум двух титульных «нехристей», мужчину и обязательно женщину.

Он лежал, смотрел на родителей, не слушал их и гадал, чем убийство мужчины отличается от убийства женщины. Думал урывками, то впадая в беспамятство, то вновь оживая и возвращаясь к реальности, – удары по голове оказались не так бесследны, как могло показаться со стороны: уже несколько раз Игорь терял сознание. И странная эта мысль об убийстве пронеслась у него в мозгу перед очередным беспамятством, но не исчезла, вернулась и застряла в виде клятвы, руководства к действию. Если бы доктор только мог читать мысли! Но доктор не мог читать мысли, он заверил родителей, что ранение их сына не представляет опасности для жизни и молодому человеку просто нужен покой.

– До свадьбы заживет, – напороочил доктор. Но странные мысли не ушли: а почему именно двух? Игорь взглянул на многократно перекрашенную светло-серую тумбочку. Количество будущих жертв само ползло по ее шероховатой поверхности.

Ослабленной после ранения рукой молодой медик подтянул к себе тапок с пола, сжал его мысок в руке и шлепнул по тумбочке.

– Убил! – крик сам вырвался наружу.

А все, что осталось от двух мокриц, брезгливо морщась, смахнула в ведро юная медсестра – темненькая, очень симпатичная, очень худенькая узбечка, практикантка с медицинского колледжа. Ее брезгливый взгляд, ее отказ от общения на русском языке – все это не понравилось пациенту. Игорь подумал, что девушка не поняла смысл двух мертвых насекомых, ему показалось, что под гомон новоявленных диссидентов она восприняла склизкие ошметки как плод его русской нечистоплотности. Но почему бы в таком случае одной из мокриц не быть ею самой?

Игорь рассмеялся: она себя и смахнула в мусорное ведро!

– Здравствуй! – поток странных мыслей моментально стих, но минута понадобилась понять, что его кто-то позвал. Из туманной дымки явственно проступило незнакомое лицо. Но какое-то странное лицо, опухшее. Вся левая половина почти фиолетовая, левый глаз настолько затек, что даже узкой щелочки не осталось. Голова перевязана была, кулаки тоже. Кто же это?

Игорь напряг свою память, но вспомнить не смог.

– Не старайся, не вспомнишь. Ты меня еще не видел, но как раз ко мне и шел, мы должны были встретиться. Нет-нет, ничего не говори! – гость быстро приложил свой перебинтованный, как боксерская перчатка, кулак ко рту Игоря. – Потом

наговоримся. Я поблагодарить пришел. Ты же нас бросился спасать, не испугался. Если бы не ты, если бы не Костя с ребятами вслед за тобой и не милиция, нам бы с девушками конец пришел, сил уже не оставалось.

– А кто они, девушки?

– Светловолосая – моя подруга, хотели пожениться на следующей неделе, уже заявление подали, а меня отмахали так, что теперь не знаю, как поступить. Такие фото потомкам не оставишь, а она все равно настаивает, то есть свадьбе все же быть! Вторая свободна, и она тебе знакома – Ангелина Ислямова. Ты не женат, не планируешь?

– Нет. Не планировал еще, рано.

– А сколько тебе лет?

– Девятнадцать.

– Ну, тоже ничего. Геле двадцать восемь, получается, старовата она для тебя. Просто ты ей понравился, мне невеста сказала, тайну женскую тебе выдаю.

– Ничего, я справлюсь, – Игорь попытался улыбнуться, но мимика слабо ему подчинялась, собеседник увидел только бесформенную гримасу.

– Что? Невроз?

– Что? А, понял. Не, все нормально.

– Прости, не представился, Влад, Владислав Иванов. Ангелина, Геля, рассказала мне про 23 февраля. И Костя рассказал. Раз уж ты не женат и ухаживать за тобой некому, Геля может к тебе зайти, поможет. Я смотрю, с медсестрой у тебя неприязнь. Такое бывает. Геля умеет за ранеными ухаживать, из Афганистана вернулась, военврач.

Игорь хотел что-то сказать, но Влад перебил его:

– Молчи, не разговаривай, не надо. И Гелю не стесняйся: она много чего повидала и ничем ее уже не удивить. Если

про Костю и его ребят волнуешься, то с ними все нормально, успели убежать. А на возраст Гели не смотри, она нормальная девушка, если понимаешь, о чем я. Дочка у нее осталась от мужа, но муж погиб там же, в Афганистане, в прошлом году. По национальности крымская татарка, после смерти мужа приняла православие.

Игорь думал. Подруги у него не было никогда, и кто знает, может и получится у него с Гелей Ислямовой, раз уж она напрашивается, а он сам о знакомстве с ней мечтал. Всегда что-то впервые происходит, и пусть лучше с опытной единомышленницей. Он врачом может стать, и Геля врач, и смерть, и все другое она видела.

– Пусть Геля придет. Очень жду ее. Прости, больше не...

– Игорь, ты спишь, что ли? – Влад спросил, но услышан уже не был. Игорь крепко спал, а снились ему родители, которым он представит свою невесту Гелю, лишь мельком им виденную. И возраст не стал бы проблемой, ведь мама тоже года на три старше отца.

А трупы больше не снились. И он пошел на поправку, когда ухаживать за ним начала Геля. Понравилась она Игорю, полюбил он ее. И затянуло бы время душевные раны, и знакомство с родителями состоялось бы, и свадьбу сыграли бы после выписки его в конце мая, но кто-то жестокий распорядился иначе и беда пришла с другой стороны, откуда не ждали. Родители Игоря уже получили приглашение на свадьбу какой-то родни Исмаила и Эльмиры Акаевых из Бекабада.

Приглашение в город Кувасай.

КУВАСАЙСКИЙ ИЗЛОМ

– Исмаил, ты слышал, что эти шайтаны, эта погань делает! – Рушан Иванович Титов держал в дрожащих от негодования руках неизвестно кем и когда смонтированные фотографии трупов сожженных детей. – Говорят, они утром ворвались в детский садик и поголовно вырезали всю младшую группу, а двух детей разорвали живьем!

– За что? Кто? – смуглый отец Закира аж побелел, как полотно.

– Турки, кто же еще! За что, спрашиваешь? Да за то, что вы узбеки, а мы русские, за это! Давай только свадьбу завершим и разъедемся, мне кажется, здесь тоже что-то намечается. И родню увози, если что, кого-то можно у нас в Ташкенте временно разместить.

В Кувасае к 16 мая 1989 года собралось почти поголовно семейство Акаевых, для которых это был родной город. Там жили их дедушка Шавкат с бабушкой Ирадой – родители Исмаила, жили его братья со своими семьями, был приглашен и Рушан Иванович с супругой Марией. Дело в том, что отец Игоря до перевода в Ташкент трудился на местном предприятии «Кувасайцемент», сначала мастером, потом инженером. Благодаря ему, а особенно его брату Альберту Ивановичу Исмаил с Эльмирой смогли оформить на себя хотя и старый, но отдельный дом в Бекабаде, о подобном которому они давно мечтали, – такое не забывается.

Несмотря на допущенную однажды несправедливость Эльмиры к Игорю, не пригласить Рушана с супругой на свадьбу племянника Исмаил не мог. Приглашал и Альберта, но тот убыл в Москву. Не приехал только Закир, который не мог бросить свою Аню-Инаят, бывшую уже на восьмом месяце бе-

ременности. Игорь тоже не приехал: он не окончил процедуры в госпитале, готовился к свадьбе и к сессии. Откровенно, у него начался медовый месяц, не столько сам жених, сколько невеста ждать не смогла. Зато, отпросившись со школы, приехал Шакир, четырнадцатилетний весельчак, – не хотели его брать родители, и Закир был против, но Эшкул настоял.

Отзвучали уже громкоголосые медные карнаи, разлетелись и скрылись в кармашках и ладошках детворы монеты, что щедро разбрасывали по пути свадебной процессии. Новобрачных увезли первыми, на белой «Волге», украшенной красными, синими лентами и живыми цветами. На двух новых, одинаково зеленых «ладах» вслед за молодыми уехали родители жениха и невесты. Все остальные гости с шумом загрузились в самый настоящий городской автобус, водитель которого ради свадьбы договорился со своим руководством немного изменить маршрут и время движения.

А гости прибывали, окружали автобус.

И вдруг...

Языки пламени охватили салон, и летящие сквозь огненную пелену в уже разбитые окна камни с тупым стуком запрыгали вокруг пассажиров, как раз там, где уселись Акаевы. Тук-тук... тук-тук-тук... маленькие, быстрые. От них невозможно было скрыться. Они летели и летели. Били по рукам, прикрывающим головы. Эти еще не убивали, они только травмировали, подавляли волю. Добивали уже следующие, но и те не последние. Камни все летели и летели, и не было им числа. Но камни уродовали не людей – трупы. Нападавших не было видно, их не было слышно, хотя они и не скрывались, и не молчали. Это были окружившие автобус гости. Их дикие, первобытные, нечленораздельные вопли заглушали крики и мольбы погибающих в огне.

Огонь! Он сильно жег, он быстро шел, нагревая даже воздух. Трещали волосы, испарялись глаза, тлела и обжигала тела одежда. Но лежавшие в автобусе трупы этого уже не чувствовали. Кто из живых мог, тот выбирался, царапая тела об остатки битых стекол, выпрыгивал, укрывался или падал от несущего ужас потока камней. А внутри салона был ад. Это пока не огонь, пока это горячий, очень горячий воздух. Он шел перед огнем, а огонь шел вослед, собирал останки – огонь и запах горящего мяса.

Шакир оказался в самом эпицентре, он видел родные и близкие ему лица, но не слышал их слов, он слышал крики боли и ужаса. Они неслись со всех сторон, словно камни. Эльмира в последний момент своей жизни навалилась всем телом на сына, прикрыла его, желая спасти от града камней, от сопровождавших смерть криков ужаса. Но не смогла уберечь. Испуганный мальчик и сам закричал, почувствовав бездвиженную тяжесть матери. Он вырвался, перевернул ее на спину и начал тянуть к разбитому окну...

А камни не знали жалости, им уже не было преград.

Не все спаслись из горящего автобуса. Спаслась мама Игоря, но ненадолго. Она была отравлена тем едким дымом, что окутал салон в момент его возгорания. Спасся и Шакир. Его парализованное тело обнаружил эксперт-криминалист при осмотре тронутых огнем останков. Рушан и Мария Титовы, Исмаил и Эльмира Акаевы, еще шестеро погибли или умерли от травм и отравления. Шакир остался жив. Только это был уже другой Шакир, прежний умер вместе с родителями.

Тот, кто выжил, был уже не Шакир.

ГРУППА СЕМЕНА АРОНОВА

Месяц прошел в слезах и горе. Но не только смерть старших потрясла Закира с Игорем и объединила их. Истину люди говорят, что беда одна никогда не ходит и если направилась старуха с косой среди людей погулять, то скосит всех, до кого дотянется: Аня-Инаят родила.

– Привет, Игорь. Крепишься? – понурый Закир подал широкую ладонь своему так и не состоявшемуся родственнику.

– Привет, креплюсь пока. Так бывает, когда все и сразу, как во время войны, все в один миг. Только здесь же не война! Ума не приложу. Закир, по ребенку прими мои искренние соболезнования. Бедная Аня! Она только плачет. За что? Нам даже представить невозможно горе матери!

– Я представляю, я же отец. Хотя ты прав. Я не вынашивал, не рожал, просто не осознал еще. И Аня рыдает. И Фатхулла Фаризовна. Мне сказали, что девочка родилась мертвой, я даже не видел ее до кремации. Шакиру тоже плохо, все у него болит, мимика пропала. Альберт Иванович исчез, съехал к любовнице. Все плохо, ничего хорошего не могу вспомнить.

– А сестра?

– Она ушла от меня! Я не могу понять, кто это все сделал, все о турках кричат, но какие турки, их самих побили за будь здоров. Ходят слухи – сейчас в Фергане то же самое, никакой больше информации. Ты слышал что-нибудь о виновных, нашли?

– Не слышал, Закир. От Гели знаю, что дядя Семен сегодня в Бекабад приедет, какие-то документы привезет специально для нас. И Влад с ним, и дядя Дамир. Костя не приедет, он в Минске до сентября. Думаю, реально что-то важное услышим. А по поводу Ани – хочешь, я с ней поговорю?

Закир промолчал: он этого не хотел.

Молодые люди сидели на берегу узкого арыка с быстрым течением, где раньше всегда купались гурьбой и они сами, и другие разноцветные малыши. Как же нравилось им всем в те еще, счастливые детские годы приходить сюда, цепляться за арматуру и лежать, лежать в воде, в водовороте быстрого течения. Вокруг плавающий асфальт зной, а тут спокойствие и прохлада. Игорь часами торчал на этом месте в те еще времена, когда он не знал и слов таких: узбек, русский, турок, кореец. А ведь на севере все еще была загадочная и огромная РСФСР, где не надо расшаркиваться за то, что ты русский, где можно просто быть собой и не думать о национальности. Здесь тоже так было, а теперь? Игорь посмотрел в сторону: по тротуару шла молоденькая чернявая девушка-узбечка с простенькой коляской. Раньше бы он порадовался за нее, раздел бы взглядом, а сейчас о происхождении подумал только – нерусская. А разве это важно? Закир сидит рядом – узбек, его изувеченный брат повис между жизнью и смертью – узбек. Смерть! Зайдя в автобус, даже она не разбиралась в оттенках волос и кожи, кого захотела, того и забрала!

Игорь потрогал пульсирующие виски. Он вспомнил вдруг свое пробуждение в больничной палате, вспомнил медсестру-узбечку, которая брезгливо сметала мокриц с тумбочки, бормоча что-то на тили, вспомнил свои мысли на ее счет. И вдруг на следующий день на чистом русском языке эта девушка попросила у Игоря прощения. Сама додумалась? Как же, жди! Геля рассказала, как Костя по просьбе Влада встретил вечером эту медсестру на улице, отобрал у девушки паспорт, прочитал вслух домашний адрес и вежливо попросил к утру научиться говорить с пациентом Титовым Игорем Ру-

шановичем исключительно на языке Александра Сергеевича Пушкина, великом и могучем языке науки, культуры и космоса.

– Насчет Гели я поздравляю тебя. Это официально?

– Да, официально расписались, – Игорь заулыбался. – Одна дурочка начала при регистрации перечислять, кому из нас когда и сколько будет. Мне двадцать, жене тридцать. Мне тридцать, жене сорок. Да мне наплевать, что она старше, я люблю и ее, и ее возраст. А будет ли мне самому эти тридцать, не знаю, не заглядываю так далеко.

– Далекое не заглядываешь? Ты серьезно?

– Конечно. Будущее никто не знает. Я пока за родителей отомщу. Меня ведь буквально с ножом Влад подмял на днях, не дал в Ташкенте одного черного... прости, Закир, одного узбека в белой рубашке зарезать, следил за мной, наверное, вовремя подоспел. Сам знаю, что свихнулся я. Хорошо, что Геля поддерживает, только очень просила виновных наказать, а не абы кого, а как распознать виновных?

– Я тоже не знаю, с чего начать.

– А вот Геля знала. Она за мужа своего в одиночку отомстила тем, кто предал его. Тем, кто в плен с ним, раненым, попал и продал. Его там пытали и убили, а их почему-то отпустили, и они вернулись. Говорили, что он был татарин, но в плену отказался считать себя их единоверцем. Вот она и отомстила. Укол вколола, обездвигила, животы вспорола и кишки вынула. Только убивала не она, ей помог кто-то. А ведь у нее ни родителей, ни мужа, ни жилья, ни денег, ни работы тогда не было, лишь дочка на руках. Но не побоялась, выпустила им кишки!

– Знаешь, я что-то такое слышал.

– Вот именно, она смогла – и я смогу!

– С женой твоей я не знаком, но знаю о ней, мне Аня рассказывала, боялась она Гелю твою и до сих пор боится. По-знакомишь?

– Да, сегодня же.

– А я буду мстить не за родителей, а за брата, за Шакира. Ты бы видел его сейчас, он совсем другим стал.

Ребята замолчали, погрузившись в свои мысли. Ждать долго не пришлось. На горкомовской «Волге» подъехали дядя Семен с Дамиром Ризвановичем, как всегда спокойные, улыбочивые, будто с плаката о дружбе народов сошедшие: русский и узбек – дружбу крепи навек! Поехали на квартиру мамы Саши Михайлова. Оказывается, дядя Семен и Влад со вчерашнего вечера уже в Бекабаде были, итоги подводили: с кем-то встречались, что-то с дядей Дамиром обсуждали, что-то готовили, к чему-то готовились, что-то улаживали и уладили, пользуясь своими формальными и неформальными полномочиями. Ведь для местных жителей страшные события остались почти незамеченными, городской комитет и партия Ленина-Брежнева-Рашидова не потеряли актуальности в этом спокойном патриархальном мире.

– Ну-с, господа, – начал дядя Семен. – До меня дошли слухи о ваших намерениях. Сразу скажу, не очень хорошие намерения, если делать все без подготовки. Боюсь, что дров наломаете и сгинете. Игорь?

– Слушаю, дядя Семен.

– Попрактиковаться решил?

– Простите, сам не знаю, что на меня напустило. Шел, и непонятно вдруг стало: эти черные штаны, эти белые рубахи...

– Как у тебя голова?

– Нормально, жить буду.

– Займемся тобой через несколько дней. А пока не делай глупости, просто послушайте и посмотрите. И еще. Каждое свое слово я буду подтверждать документом, не оригиналом, конечно, а копией. Но кое-что будет в оригинале. Видео и фото. Видели такое? – Семен Михайлович указал на телевизор с какой-то приставкой и плоскую коробочку.

– Нет, – молодые люди переглянулись.

– Ну, юноши мои, вы отстали от жизни. Это видеомагнитофон, а это – видеокассета. Телевизор представлять не надо? Нет. Ну хорошо. Звуча не будет, но здесь много чего видно, даже без слов все понятно. Посмотрим для начала, а потом уже поговорим.

Конечно, Игорь и Закир слышали про видеосалоны. Просто не посещали ни разу. И даже свободный от уз брака Костя охладел к этим душным помещениям после просмотра первого низкопробного фильма. Отсутствием денег парировал он обычные приглашения подруг, но за них самих готов был платить и безропотно платил по рублю, но в основном по два, с учетом интимной тематики. А потом приглашал очередную любительницу клубнички к себе домой, закрывался с ней в комнате, полностью раздевал, сажал в таком виде перед собой, и та долго, краснея под его пристальным взглядом, подробно рассказывала просмотренный сюжет с вольным таким, не совсем советским подтекстом. Костя внимательно слушал, поглаживая и даже обнюхивая рассказчицу, и всегда интересовался нюансами, он был очень дотошен до нюансов, как и все, кто работал с дядей Семеном.

Что касается Влада, тот был практик, но не созерцатель. Он привез собственную аппаратуру, приобретенную с разрешения шефа исключительно для работы, и не опускался до

просмотра обычных кассет, – берег какие-то головки. И сейчас с увлечением налаживал японскую технику.

– Это монтаж с разных ракурсов! – наконец объявил Влад, когда потрескивания сменились картинкой, звука не было.

– Смотрите, это вид со стороны толпы на автобус, – Семен Михайлович указал на экран. – Нападавшие видны лишь со спины, однако есть момент, когда поджигателя можно разглядеть в лицо.

Ребята увидели автобус, заходящих в него весело смеющихся людей, своих родителей, Шакира, дядей с их женами и сыновьями. Вот автобус тронулся с места, и тут же вспышка. Яркая, безмолвная, на мгновение затмившая экран, все очень просто и буднично. И поджигателя Закир увидел. Он узнал этого парня и ткнул пальцем в экран, не мог только вспомнить, как зовут. Но узнал, видел недавно, даже смеялся над каким-то его анекдотом. В тот же момент в кадре кто-то начал выпрыгивать из окон, крики жертв не были слышны, и Аронов нажал кнопку паузы.

– Голосов не слышно, но в толпе кричали по-узбекски, – пояснил он. – Только не делайте выводов, пока не досмотрите все до конца и пока не изучите документы. Я гарантирую, что верховодил там не узбек. Вы же хотите виновных найти?

– Да, именно виновных, – ответил за двоих Игорь.

– Ищите тех, кому выгодно. Из массовки двух активных дурачков задержали, но не тех задержали. И даже если их потом расстреляют, они все равно не те и не виновны. А тех, кто вам нужен, не задержали и не задержат. Вот мы и сделаем с вами потом то, что не сделала и не сделает наша милиция, – сказал Семен Михайлович и возобновил показ тех же самых событий, но уже со стороны автобуса на толпу.

Пассажиров теперь было плохо видно, но лица толпы, лица нападавших стали видны получше; и вот пошло укрупнение...

– Стоп! Эшкул, – вскрикнул Закир. – Муаллим!

Игорь даже не понял, что означают эти узбекские слова, но догадался, что Закир увидел и опознал второго своего знакомого.

– Да, Закир, это он. А приглядишься – рядом с ним, – в тот же момент Семен Михайлович перемотал пленку немного назад и вновь запустил запись.

Закир очень внимательно смотрел на экран.

– Семен Михайлович, это Эшкул, и он видел, как мой брат и мои родители входят в автобус. Я точно знаю, что именно он настоял на поездке Шакира в Кувасай.

– Да. Он и видел, и настоял, так получается. Запомним это. А теперь давайте закончим просмотр и перейдем к обещанным документам. Может, мы найдем ответ, почему он видел и настоял. И почему основная масса камней летела в ту часть автобуса, где находились твои родители с братом. Прости, Закир, тебе тяжело это слышать, но Эльмира была любовницей Эшкула, а Исмаил закрывал на это глаза.

– Я знаю, мне Шакир рассказал.

Семен Михайлович открыл свой портфель и извлек из него несколько фотографий, выкладывая их для обозрения поочередно.

– Просмотренных нами видео нет ни в милиции, ни в прокуратуре. А фотографии есть, мы им предоставили. Это крупным планом вся толпа. Это поджигатель, его лицо прекрасно видно. Это руководитель. Никого более значимого и умного, чем Эшкул, в толпе нет, а самые активные – это так называемые ученики, связанные дисциплиной и его авторитетом

деревенские и городские ребята. А горячий коктейль кинул вот он!

Закир изучил фото и вновь видеозапись. Точно, Алишер Бахоров.

– Похож? – Семен Михайлович посерьезнел. – Вот-вот. Это для тебя он похож, для меня похож, а для милиции и прокурора не похож. Его тоже отпустили. Всех учеников отпустили первыми, прямо там, на месте. А теперь смотри еще: вот копия ордера на ваш бывший дом. На чье имя?

– Абдулла Баят-оглы Аббасов. Я не знаю такого!

– Закир, а тебе не показалось странным имя Эшкул Муаллим? На русский перевести не пытался?

– Нет, как-то в голову не приходило, не задумывался об этом. Раб Божий и учитель, что-то в таком роде, если на русский перевести.

– Правильно. Нарочито благозвучно, почти блаженно, они это любят. А реальность прозаичней. Он гражданин родом из Азербайджанской ССР, и зовут его Аббасов Абдулла Баятович, или Баят-оглы, отчество свое он традиционным заменил. Владеет, кроме азербайджанского и турецкого, русским, украинским, персидским и таджикским, арабским, а теперь и узбекским языками. Читает на английском и французском, учит казанский диалект.

– Полиглот. Умник хренов, – вставил Дамир, доселе молчавший.

– Да, Дамир Ризванович, полиглот и умник. Но еще владеет приемами самбо и карате. Поясов и прочего нет, но мастерски владеет. Доски кулаками ломает, стволы деревьев. И что интересно, самоучка во всем! Талант в своем роде, самородок. Жаль, мимо нас прошел.

– Дядя Семен, Эшкул всегда при деньгах был, – дополнил Закир.

– Да, деньги он получал из-за рубежа. Турки снабжали. По рождению шиит, есть такая разновидность ислама, но перед переездом сюда стал суннитом, как верующие узбеки и таджики. В прошлом был комсомольцем.

– А почему он так жесток? – спросил Игорь.

– Не могу сказать, что он жесток. Наоборот. Одно время я думал даже, что с ним можно договориться. Но ошибся. Слишком оказался зависим от турецких спонсоров, сильную крышу в верхах имел и имеет, но вряд ли сам стал инициатором откровенно кровавого побоища. Просто получил указание и заодно воспользовался случаем. В его воле было остановить твоих родителей и брата, но он сделал так, чтобы все зарегистрированные в вашем доме оказались в одном месте и в одно время. Здесь не все записи. Есть доказательства, что Аббасов вел толпу с автострасы именно к свадебному автобусу, хотя полно было и других мест по пути. Кстати, Абдулла рано воспользовался вашим домом.

– Есть шанс отбить?

– Да, Закир. Шакир жив, а его сняли с учета в связи со смертью и зарегистрировали того, кто называл себя вашим учителем. Но не волнуйтесь, восстановим дом за вами. Только попозже. Вот копия паспорта Абдуллы Баят-оглы с фотографией. Вот копии с паспортов его жен. Официально они не расписаны, просто живут вместе согласно нормам религии. Обе жены азербайджанки, шиитки, что значит: не порвал Абдулла со своей религией или ему в принципе наплевать на нюансы.

– А дети у него есть?

– Детей нет, но теперь уже не будет, слишком поздно, – Семен Михайлович внимательно посмотрел на ребят, в какой

уже раз за сегодня. – Что делать хотите? Говорите, только по очереди. Игорь, ты первый начни.

– Я считаю...

– Подожди. Ответь мне на такой вопрос. Вот тебе сейчас двадцать лет от роду. А что с тобой было, скажем, двадцать один год назад. Ты помнишь?

– Нет, в учебниках читал, – Игорь даже засмеялся от странного вопроса Семена Михайловича, и Закир повеселел.

– Нет, не учебники. Я именно тебя спросил. Что лично ты помнишь из того, что было до твоего рождения?

– Ничего, меня же не было еще.

– Ничего? Правильно. Так вот, после смерти ты опять ничего не будешь помнить. Вот и все. В этом и смысл. Тебя когда-то не было и когда-то не будет, понимаешь, что я хочу сказать?

– Не совсем, Семен Михайлович.

– Хорошо. Иначе скажу. Ты убил две мокрицы в больнице? Зачем ты это сделал? Ты получил от этого садистское удовольствие?

– Нет, просто убил.

– Просто убил. А если бы ты взял зажигалку и перед тем, как убить, начал бы тех мокриц поджаривать? Получил бы ты от этого удовольствие? Живых поджаривать, я это имею в виду, с целью умертвить потом.

– Нет, даже не думал о таком!

– Семен Михайлович, это мои родители об Игоре слухи пускали, рассказывали страшилки Шакиру, чтобы тот с Титовыми перестал общаться. Игорь, помнишь голубя?

– Дядя Семен, вы про рассказы Эльмиры?

– Ни в коем случае. Я о твоем последующем поведении и мыслях. Так почему ты, Игорь Рушанович Титов, считаешь

себя вправе причинять людям болезненную смерть? Смерть – она и есть смерть, это уже наказание, это сама по себе кара. Зачем издеваться над уже приговоренным? Прости, я знаю о том, что ты знаешь, и о том, что ты думаешь.

Игорь и Закир переглянулись.

– Не переглядывайтесь. Никто из вас мне не докладывал. Я обязан знать мысли каждого из вас, и это знание во благо, а не во вред. Если ты, Игорь, хочешь отомстить, хочешь помочь обществу, то мсти! Это незаконно, но это твое право в такой ситуации. Мсти виновным в смерти твоих родителей. Мсти виновным в таком состоянии Шакира, совсем мальчика, которому испортили, перечеркнули жизнь. Мсти за волнения Ани, которые...

Семен Михайлович замолчал.

– Мсти за своего друга Закира, в конце концов. Мсти и помни: если эти гады останутся живы, сколько бед они еще натворят!

– Я понял.

– Нет, пока не понял. Месть не должна быть показательной и не должна вызывать у тебя эмоций. Ты еще здесь нужен, а не там. – Семен Михайлович сложил пальцы в решетку. – Понимаешь?

– Да.

– И месть не должна разрушать тебя. Ты нужен своей жене морально здоровым человеком. Геля тоже прошла через такое. Она отомстила, но не тем. Вспомни о двух невинных мокрицах, ты их убил, ты лишил их жизнью без причины!

– Я понял.

– Хорошо. Все, ребята, смотрите в будущее, конец близок, и страна наша не сохранится. Скоро мы с вами останемся один на один с местными, и никто в ближайшие лет десять

нам не поможет. Рисковать, в тюрьму идти именно сейчас просто глупо. Не позволю совершать глупости, уж простите! Время не то!

– Семен Михайлович, а если уехать?

– Может быть, может и уехать Закир. Но не все сразу и не сейчас. Уверен, что Дамир Ризванович с Эдемом точно никуда не поедут. России пока не до нас. В Узбекистане нынешние товарищи переродятся в нейтральную партию с новым названием и останутся у власти в том же составе. Они и будут нас защищать, им это выгодно. А нацисты скоро кончатся в прямом смысле, как только нужный человек у власти встанет.

Семен Михайлович сделал паузу и о чем-то думал с минуту.

– Игорь, тебе узбекский язык придется учить. Легкий язык. Геля его знает, сестры твои тоже. Даже я освоил за два года. И ты учи. А диссиденты всегда были. В психиатрических лечебницах контингент еще не перевелся, но и мест там вдоволь. Уверен, их скоро смоят в унитаз истории. Ну, теперь о деле: учитель Эшкул – террорист и деньги получает из своих источников, он не диссидент и не товарищ, он представитель третьей силы, очень опасной. Но вы, ребята, с ним не справитесь. Он физически сильнее вас и даже мне не по зубам, не вхож я в эту кухню, – пусть им займутся другие.

– А мы?

– А вы займитесь Алишером Бахоровым. Он убийца. Самый страшный тип убийцы. Он шел убивать из подлости, чтобы выслужиться. Но только одно условие. Жесткое условие. Вы все будете делать только по моему указанию, в указанное мной же время. А учителя и жен его мы сами, без вас.

– Я не понимаю, – Закир даже привстал.

– Так надо! Ты семейные дела пока наладь.

– Нет у меня семейных дел, дядя Семен. Аня со мной рассталась.

– Через силу рассталась. Я знаю, что она любила тебя еще со школы, но так получилось, и дело не в ребенке, дело в ее заболевании. С тобой сегодня переговорит ее дядя Иосиф, и ты согласишься на их предложение, Аня будет довольна, именно она попросила меня передать тебе эти слова.

– Но мы с Игорем здесь по другому вопросу.

– Настаиваете?

– Да.

– Тогда хорошо, Дамир вам сообщит, когда и куда. Но еще раз повторяю: к Абдулле не суйтесь, к Алишеру пока тоже. Если тронуть Алишера, то Эшкул скроется. А пока вот он здесь живет и спокоен за себя. Я знаю и без вас, что тянуть нельзя, но это вопрос всего двух дней. Еще кое-кто подъедет из Москвы, и мы сами все сделаем, но Алишера оставим вам. И он, и другие ученики умрут тогда, когда Эшкул будет уже в наших руках и под нашим контролем. Вы с Владом поедете. Нож я вам передам через него, своим оружием не пользуйтесь, даже если оно у вас будет. Хорошо?

– Вы нас спрашиваете? Конечно, хорошо!

– Будьте оба в городе, из домов не выходите. Игорь, ты здесь живи, в этой квартире. Продуктов полно. Загляни в холодильник и вообще, на кухне поищи, Геля к тебе сегодня же придет, прерванный медовый месяц продолжите и, если детей запланировали...

– Хорошо! – засмеялся Игорь.

– Кстати, ты с женой поговори. Пусть Геля тебе расскажет, как у нее все проходило с теми двумя узбеками и что потом нам пришлось делать после нее. Не уподобляйся. Твою жену можно понять в той ситуации, а тебя нет.

– Хорошо. Если сама расскажет.

– Расскажет, обязательно всю правду расскажет, ты обязан знать. А ты, Закир, в служебной квартире поживешь с новой женой. После нашего отъезда тут пока останешься, при Дамире, а главное – при Шакире.

– Шутите? С какой женой!

– Нет, не шучу, ее тебе Аня выбрала. Это ее двоюродная сестра Ира Титова, или Арина по паспорту, официально, но обычно Ирой зовут. Никто тебя не заставляет, только не надо отказываться. Ира в таком же положении, как и ты, как и Аня. Пожалей ее. Она свой человек и вы общий язык найдете, тем более что ревновать она тебя не будет, да и с Игорем породнитесь. Они же тоже родственники. Не так много родственников у нас осталось. Жизнь опасна, пусть после вас след останется. И тоже, займись детьми. Дочка родится – Аней назовете, а сына Костиком.

– Но почему все так плохо, дядя Семен?

– Это самое лучшее, что может быть. Мой тебе совет: соглашайся. Ты еще Иру не видел. А я видел. Ей пока 17 лет, но Дамир гарантирует, что брак регистрируют без проблем.

– И ревновать не будет?

– Я в общих чертах тебе рассказал. Думаешь, я намерен в ваши личные дела лезть? Игоря с его мыслями подправил, ваши планы насчет Эшкула подкорректировал, просьбу Ани предал. А вот остальное – это увольте, это вы сами. Все, по коням!

– Закир с Гелей познакомиться хотел, можно?

– Можно, Игорь, но когда все закончится.

Через сутки все закончилось. Каждый исполнил свое предназначение, и никто из посторонних ничего не заметил. Игорь казался спокойным, даже умиротворенным. Закир тоже не

С. Нестёркин.

Ниже чем дно. Книга 1. «Мизантропы»

нервничал. Все оказалось куда проще, чем он думал. Он сразу же оформил брак с Ирой Титовой, по паспорту ставшей Ариной Акаевой, и остался с женой и братом в Бекабаде, в бывшем родительском доме. И только Аня-Инаят с Фатхуллой Фаризовной исчезли.

А на стене колумбария табличка появилась:

«Асмира Акаева, 19-V-1989».

СМУТНАЯ СВОБОДА

Распрощавшись со школой, я подал документы и в июле 1989 года сдал экзамены в МЮИ. За пределами же моего бытия все шло к концу, и еще несколько республик объявили свои суверенитеты. Генеральный секретарь, с чернилами залитым лбом и с рассеянным взглядом, что-то пытался сказать своим южным говорком по телевизору, но слушать его было противно: все равно что китайская кукла, по головке бух – она и закивает. Но зато я понял тогда, что означает выражение: «политический труп».

Родители уже давно все поняли и политикой не интересовались. Они тратили с трудом заработанные рубли на покупку валюты. Рисковали, но покупали через дядю Равиля доллары США по восемь с половиной рублей за штуку, а питались мы и жили на рублевые остатки. Впрочем, купить на эти остатки, кроме самой простой еды, в то время было нечего, но это больше родителей моих волновало, а лично я выполнял данное бабушке обещание и совершенствовал слесарные навыки. Когда отец оценил мои способности, то пригласил к себе в кооператив и предоставил отличный набор запирающих устройств для их изучения и тренировок. А по ходу дела я рассказал

ему о вскрытии двери учительской комнаты в школе, умолчав только о поведении Жанны и о том, чем повадилась она со мной заниматься после уроков.

Выслушав, ничего нового мне папа не сказал.

– Сын, ты не вор. Входить в чужие помещения можешь только по воле хозяев и только по письменному договору с ними, я уже говорил об этом, вот ответ мне, сколько психопатов на свете?

– Не знаю.

– Этого никто не знает. Но они спровоцируют твои действия и, как только ты вскрыешь квартиру, ее обворуют, а отвечать тебе. Ты и соучастник, ты и исполнитель – тебе и главный кнут. Не бойся, но опасайся таких. Нет бумажки – нет работы. Чем больше бумаги, тем чище что? Правильно, она и чище. Это главное и единственное правило!

Так я начал работать в мастерской отца.

Знакомые конструкции вскрывал легко, над иными пришлось возиться долго, и мне разрешили брать их домой. Познакомился с принципами врезных, навесных и накладных замков. Были в мастерской импортные замки с разными штифтами, с сюрпризами, с нестандартно обработанными отверстиями. И очень мне нравились мощные, чугунных оттенков накладные сувальдные замки. Но вне зависимости от сложности результат был один: замки я рано или поздно открывал и доводил полученный результат до автоматизма. Много замков, и у каждого свои особенности. Их надо было учиться распознавать и использовать. Трудно пояснить на словах, это надо ощутить своими руками, кончиками пальцев через отмычку и рычажок.

А еще я бегал и атлетизмом занимался. В качклубе упорно занимал второе место по традиционным силовым дисципли-

нам и, если бы не был таким угрюмым, давно заметил бы внимание девушек к своей персоне, однако помнил пророчество бабушки о «русской из Туркестана», «очень красивой и очень несчастной», к тому же «постарше меня и с сединой в волосах». Но прикипевшие к клубу любительницы потных мужских тел на такое описание похожи не были: не там искал, а где это «там» находится, бабушка не сказала.

От ветра перемен в стране я был далек. Августовский путч 1991 года мимо прошел, я даже не понял, что там у них стряслось, у кого руки дрожали и что кто хотел, – все было безразлично.

Два года потребовалось после школы, чтобы привыкнуть к царящей в МЮИ атмосфере беспечной свободы, какая только и возможна во времена озабоченности власти переделом той самой власти. И понравилась мне такая свобода! Понравилось и здание института: просторное, симметричное, с широкими окнами и просто красивое. Даже не верилось, что возведен этот дворец был всего лишь под реальное училище, то есть под школу с углубленным изучением математики и естественных наук!

Глядел я на строгую архитектуру и представлял, как до революции по коридорам тут школяры бегали. Может, и дед учился здесь, «в Кудрино», о котором говорила бабушка. А после революции железные и негибаемые слушатели курсов марксизма-ленинизма штаны дорогого сукна протирали. Но если верить окающим на экране головам, судьба оных печальна: многих из них расстреляли за шпионаж по приказу т. Сталина; а кого не расстреляли за шпионаж, те погибли на войне, защищая Родину по приказу т. Сталина; а кто выжил – те сейчас выступают и за самого т. Сталина, и за продолжение его дела! Заколдованный круг получился. А я о другом думал:

ведь теперь в этом здании овладеваем логикой законов мы: будущие прокуроры, следователи, судьи, нотариусы и адвокаты новой России, интересно стало, что про нас потомки говорящих голов скажут, кого в нашей судьбе винить будут, если т. Сталина уже нет?

Я включил телевизор и моментально получил прямой ответ: вся вина в наследии т. Сталина – он виноват будет! Одним словом, мы с отцом сделали кому-то подарок, вынесли телевизор на помойку, и жизнь наша сразу стала куда спокойнее: меньше знаешь, крепче спишь! – так умные люди говорили всегда, отец так считал, и я с ним соглашался.

А жизнь в институте текла своим чередом. После отъезда новоявленных граждан бывших союзных, а теперь уже суверенных республик на новые свои исторические анклав группы у нас осталась небольшой и дружной, все были едины в своих порывах, только я выделялся. Другие студенты в эти исторические дни прогуливали лекции, ходили в кинотеатры с пивом, вином и девушками на просмотры откровенной порнографии, которую совсем недавно крутили лишь в тесных видеосалонах с оглядкой на милицию. Мои однокурсники посещали плодящиеся, словно кролики, питейные бары и дискотеки, с жаром рассказывали о ставших вдруг доступными интеллигентных женщинах всех возрастов... а перед сессиями переписывали мои конспекты. Девушкам нашим я это разрешал. Нравились мне начесы на их головах, модная кожа с клепками на их грудях и обтягивающие ягодицы джинсы – не мог отказать.

Они переписывали, а я зубрил все, что нам преподавали.

Изменения в стране проходили мимо.

ФИКТИВНЫЙ БРАК

Инаят Акаева вновь стала Аней Титовой. Но не помогло, не могла она от мыслей о собственной никчемности избавиться. Аня понимала, что не сможет быть матерью и больна без надежды на выздоровление. А раз так, она не сможет быть женой: никто ее не полюбит. Тогда какой смысл оставаться в этом патриархальном царстве, где семья занимает главное место в жизни любой женщины? Детство и даже юность остались в прошлом. Аня прекрасно помнила тех вульгарных, соблазнительно красивых в своей наготе, нарочито веселых и беззаботных девушек, с которыми столкнулась в сауне в свои пятнадцать лет. Помнила собственный вывод о роли этих несчастных в том обществе. И вот пришло время, когда и на нее будут глядеть так же: будут приглашать, использовать и выпроваживать, а ее место будет занимать очередная юная красавица.

15 сентября 1989 года к Ане должен был заехать дядя Семен, который даже не постарел внешне после их первой встречи, он уже давно заменил ей отца, только отца – и это был его выбор. По многим вопросам Аня ждала совета именно от товарища Аронова, как мысленно девушка называла его, и всегда получала желанный совет: грамотный, взвешенный, выполнимый и своевременный. Так и в этот раз – ждала его с нетерпением, это был единственный мужчина, которого она хотела сейчас видеть. Не зная точного времени приезда, Аня весь день не покидала служебную квартиру. Она ждала и дождалась. Пусть поздно вечером, но дядя Семен приехал, как всегда, уверенный, опрятный, спортивный.

– Привет, Анечка. Ты осталась со своим мнением?

– Да, дядя Семен, я так решила. Не могу больше здесь находиться, тошно мне, жить не хочется. Ну моя-то в чем вина?

Что я такое сделала? Все против меня, ни просвета, ни надежды! Но я ее не отдам!

– Закир не знает ничего?

– Нет, не знает. Родители ему не сказали, я тоже не сказала. Зачем ему знать? В колумбарии все оформили, как вы сказали. Дядя Семен, а после моего отъезда вы можете сделать так, чтобы мою маму с дочкой никто не нашел, я потом сама перевезу их в Москву.

– Я понимаю тебя. Да, сделаю так, Фатхулла с Асмирочкой в Ташкенте будет жить, в трехкомнатной квартире, где жили родители Кости. Они сейчас все в Минск переехали, я попросил Костю там **остаться** и начать осваиваться, так что квартира за вами **официально по** регистрации, и слушай внимательно: пока **единственное, что я могу для тебя сделать, чем могу помочь, – так это выдать** замуж.

– Замуж? – **потеряв контроль над собой**, вскрикнула Аня. – Опять?

– Замуж. И что **значит** «опять». За Закира я тебя замуж не выдавал. **Помнишь, как мы с тобой в кабинете директора** вашей школы беседовали в первый раз? Так и сейчас: я говорю с тобой прямо. Не волнуйся, это будет фиктивный брак с твоей стороны и твой мужчина об этом знает. Никаких действий от тебя не потребуется, от него действия тоже не будут исходить. Но не потребуется без твоего желания, все-таки тебе уже не пятнадцать лет, ты сама знаешь, что тебе можно, что нельзя...

– И за кого? – густо покраснела Аня. – Кто согласится на это? Да еще фиктивно, да еще на больной?

– Насчет болезни не наговаривай. И тем более не красней. Есть такой человек. Я у него уже побывал, и теперь он ждет твоего сигнала, в смысле согласия, желания фиктивно выйти

замуж. Решать только тебе, а я пока могу немного рассказать о нем. Рассказать?

– Да, пожалуйста. Расскажите. Чай готов, давайте его тут, в комнате, выпьем, на кухне не так уютно. Я принесу.

– Неси, очень хорошо, если зеленый будет, спасибо, – и продолжил, дождавшись возвращения Ани с кухни. – Ну-с, с чего начать?

– Подождите, дядя Семен. Можно вопрос? Один-единственный. Я давно хотела вас спросить: почему вы всем нам помогаете? Мне, Игорю и Геле, Закиру и Ире, дяде Дамиру и Эдему, Косте и Владу и многим другим, зачем?

– Я могу не отвечать, Анечка?

– Нет, не можете. Я очень прошу ответить.

– Хорошо. Я отвечу, а ты не переспрашивай, уточняющие вопросы не задавай. Договорились? Отвечаю. Аня, на мне есть очень, очень большой грех, искупить который не удастся. Это мой ответ, который ты вряд ли пока поняла. Теперь можно про сватовство?

– Да, простите меня.

– Зовут его Лунев Иван Аркадьевич, тридцатого года рождения. Давно разведен, дети есть, но связь с ними утрачена. По советским меркам, это достаточно обеспеченный товарищ. В Москве у него добротная квартира, как раз напротив немецкого кладбища. Прописан он один. Но есть несколько моментов: у Ивана два года назад диагностирована онкология и врачи ему лет пять отвели, осталось три.

– Он ваш коллега?

– Нет, он не был моим коллегой, скорее наоборот, он был вором. Просто в силу ряда причин оставил свое ремесло и помог мне. А взамен я оставил ему все несправедно им нажитое, честно жить тоже на что-то надо. Вот такие дела. И сейчас

Иван согласился помочь не под давлением, не в силу своей благодарности. Он знает, что умрет, а хоронить его некому, так получилось. Он тебе квартиру, ты ему могилу. И это единственная его просьба к тебе.

– Вот даже как! А о моем состоянии он знает?

– Анечка, я ему рассказал. Это тебе кажется, что ты одна болеешь. Ну, еще Гай Юлий Цезарь, Иван Грозный, сын его Дмитрий Иванович и Петр Великий разве что. На самом деле не ты одна. Его мама страдала тем же, но прожила долгую жизнь и умерла в восемьдесят пять лет от гриппа. Понимаешь? От гриппа. А родила как минимум его, Ивана, вполне себе здорового. Как не ее вина. Это он сейчас не курит, а раньше как паровоз дымил и не только. Так что Иван Аркадьевич знает, как реагировать на твою болезнь, будешь в надежных руках. Ты меня видишь?

– Вижу! – конечно, Аня удивилась такому вопросу. Но она знала и привыкла к тому, что дядя Семен каждый вопрос обдумывает и просто так с темы на тему не скачет.

– Вот и смотри, Анечка. Внешне Иван сильно похож на меня, даже сложением, только постарше лет на десять и более сухой. А вот, посмотри, его фото. Возьми... – девушка взяла фотографию мужчины, действительно чем-то похожего на Семена Михайловича, а тот продолжал. – Он несчастен, ты сейчас несчастна, и кто знает, может вы найдете друг друга. Ты постарайся своей добротой ему скрасить жизнь, он неплохой человек, помню, как отмычкой виртуозно владел, любой замок мог вскрыть!

– Хорошего вы мне мужа нашли, дядя Семен.

– Не улыбайся. Сейчас время наступает сложное, попомни мои слова, через два года максимум страны не будет. И лучше сейчас о будущем гражданстве подумать, я имею в виду

гражданство России. Наверное, его по прописке будут давать. Так что пропишись, пережди текущее время, а с Иваном это легче сделать.

– Вы думаете, все рухнет?

– Не думаю, а уверен. Вон, посмотри на Каракалпакию. Хотят союзной республикой стать. Узбекикам этого точно не надо. А в России таких желающих пруд пруди. Рухнет, даже не сомневаюсь. Сам я пока не могу уехать. Но на дорогу тебе денег дам, швейцарские франки, десять тысяч. Плюс все твоё золото, что с 1981 года покупалось, – оно все за тобой так и числится, ни грамма не пропало. И у Ивана деньги есть. Тоже золото, и, должно быть, много ещё осталось, не меньше твоего. Это он последнее время закутил, начал по стране на поездах кататься: купе снимает и едет, как в гостиничном номере. Не пропадете. А не найдете друг друга, в смысле не сойдётеесь характерами – тогда ты квартиру получишь, а он – могилу. Иван к этому готов и в тягость тебе не будет. Согласна?

– Да, согласна. Но, дядя Семен. Если вы хотите материально помочь, передайте франки моей маме, ей нужнее.

– Анечка, уже передал, двадцать тысяч франков, не лично, а через Дамира. Ты просто не в курсе, попозже мама тебе расскажет.

– Спасибо!

– Молодец ты, Анечка. Знаю, предлагали Асмирочку оставить в больнице и просто забыть о ней. Верно ты поступила, и мама твоя добрее оказалась, чем даже я о ней думал. Поверь мне, Фатхулла ни работать, ни нуждаться не будет, за нее вообще не волнуйся. Но тратить валюту не торопись: для трат у тебя рубли есть. То же Дамир и маме твоей скажет, деньги от твоего имени, имей в виду.

– Но откуда у меня такие деньги, да еще франки?

- Твоя мама об этом не спросит.
- А у дяди Дамира как дела?
- Ты в Ташкенте живешь и не знаешь. А Дамир избавился от головной боли в Бекабаде. Жил там один человек, очень умный, специалист по религиозным течениям, кружок единомышленников вокруг себя собрал...
- Эшкул Муаллим? – перебив, догадалась Аня.
- Да, Анечка. Эшкул Муаллим. Но ты забудь все.
- Совсем все забыть?
- Все забыть невозможно. Просто не проявляй эмоций, – улыбнулся дядя Семен. – Готова ехать прямо сейчас в Москву?
- Всегда готова, – по-старинке вздернула руку Аня и засмеялась.

ДУША ТОВАРИЩА АРОНОВА

К началу 1991 года советская власть совсем схлопнулась, новой не появилось, но социальные гарантии, те самые «завоевания Октября», никто не отменил: как предоставляли жилье очередникам, так и продолжали предоставлять. Только очереди пошли словно в притче известной: «Так будут последние первыми, и первые последними, ибо много званных, а мало избранных». Вот товарищ Аронов и делал последних первыми, вычленять умел из званных избранных и ответственных товарищей в том убеждал.

И взятки давал без счета. А рубли советские, с исторических счетов уже списанные, все еще ходили по стране. И в Ташкенте, и в Бекабаде, и в Ленинграде, и в Минске, и в Москве брали те бумажки, пока с 23 по 25 января 1991 года правительство

реформу денежную не провело, быстро и жестко. Все бы ничего, и новые рубли заработали бы, да только комитет родной реформировался, рушился. Исчезали документы и целые дела из секретных помещений. Бесследно исчезали сами люди. Не до страны всем вдруг стало, будто специально решили разрушить самую мощную цементирующую государство структуру – и рушили. Изощренно и самозабвенно.

Понимал это Семен Михайлович, в драку не полез, товарищей старых на новых и прытких не поменял. Пустословов не слушал, в отставку ушел до распада, на партийный учет не встал. Дамир тоже по образу его и подобию стал свободен, и Аня из комсомола вышла чистой, не осталось в архивах Узбекской ССР следов ее сотрудничества с уходящей эпохой. Влад с Эдемом, и Костя с Игорем, и иже с ними тоже без шлейфа ушли: порвали с прошлым, затаили политические предпочтения на будущее.

После отставки жил товарищ Аронов вполне себе автономно, но связи с сослуживцами не терял. С понижением, но коллеги его держались на службе, а Семен Михайлович, как курьер между всеми, как звено связующее, ездил, деньги заработанные возил, никого не забывал, куда бы ни кинули каждого, в какую бы ни запихнули их дыру дорвавшиеся до власти люди нового председателя. Со службы гнали, но прогнать не смогли и тогда из Москвы всех выслали в места наиболее отдаленные, зарплату урезали, но терпели калачи тертые, затаились, держались, надеялись. И семьи их держались. Куда мужей послали, туда избалованные достатком жены за ними шли, как жены декабристов, нехотя, со скандалами, но шли.

Лишь одного супруга бросила. Того самого полковника Юрия Мизалевича, ангела-хранителя Семена Аронова и Дамира Ибрагимова. Того единственного, кто им поверил,

кто перед начальством под личную ответственность настоял и шанс им дал в 1981 году. А ведь списали тогда друзей после провала, когда вместе с радикально сокрытым от Министерства обороны товаром дети погибли, сорок детей в сопредельном государстве, а сам полковник Аронов с ангелами побеседовал, никого не сдав под наркозом... а ведь спрашивали!

Так вот предала молодая красавица мужа опального. На развод подала и несовершеннолетнего переростка, шептунного Лешу Мизалевича, бытом московским уже испорченного, за собой потянула. Но трехкомнатную квартиру на Кутузовском проспекте спасла, **только** воспользоваться ею не успела. Горло ей перерезал **неизвестный** мужчина до самых позвонков, на пороге **отсуженных** метров квадратных. Сперва следствие на мужа подумало, **но у** того алиби железное: службу в день убийства нес в **пяти с половиной** тысячах километрах от места преступления, **на берегу** великой реки. Да и телосложением муж помельче **неизвестного** убийцы был.

Потерявшего **мать** подростка в одночасье отцу вернули, из элитной московской школы с разными там уклонами в полупьяный городок отослали, в полусгнившую деревянную избу с печным отоплением, кошкой, мышами и тараканами. И в такую же по качеству образования школу с одним директором и двумя учителями – тремя собутыльниками. А Мизалевич-старший даже рад был за сына. Ведь из дерьма всегда приятно выползать. Ниже – дно. Выше – свет. Сам он в подобном месте родился и уже выползал без чьей-либо помощи, а сынок впервые вляпался, теперь ему тоже выползать придется: пусть потренируется, пусть удовольствие от жизни получит, а отец подсобит, – так и объявил полковник сыну на радостях от воссоединения семьи.

И долго потом с другом своим, Сеней Ароновым, пил мевтивший в генералы Мизалевич на берегу полноводной таежной реки. И неспешное течение понесло обрывки фотографии молодой, недавно полной жизненных сил женщины к Ледовитому океану. И светилось при этом лицо полковника, а рот буквально до ушей в улыбке растягивался. Нет человека – нет проблемы. Его был принцип, с десятилетнего возраста, когда на оккупированной немцами территории он сынка местного полица кирпичом убил и ответственности избежал.

Плохие начались годы.

Зверели старые друзья от непроглядных перспектив. Профессионализм против коллег своих бывших использовали за деньги немалые, что у покойных изымали чемоданами и ящиками. Как могли, уберегали младших от такой работы. Но нужна была помощь. И потому не отсиживались Закир, Эдем, Костя, а особенно самый старший из них – Влад, которому на подхвате у Дамира Ризвановича пришлось в полной мере восточный колорит испытать в делах его необычных, творимых на закате Узбекской ССР. И долго темный шлейф тех дел Влада по ночам преследовал.

А потом спустили красный стяг над Сенатским дворцом Кремля, и потянулись разбросанные по бывшей стране товарищи обратно в Москву и в Ташкент, в столицы новых государств. Сначала один в орбиту новой своей власти попадал, потом второй и так далее, по цепочке подтягивали друг друга на посты нужные, валюту за которые Аронов и Ибрагимов добывали и накапливали все последние годы, – и все успокоилось.

Вот тогда и приехал Семен Михайлович к сестре своей на кладбище, когда личный счет его жертв психологический рубеж перевалил. Каяться приехал. Больше года не посещал он

могилу Фани, схороненной в январе 1957 заботами их сердобольной и набожной соседки. Никто, кроме него самого, о могилке этой не знал, лишь в завещании упомянул он о сестре своей и о могиле ее. Во все годы службы приезжал товарищ Аронов сюда, когда плохо становилось.

А захоронение простенькое совсем: два холмика и кустарные надгробия; специально в первозданном виде он все оставил и, приезжая, будто в юность свою погружался, послевоенную и безденежную. В старые времена обрамление могил было гармоничным, под стать скудной эпохе. Но с годами оградку менять пришлось, чтобы ее изначальная простота не сильно контрастировала с реальностью. Несколько раз обновлял Семен Михайлович оградку. Последний раз – в прошлом январе заказал и установил кованую, работы ручной, с вензелями, со столбиками и цоколем гранитными. Не хуже получилось, чем у первых нуворишей, что занимать начали свои законные места по соседству, безжалостно вытесняя бесхозные или просто неказистые захоронения в округе. Будто не только снаружи, среди живых, но и внутри кладбища грызня шла, среди покойников.

Раньше было проще, понятней. Когда сестра умерла, невелик возрастом Семен был, в бытовых вопросах несведущий. Но соседка вдруг подарила приготовленное для самой себя место на Николо-Архангельском кладбище, что по Носовихинскому шоссе, с материалом помогла и условие поставила, попросила по-человечески, что ее саму он тоже здесь похоронит, и поминать будет, и за могилкой ухаживать. Муж и сыновья тети Наталии в ополчении безвестно сгинули под самой Москвой, одна она осталась, без родни даже; замуж повторно не вышла, не смогла. Молодых и одиноких, красивых и очень красивых женщин и девушек тогда полно скита-

лось, вот и просочилось юркое счастье мимо, вот и старилась она с тех пор в одиночестве, старилась и беспокоилась о будущем.

Но напрасно беспокоилась. Прибыл осенью 1960 года в краткосрочный отпуск и выполнил рядовой Аронов свое обещание, положил гроб с телом соседки рядом с гробом сестры своей. Так и лежали они с тех пор: одна под сварным из обыкновенных водопроводных труб восьмиконечным крестом, а вторая под устремленной ввысь стелой из листового железа, с узором в виде шестиконечной звезды, сложенным из двух правильных треугольников. И хотя стал Семен Михайлович партийным товарищем, хотя выбился он в офицеры советские и нес карающий меч партии в руке своей крепкой, данное тете Наталии обещание неукоснительно выполнял. Конечно, сам не молился в церкви, так как веры истинной не знал, но, одетый в штатское, забегал время от времени в храмы, заупокойные по ней заказать. А вот как и где еврейку Фаню правильно помянуть, не ведал, потому своими словами за нее молился и думал о ней постоянно. Ведь не было у него никого роднее. И сестру она заменила ему по жизни, и мать, и отца, и дедушек с бабушками – всех.

– Разве что не жену, – вгоня мальчика в краску, посмеивалась Фаня по вечерам, когда спать укладывались.

Вдвоем они жили в семиметровой комнате коммунальной квартиры. И на одном диване спали там же. И праздники праздновали, и гулять выходили тоже вдвоем. О замужестве сестра даже не помышляла. И у Семена подруг не было. Одноклассниц своих он сторонился, а на адресованные им с сестрой пошлости отвечал ударами.

Нет, не страдала Фаня от болезней перед смертью, не стала жертвой несчастного случая или преступления. Просто высо-

хла она и тихо уснула на пятый месяц после изменившей их жизнь поездки в Ужгород.

И сейчас, в момент переломный, когда у него тоже все чуть не рухнуло вместе со страной, заехал товарищ Аронов на кладбище и сидел теперь перед шестиконечной звездой на январском холоде, поеживаясь: в таком же точно мерзлом январе все началось, только в 1956 году. Именно тогда четырнадцатилетний Семен и стал тем, кем он стал, именно тогда мысль у него появилась жесткая, позже им реализованная.

Фаня в то время работала в Главном управлении исправительно-трудовых лагерей и колоний МВД Союза ССР и всегда внимательно отслеживала тюремное житие последнего из тех пятерых извергов, что 21 июля 1941 года расстреляли отца ее, Моисея Гершевича Аронова, бывшего московского нотариуса. Но 3 января 1956 года узнала, что из мест заключения по объявленной Никитой Хрущевым амнистии был освобожден этнический венгр Миклош Горт. И не просто освобожден: ему вернули конфискованный хутор под Ужгородом.

Никаких сомнений у Фани не осталось: он это. Один из советских венгров – убийц ее отца, прощенный советской властью. А узнав, терзаться начала от безысходности, от подлости тех, кому верила, за кого отец ее жизнь положил. Ведь была она до того спокойна, с мыслью хоть о какой-то справедливости жила, верила государству, верила советской власти. А как веру в справедливость утратила, то замкнулась, в себя ушла. И жизнь ее с того момента быстро-быстро побежала мимо: день прошел, ночь прошла, и ладно – умерла девушка, хотя и жива была.

Вот тогда и прилип к ней брат несовершеннолетний с распросами, и, вжатая им в ночь с 25 на 26 января 1956 года

в стену, расплакалась Фаня и рассказала все, что в тайне держала, что помнила, – все рассказала.

Про отца своего она помнила, в прошлом тучного телом, но в первый месяц войны высохшего так, что выданная по размеру форма болталась на нем, как на шесте. И волосы отцовы помнила, копну кучерявую и черную из-под фуражки со звездочкой красной, и очки на носу круглые, и глаза большие, выпуклые, добрые-добрые.

Так получилось, что перед самой войной поехали они вдвоем в дом отдыха в Минскую область, на учет отец встал и призван был в первый день войны, но неразбериха началась, и отступали они без приказа вдвоем до Смоленска почти. То на одну, то на другую должность Моисея Аронова назначали по мере прохождения населенных пунктов. Никто не верил, что война надолго и всерьез. Говорили, что это провокация, сейчас товарищ Сталин разберется и скоро все закончится.

Но не заканчивалось. 21 июля 1941 года при станции железнодорожной, сейчас не существующей, службу отец ес нес в должности начальника, назначили взамен сбежавшего. И состав она помнила, прибывший вне расписания. Не мог ничего понять отец и побежал узнавать, а тут налет. Взрыв – и нет паровоза, и первого вагона, и людей нет. Взрыв, взрыв, взрыв, кругом все рвалось. Взрыв – и нет середины состава. И страшно, и не страшно девочке десятилетней было, лишь ветер сдувал ее с ног, по ушам бил звук мерзкий и свист, свист, вой! Маленькая Фаня в здании станции пряталась, убежденная, что не пробьет бомба крышу деревянную, а отец на землю залег уже вдалеке и обратно полз к ней быстро-быстро.

А еще видела она черные точки вокруг поезда в поле – люди убитые, и состав горел, и поля вокруг горели, и лесополоса вдоль путей горела, и деревья причудливо пострижены

были силой непонятной. В безоблачное почти, жаркое небо черные клубы поднимались. И среди ужаса и хаоса к станции человек черный вдоль горящего состава шел. Высокий, сильный, в развивающейся на ветру прокопченной гимнастерке без ремня, черный волосом и бородатый. Бороду длинную его ветер в сторону сдувал. Сам спокойный, а в руках кулек черный нес, вертикально прижав к себе. Самолеты еще в небе кружили, а он внимания на них не обращал и даже головой не вертел. Шел и шел прямо, будто слепой и глухой, ни огня не видел, ни взрывов не слышал, а смотрел то на станцию, то на кулек и улыбался белым оскалом на черном своем лице.

И отец увидел его. Постыдился лежать, поднялся с земли навстречу, форму отряхнул от пыли, подпоясался поужими-стей, фуражку приладил, козырнул и уже вдвоем они в полный рост к станции пошли. Подойдя, поздоровался с Фаней красноармеец с лаской и добротой в голосе представился – Воротнев. А кулек, что в руках он держал, зашевелился вдруг и заплакал. Оказалось, женщина с новорожденным ехала откуда-то со стороны бывшей польской границы, а что за женщина – непонятно. Сам красноармеец тоже из Москвы, где-то у кладбища немецкого в бараке с женой до войны жил, из окружения выходил, к поезду по пути случайно прибился и помощником коменданта временно назначен был. Но погиб только что комендант при обстреле, и не знал солдат, что дальше ему делать, какую службу нести, куда ребенка деть.

А потом выяснилось, что простой солдат греческий и французский языки неплохо знал. И рядом с ребенком надпись кровавую на настиле увидел: мать перед смертью написала: «Semer», что означало «сеять» с французского, но и на русское имя «Семен» похоже. Отец Фани, как старший по званию (с кубиком одним в петлице), долго не рассуждал: ребенка

в журнал вписал, рождение зафиксировал, Семеном и назвали мальчика. Фамилию же дали под статью перевода: кто еще на Руси сеял, как не многочисленные Иваны. Да и сам мальчик кучерявый и черненький уродился, на еврейчика похожий.

– Пусть уж Сеней Ивановым будет, может хоть ему повезет, – так и сказал отец, выписывая справку о рождении.

И еще диалог Фаня запомнила.

– Товарищ Воротнев, вы языками сейчас ненужными владеете, гимназию закончили. Из дворян? – спросил отец ее у красноармейца, когда о познаниях того узнал.

– Не из дворян, дед крепостной. Но это неважно, – твердо ответил боец голосом тихим. – И хоть отец мой богатым промышленником был, но все же чистокровным русаком, а вам бы с дочкой на восток уехать быстрее или к армии прибиться. А то слухи ползут про зверства невиданные, про лагеря непонятные, куда немцы цыган и евреев сгоняют целыми семьями, и отстреливают, и в печах сжигают, всех до одного извести хотят. Не верят в это люди, думают, пропаганда советская, некоторые даже ждали прихода немцев, а напрасно: не те это немцы, что в 1918 году!

– И больше скажу вам, товарищ Воротнев. Я не только еврей, но и коммунист, и командир, так что поводов быть отстрелянным или сожженным у меня много и немцев мне ждать не резон, тем более с дочерью-еврейкой. Но не могу я покинуть пост до вечера: состав жду. У каждого из нас свой долг и своя судьба. Jedem das Seine по-немецки, каждому свое. А вам приказ, красноармеец Воротнев! Пройдите по составу, соберите оружие и документы, какие найдете, затем я выдам вам опечатанный портфель для передачи в первый же штаб. Ведите пассажиров на восток и дочку мою с Сеней Ивановым захватите. А приказ я подпишу, заверю и выдам вам на руки.

Так что не волнуйтесь, ответственность на мне, – сказал так отец Фани, показал взмахом руки, куда людей вести, а потом и портфель опечатанный передал, когда красноармеец к нему вновь подошел после обхода разбитого состава.

Фаню с младенцем тоже отправил на восток, так как знал уже о том, что солдат ему рассказал про цыган и евреев, про коммунистов и командиров, от беженцев знал. И не надеялся ни на что. Оставаясь с дочкой в одиночестве, молился по всем правилам, Бога просил лишь ее сохранить и сберечь...

И больше она отца не видела никогда.

А красноармеец довел ее до медсанбата стрелковой дивизии, деньги все свои отдал, еды побольше насобирав у бойцов и вложил ей в мешок, поцеловал на прощанье и ушел, не единожды обернувшись. А дальше – сама. Из-под Смоленска добралась она до Москвы пешком, а часть пути – на попутных телегах. Жалели женщины сироту-еврейку с братиком, слухи и до них дошли о ползущих с запада зверях.

Ну, а в Москве фамилию мальчику Фаня свою вписала – Аронов, братом представила и омолодила немного: 21 июля 1941 года выбрала днем его рождения и днем смерти матери его, мачехи своей несуществующей, якобы умершей при родах, – не знала девочка, отчего женщины умирают, так и думала, что при родах только, как ее родная мама. И ей поверили, даже в детский дом не направили, соседка, та самая тетя Наталия, на прокорм взяла.

А в конце 1948 года официально узнала Фаня, что машинист и четыре его помощника с прибывшего к вечеру состава просто расстреляли очередного встреченного по пути начальника станции – младшего лейтенанта Аронова Моисея Гершевича, 1910 года рождения. Со смехом расстреляли и в присутствии свидетелей. За то, что еврей, – выстрел.

Коммунист – выстрел. Командир – выстрел. И по глотку вина. Комиссар – выстрел. Москаль – выстрел. И просто на посошок, раз уж не хохол и не венгр, – выстрел. Пять пуль они всадили отцу Фани в болевые точки, наслаждались муками его и агонией, а кто-то звезду шестиконечную у него вырезал на спине, при жизни или уже после смерти – неизвестно. Но коллаборант местный, свидетель, на допросе послевоенном перед неминуемым расстрелом вспомнил, что ни звука младший лейтенант Аронов не проронил, хотя боли терпел страшные, и последним выстрелом (за то, что не хохол и не венгр) добились его. А звезду уже потом вырезали, на трупе. И помиловали коллаборанта за показания правдивые, двадцать пять лет лагерей дали за раскаяние и за то, что не убил никого.

Фамилии преступников быстро установили: они официально значились при составе еще с довоенных времен. Кто же тогда из них думать мог, что «великий и тысячелетний» рейх падет всего через четыре года под натиском ненавистной им «русни». Но до конца войны дотянул один Миклош Горт, именно тот, кто под «еврея» в промежность Моисею Гершевичу пулю первую со смехом направил. Кастрировал выстрелом, но не убил же! Потому и амнистировал его лысый скорморох, потому и хутор вернул ему в целости за то, что лишь кастрировал садист еврея...

«Но не убил же!» – так понял и вбил себе в голову Сеня Аронов. И считал он с тех пор день 26 января 1956 года днем своего второго рождения, днем начала новой, второй своей жизни, когда глаза его раскрылись, когда иначе он смотреть начал на окружающий его мир.

И теперь, сидя перед могилой сестры, вновь окунулся он в прошлое, в первый день августа того же года перенесла его память.

В тот прохладный вечер не по годам крепкий пятнадцатилетний Сеня, осмыслив и твердо приняв единственно верное решение, встретил с работы измученную безысходностью Фаню и повел ее в Измайловский парк навыки свои показать: то, к чему он последние восемь месяцев готовился. А в парке, в местечке дальнем, поросшем и не прибранном с довоенных времен, достал он из-под коряги кинжал мощный, армейский и дерево им наметил, не толстое и не тонкое – среднее. Взмах рукой – и кинжал с вибрирующим стуком впился острием в далекий ствол. А потом еще и еще раз. И еще, и еще. Без осечек, без промахов. И удар показал, и второй, и третий. И повалилось срубленное кинжалом, словно топором, дерево от трех ударов его руки, уже тогда мощной и вооруженной лишь стальным зубом, а не колуном.

Не очень толстый ствол, но ведь крепче шеи!

Поняла это сестра.

Молчал и вглядывался Семен в лицо Фани. И видел, как светлел ее взгляд, как вновь глаза ее, в январе 1956 года потухшие, заблестели, как жизнь возвращалась в ее порозовевшие щеки: понимать она начинала, что не просто брат и друг у нее растет, но единомышленник в деле ею задуманном и без слов им понятном. А вечером на турнике и на брусках Семен крутился, и девушки молоденькие на него смотрели с восхищением, но не для них силу он свою демонстрировал, а для сестры, любил которую молодой в ту пору человек больше жизни своей.

Ничего лишнего они не сказали друг другу. Семен в каникулы свободен был, а Фаня на следующий же день отпуск взяла и два билета купила до далекого Ужгорода, в один конец. А там, в окрестностях лесистых, холмистых и достаточно отдаленных от пропаганды советской, скрывались они, как

партизаны, ото всех. Трое суток денно и ночью выслеживали дичь хитрую, сильную и жестокую, с бодуна или по другим мотивам, кукурузным початком амнистированную.

А как выследили, так Фаня в пасть ненавистную, рукоятью кинжала Семеном уже обеззубленную, кляп вбила, пока брат ее добычу держал приемом болевым – руку до хруста костей заламывая. Девушка же, времени не тратя, напомнила убийце, за что помрет он сейчас в муках страшных. Мычал тот что-то, но не слушали ребята его. Одежду на звере двуногом Фаня распоролла и оголила тело его беззастенчиво, член от страха сморщенный отчленила сечением медленным – кастрировала так же, как он отца ее выстрелом. Свастику фашистскую с кусками мяса на спине его, от боли извивающейся, вырезала, потом живот вспорола. И била, била, била остервенело лезвием острым. Но только смерть никак не шла к убийце и сади-сту, советской властью за глумление над евреем прощенному, словно не нужен он был и дьяволу в аду, куда отправить его хотели. Или сам не спешил на тот свет, ответа боялся.

И тогда Семен его поторопил. Подобрал он жало стальное, выпавшее из ослабевших рук сестры, и просто перерезал горло зверю окровавленному, забитому, уже издыхавшему, нечеловеческой мукой искупившему вину свою перед отцом Фани, и сам завершил его мучения – из жалости.

Ну, а в конце января 1957 года три дня и две ночи лежал Семен возле тела Фани и в то, что нет ее больше, не верил. Лишь к вечеру третьего дня, 26 января, к годовщине своей второй жизни понял все. А потом наваждение странное на него нашло: крушить начал в комнате мебель, стены, двери, окна выбил. И орал, орал, катаясь по полу, бросаясь на тех сердобольных, кто успокоить его пытался, выл дико и безнадежно, не умея иначе плакать.

Милиция быстро приехала. Семена заподозрили в убийстве сестры, но не задержали: некриминальной смерть оказалась. Комнату обыскали, как полагается, портрет красноармейца нашли, Фаней нарисованный, и фотокарточку ее детскую – единственную, что от нее осталась.

Не отдали молодого человека в детский дом, взрослый был уже. Не поставили и на учет медицинский – замяли дело. В Московское СВУ направили сироту Аронова, затем в армию, затем дальше учиться. Забыли люди о буйстве его, но видели ум, хладнокровную смелость, силу и готовность выполнить любой приказ, без жалости и без колебания. Но о том, что не партии родной и отечеству социалистическому он служил, а товарищам своим, таким же неприкаянным, и делу их общему, о том лишь товарищи эти и знали.

Не чаял Семен Аронов сестру свою покойную увидеть. Не в силах это человеческих. Но как встретил он Аню Титову в июне 1981 года, то чуть вновь с ума не сошел: в глазах ее и во взгляде юную Фаню узрел, будто воскресла та и с фотографии к нему вернулась, разглядел в девочке-узбечке он тень девочки-еврейки и вновь влюбился. Но когда выросла Аня, не смог преступить известный порог в отношениях, им самим очерченный. Так же, как долго не мог переступить тот порог с Фаней, пока она сама не заставила его сделать это в ночь с 21 на 22 января 1957 года, в самую счастливую ночь их жизни...

Не любил Семен Михайлович вспоминать о счастье. Верил, что жизнь меняют дни несчастные, дни тяжелых или странных испытаний. Только эти дни он помнил, не боялся и ждал их.

Но и счастливых дней полно было в его жизни.

Только какой от них толк?